

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139
e-ISSN 1816-8590

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2018. № 2(110)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки. Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@sziu.ranepa

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2018
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, ректор Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель совета (Москва);
- Крастиныш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — PhD, доктор права, профессор (Германия);
- Кармен Перес Гонсалес** — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);
- Феликс Вакас Фернандес** — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора
1. *По политическим наукам:*
- Акопов С. В.** — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Вульфович Р. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Казанцев А. А.** — доктор политических наук (Москва);
- Колесников В. Н.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Полякова Т. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Теребнёв Л. В.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)
2. *По истории:*
- Аграшенков А. В.** — кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Вершель В. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ежова Г. В.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Лушин А. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Морозов В. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Новикова И. Н.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Сергеев В. М.** — доктор исторических наук, профессор (Москва);
- Шумилов М. М.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
3. *По экономике:*
- Балашов А. И.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Бодрунов С. Д.** — доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Запорожан А. Я.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Каранатова Л. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Куклина Е. А.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Халин В. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Цыгалов Ю. М.** — доктор экономических наук, профессор (Москва)

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board (Moscow);
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)
- Carmen Pérez González** — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain)
- Félix Vacas Fernández** — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;
1. *Political Sciences:*
- Akopov S. V.** — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (History), Moscow;
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg)
2. *History:*
- Agrashenkov A. V.** — PhD in History, Associate Professor (St. Petersburg);
- Vershel V. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Ezhova G. V.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Isaev A. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Lushin A. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Morozov V. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Novikova I. N.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)
- Sergeev V. M.** — Doctor of Science (History), Professor (Moscow)
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)
3. *Economics:*
- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Bodrunov S. D.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Zaporojan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 8 КУРОЧКИН А. В., БАБЮК И. А.**
Инвестиционная политика в условиях экономики, основанной на знаниях: новые инструменты и ценностные основания
- 15 ШЕДИЙ М. В.**
Методы научного анализа коррупционных отношений
- 24 КОВАЛЕВ А. А.**
О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 32 БЕК И.**
Трансграничное сотрудничество: вызовы и перспективы для горизонтального измерения европейской интеграции

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 43 БОДРУНОВ С. Д., ДЕМИДЕНКО Д. С., ПЛОТНИКОВ В. А.**
Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития
- 55 КУРЗЕНЕВ В. А., ПЕРЕКРЕСТ В. Т., ПЕРЕКРЕСТ И. В., ЧЕРНЕЙКО Д. С.**
Технология обеспечения развивающихся экономических систем профессиональными кадрами

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 65 БАЙЕР Ю. П., РУИЗ-МАРТИНЕС Ф.-Х.**
Россия накануне Чемпионата мира по футболу-2018: влияние стратегической коммуникации на политическую систему в ходе глобальных спортивных мероприятий
- 73 КОЛЕСНИКОВ В. Н., ШАНДЫБИНА Н. Д., ЭРИУМ С. С.**
Экология человека: сбережение нации как стратегия успешного развития
- 80 АБРАМОВ А. С.**
Проблемные вопросы и перспективы внедрения технологии декларирования процедуры таможенного транзита в электронной форме как инструмента повышения качества таможенных услуг
- 88 СОСНОВСКАЯ А. М., МИХАЙЛОВ А. В., ОРЛОВА О. Ю.**
Нематериальное наследие и идентичность молодежи Санкт-Петербурга

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 100 ГРИДНЕВ В. П.**
Подвиг ленинградской милиции в обороне города на Неве (1941–1944)
- 108 ЕЖОВ М. В., ЕЖОВА Г. В., КУДРЯШОВ В. С.**
Политическая оценка Октябрьского переворота 1917 года как начальный этап становления культа личности Сталина

в эпоху пролетарской диктатуры

- 114 ЛЫТКИНА Л. В.**
История российской театральной журналистики XVIII — начала XIX вв.
и журнал «Драматический вестник»

A LINEA

- 128 ТИРАБЯН К. К.**
К вопросу об определении феномена диаспоры (на примере армянской
диаспоры Российской Федерации)
- 137 ХИЖНЯК М. В.**
Информационная безопасность РФ: в поиске новых партнеров
- 145 КОСТИН А. Э.**
К вопросу о применимости теории корпоративизма Ф. Шмиттера
в современном российском политическом пространстве

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 152 КИРИЛЕНКО В. П., АЛЕКСЕЕВ Г. В.**
Превентивный военный удар: от воспитания американского патриотизма
к угрозам международной безопасности

POLICY AND LAWFUL STATE

- 8 KUROCHKIN A. V., BABYUK I. A.**
Investment Policy in the Conditions of the Knowledge Economy:
New Tools and Valuable Bases
- 15 SHEDIJ M. V.**
Methods of scientific analysis of corruption relations
- 24 KOVALEV A. A.**
About a Role and the Place of Plenipotentiary Representatives
of the President of the Russian Federation in the Power Mechanism
of Ensuring Military Safety of the Country

EURASIAN STUDIES

- 32 BECK J.**
Cross-Border Cooperation: Challenges and Perspectives for the Horizontal
Dimension of European Integration

POWER AND ECONOMY

- 43 BODRUNOV S. D., DEMIDENKO D. S., PLOTNIKOV V. A.**
Reindustrialization and Formation of “Digital Economy”: Harmonization
of Tendencies through Process of Innovative Development
- 55 KURZENEV V. A., PEREKREST V. T., PEREKREST I. V., CHERNEYKO D. S.**
Technology Support of Professional Personnel of Developing Economic
Systems

SOCIETY AND REFORMS

- 65 BAYER Ju.A, RUIZ-MARTINEZ F.-J.**
Communication Strategy Effects in the Political System during Global Sport
Mega-Events: Russia on the Eve of the FIFA World Cup 2018
- 73 KOLESNIKOV V. N., SHANDYBINA N. D., ERIUM S. S.**
Human Ecology: Saving the Nation as a Strategy for Successful Development
- 80 ABRAMOV A. S.**
Problem Issues and Prospects of Implementation of Technologies Declaration
of Customs Transit Procedure in Electronic Form as a Tool to Improve
the Quality of Customs Services
- 88 SOSNOVSKAYA A. M., MIKHAILOV A. V., ORLOVA O. Yu.**
Immaterial Heritage and Identity of Youth of St. Petersburg

HISTORY AND CULTURE

- 100 GRIDNEV V. P.**
Feat of the Leningrad Militia in Defense of the City on Neva (1941–1944)
- 108 EZHOV M. V., EZHOVA G. V., KUDRYASHOV V. S.**
Political Assessment of the October Revolution of 1917 as an Initial Stage
in the Formation of the Personality Cult of Stalin in the Era of Proletarian
Dictatorship

- 114 LYTKINA L. V.**
History of the Russian Theatrical Journalism in XVIII — beginning of XIX centuries and the Journal “Drama Vestnik”

A LINEA

- 128 TIRABIAN K. K.**
On a Question of Definition of a Phenomenon of Diaspora (on the Example of the Armenian Diaspora of the Russian Federation)
- 137 KHIZHNYAK M. V.**
Information Security of the Russian Federation: In Search of New Partners
- 145 KOSTIN A. E.**
To the Issue of the Applicability of P. C. Schmitter`S Theory of Corporatism in Modern Russian Political Space

SCIENTIFIC LIFE

- 152 KIRILENKO V. P., ALEKSEEV G. V.**
Preventive Military Strike: From American Patriotism to the Threats of International Security

Инвестиционная политика в условиях экономики, основанной на знаниях: новые инструменты и ценностные основания

Курочкин А. В.^{1*}, Бабюк И. А.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация), * alexkur@bk.ru

²Комитет по инвестициям Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию особенностей целей, задач и содержания государственной инвестиционной политики в условиях становления и развития экономики, основанной на знаниях. Авторы анализируют ключевые характеристики новой экономики, ее влияние и взаимосвязь с политической и социокультурной сферами общества. Особый акцент сделан на необходимость выработки консенсусной стратегии инвестиционной политики, ее включения в более широкий контекст государственной экономической политики, учитывающей широкий спектр вызовов и рисков, с которыми сталкивается современное общество. Инвестиционная политика должна рассматриваться в неразрывной связи с ребрендингом территории, ее социальными, географическими и культурными особенностями. В качестве ключевых инструментов, позволяющих решить эту задачу, выделены современные сетевые технологии управления: краудсорсинг, бенчмаркинг, маркетинг территории и др.

Ключевые слова: инвестиционная политика государства, экономика знаний, человеческий капитал, креативный капитал, государственно-частное партнерство, сетевые технологии, краудсорсинг, бенчмаркинг

Investment Policy in the Conditions of the Knowledge Economy: New Tools and Valuable Bases

Kurochkin A. V.^{a*}, Babyuk I. A.^b

^aSaint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), *alexkur@bk.ru

^bInvestment Committee of Saint-Petersburg (Saint-Petersburg, Russian Federation)

ABSTRACT

The article is devoted to research of specific goals, objectives and content of the state investment policy in the conditions of formation and development of the knowledge-based economy. The authors analyze key features of the new economy, its influence to and interrelation with political, social and cultural spheres of society. Particular emphasis is placed on the need to develop a consensus strategy of the investment policy, the necessity of its inclusion in the broader context of national economic policy, taking into account a broad range of challenges and risks faced by modern society. The investment policy must be viewed in close connection with the rebranding of the area, its social, geographical and cultural characteristics. As key tools to solve this problem in the article describes modern network technologies: crowdsourcing, benchmarking, marketing territory, etc.

Keywords: investment policy, knowledge economy, human capital, creative capital, public-private partnership, networking, crowdsourcing, benchmarking

Проблематика экономики, основанной на знаниях, уже достаточно давно и прочно вошла в различные области социальных наук. Ее методологический базис был сформирован в работах классиков постиндустриализма, актуализировавших раз-

личные аспекты экономического развития в условиях новой социальной реальности: Д. Белла [3] (концепция постиндустриального общества), Э. Тоффлера [17; 18] (волновая концепция развития общества), М. Кастельса [8; 9] (сетевое общество и информационная экономика), Дж. Нейсбита [14] (мегатренды в развитии информационного общества), П. Дракера [7] (концепция посткапиталистического или общества, основанного на знаниях) и др. Отсюда закономерно, что экономика, основанная на знаниях, чаще всего рассматривается как высшая ступень развития экономики постиндустриального общества.

Впервые термин «экономика знания» был употреблен еще в 1962 г. в работе знаменитого американского экономиста Ф. Махлупа «Производство и распространение знаний в США» [13]. Однако он понимал под ним скорее одну из отраслей современной ему экономики, нежели новый, глобальный экономический уклад. В своем современном значении термин «knowledge-based economy» получил широкое распространение после публикации под эгидой ОЭСР в 1996 г. одноименной статьи [20]. Именно там впервые были выделены и систематизированы принципиально новые черты экономики знания, послужившие дальнейшему развитию термина в многочисленных монографиях и научных статьях: актуализация ценности человеческого капитала и инвестиций в него, нелинейный характер инновационного развития, производство и обеспечение трансферта знаний высоких технологий, рост мобильности человеческого и креативного капиталов, государственных и частных инвестиций в сектор знания.

В российской экономической науке, социологии, политологии и теории менеджмента данная проблематика начинает активно разрабатываться с 2000-х гг. Среди прочих следует отметить работы Р. Н. Абрамова [1], О. Н. Антипиной [2], В. Л. Иноземцева [5; 6], О. Г. Голиченко [4], Л. В. Сморгунова [16] и др. В этих работах отмечается, что новая экономическая реальность превратила знания в основной предмет экономических отношений, ключевой фактор производства, источник экономического роста, наряду с трудом и капиталом. В отличие от информации (базового концепта информационной экономики), знания являются готовым продуктом переработки первой в конкретном историческом и культурном контексте. Они представляют собой верифицированный общественной практикой результат познавательной деятельности субъекта.

Эти и другие отличительные характеристики экономики, основанной на знаниях, не могли не повлиять на изменение содержания инвестиционной политики. Исходя из целевых установок инвестиционная политика традиционно трактовалась как составная часть экономической политики государства, система мер (комплекс решений), принимаемых государством по формированию благоприятной (прежде всего институциональной) среды для привлечения и роста эффективности инвестиций в экономику страны, региона, муниципалитета. Соответственно эта система всегда четко локализована во времени и пространстве и обязательно предполагает решения относительно желательного объема инвестиций, их структуры (дифференцируемой по целям, отраслям, территориям и пр.) и приоритетности инвестирования, а также оценки их эффективности и корректировке (за счет механизма обратной связи) проводимого курса инвестиционной политики.

В более узком, отраслевом (или даже суботраслевом по отношению к экономической политике) смысле инвестиционная политика определяется как «составная часть экономической политики, проводимой государством и предприятиями в виде установления структуры и масштабов инвестиций, направлений их использования, источников получения с учетом необходимости обновления основных средств и повышения их технического уровня» [15].

Таким образом, традиционный акцент на рыночных эффектах ставил во главу угла оценку экономической результативности инвестиционной политики, ее стиму-

лирующего воздействия на развитие рынков (валовый рост частных инвестиций, создание дополнительных квалифицированных рабочих мест, развитие механизмов государственно-частного партнерства, новых форм ипотечного кредитования и лизинга в инвестиционной деятельности, рост венчурного инвестирования и пр.). Однако в условиях экономики, основанной на знаниях, в определении и анализе эффектов инвестиционной политики представляется критически важным смещение акцента с экономических составляющих на политические и социокультурные.

Инвестиции следует рассматривать как постоянное явление, процесс, который проявляет себя повсеместно и в любом секторе экономики или социальной жизни. Отсюда актуализируется требование выработки стратегического подхода к планированию и имплементации инвестиционной политики государства. Сугубо экономический или технократический подход к государственной инвестиционной политике не является сегодня достаточным. Инвестиционные проекты разрабатываются и реализуются в конкретных культурных, социальных и политических условиях и их успешность в значительной мере предопределяется именно этими условиями, а точнее — способностью субъектов инвестиционной политики в полной мере их учитывать. Современная инвестиционная политика — продукт сложного, открытого, многоакторного процесса взаимодействия, а не результат деятельности отдельных бизнесменов, либо органов государственной власти, который создается с учетом многочисленных рисков, в том числе и внеэкономических.

К последним традиционно относят экологические риски, риски утраты объектов культурного наследия, геокультурной идентичности конкретной территории и др. Они, в свою очередь, могут быть дифференцированы на множество подвидов. Так, среди потенциальных угроз геокультурной идентичности выделяется риск межпоколенческих культурно-ценностных конфликтов, возникающих в ходе активного развития креативных пространств, центров современного искусства, перформативных выставок и пр. Непонимание и неприятие подобных проектов, являющихся сегодня одним из наиболее перспективных направлений инвестирования в развитие крупных городов, чревато в российских условиях (где по-прежнему наиболее активную часть электората составляют люди пенсионного возраста) существенными политическими потерями для местных элит.

Эстетическое недовольство и ценностный раскол могут быть сравнительно легко и быстро ретранслированы в более широкий общественно-политический конфликт. Отсюда инвестиционная политика даже в таком специфическом сегменте, как креативный бизнес, не может быть отделена от процессов просвещения различных социальных и демографических групп относительно истинных целей, задач и, самое главное, ожидаемых социально-культурных эффектов развития подобных проектов и, как следствие, формирования толерантного отношения к их реализации. Особо отметим, что использование манипулятивных PR-технологий никогда не принесет в преодолении культурных и ценностных расколов требуемый долгосрочный эффект. Напротив, есть потребность в поиске общего ценностного основания и разработке консенсусной стратегии инвестирования и проектирования будущего, что напрямую связано с уровнем развития человеческого капитала, который в условиях становления экономики, основанной на знаниях, является залогом эффективной инвестиционной политики.

Отмеченные выше характеристики и требования к новому содержанию инвестиционной политики, а также процессу ее разработки предопределили необходимость перехода к коммуникационным сетевым моделям взаимодействия государственных и негосударственных акторов, основанным на генерировании и комбинировании новых знаний, гибких решениях (как альтернативе бюрократического универсализма), широком вовлечении в процесс выработки политики различных стейкхолдеров. Ключевыми формами реализации таких моделей в контексте инвестиционной по-

литики становятся: дискуссионные площадки форумного типа, общественные советы и рабочие группы, частно-государственное партнерство и новые сетевые инструменты участия в процессе принятия решений (краудсорсинг, бенчмаркинг), являющиеся составными технологическими элементами открытого правительства, и т. д. Остановимся на последних подробнее.

Появление краудсорсинга как метода сетевого взаимодействия напрямую связано с развитием информационно-коммуникативных технологий и становлением экономики, основанной на знаниях [19]. Многочисленные примеры использования краудсорсинга доказывают, что Интернет, в качестве средства мгновенной трансграничной коммуникации, позволяет организациям частного и публичного сектора наращивать инвестиционный и мобилизационный потенциал, формировать позитивный образ территории, обеспечивает широкий доступ к обсуждению принимаемых инвестиционных решений.

Метод краудсорсинга основывается на двух ключевых предпосылках: допущении о том, что в современном обществе стимул творческой самореализации является одним из наиболее значимых в процессе принятия решений отдельными акторами и, второе, вере в силу коллективного разума, чьим главным достоинством является значительная степень разнообразия составляющих его интеллектов и, как результат, широкий спектр вырабатываемых решений [10].

Коллективный разум определяется как повсеместно распределенного знания, постоянно растущего и координируемого, которая способствует в конечном итоге эффективной мобилизации способностей отдельных акторов [11]. В этом смысле краудсорсинг ориентирован на конечный результат (поиск оптимального решения), демографические, социальные и иные личностные характеристики участников выработки или отбора решений при этом особого значения не имеют. Поэтому данная технология носит принципиально эгалитарный характер.

Одна из разновидностей краудсорсинга — краудфандинг, заключающийся в финансировании проектов «толпой», с использованием специальных электронных площадок, представляет собой самостоятельный инструмент микроинвестирования и этим приобретает особую актуальность для использования при разработке инвестиционных стратегий. Особая актуальность краудфандинга в условиях экономического кризиса заключается в потенциальной возможности восполнить недостаток финансовых средств как в частном, так и в публичном секторах.

Следующая технология — бенчмаркинг — может быть определена как непрерывный процесс сопоставления продукции, услуг, а также практического опыта по отношению к самым сильным конкурентам в отрасли [10]. Причем такое сравнение может проводиться не только между организациями, но и внутри них, между структурными элементами, что позволяет считать бенчмаркинг методом непрерывного совершенствования деятельности организаций любого вида и уровня путем эталонного сравнения.

К основным характеристикам технологии бенчмаркинга, реализуемой как в частном, так и в государственном секторе, относятся: постоянное сравнение практики организации с лучшими образцами; проведение обучения на примерах (кейсах), лежащих вне традиционной «системы координат» организации; адаптация и использование полученной информации в текущей деятельности организации. Бенчмаркинг используется как вертикально (при мониторинге производительности деятельности различных агентов — от местных властей до центрального правительства, а также частных поставщиков услуг), так и горизонтально, когда организации добровольно включаются в систематические исследовательские мероприятия [10]. Наиболее распространенным инструментом горизонтального бенчмаркинга в бизнесе является организационное обучение, направленное на совершенствование менеджмента организации за счет внедрения в поведенческие практики потребности в инновациях.

Различные виды краудсорсинга вместе с методом бенчмаркинга представляют собой основу сетевого взаимодействия в процессе управления современной экономикой и стратегическим развитием территорий. Эти технологии способны формировать глобальные сети взаимодействия между людьми, объединенными общим интересом, повышать продуктивную конкуренцию, адаптивную способность, в конечном счете, привлекательность территории и ее инвестиционный потенциал. Их единство формирует базу для развития открытого правительства.

Открытое правительство можно определить как сложную, комплексную систему координационного управления, интегрирующую различные сетевые методы участия в рамках общей неоменеджеральной стратегии административного реформирования. В условиях экономики, основанной на знаниях, совершается переход от электронного правительства второго поколения к открытому правительству, основными характеристиками которого становятся: активное гражданское участие в процессах управления посредством использования широкого спектра цифровых инструментов, открытость, прозрачность и подотчетность органов государственной и муниципальной власти гражданам в режиме постоянного контроля и обмена информацией, интерактивный характер принятия решений [12]. Открытое правительство актуализирует не столько технические и сервисные возможности обновленной системы управления, сколько обеспечение реального соуправления со стороны граждан и их ассоциаций. Оно ориентировано на использование возможностей коллективного разума и рассмотрение широкого спектра предлагаемых решений.

Таким образом, в условиях экономики, основанной на знаниях, процесс разработки государственной инвестиционной политики предполагает наличие диалога и стремление к консенсусу во всех сферах общественного развития. В основе обеспечения эффективности данной модели лежит постоянное продуцирование и циркуляция нового знания, поиск наиболее убедительных аргументов и формирование ценностных ориентаций на развитие территории, формирование публичного интереса в отношении содержания, приоритетов, целей и задач инвестиционной политики.

Литература

1. *Абрамов Р. Н.* Сетевые структуры и формирование информационного общества // СОЦИС. 2002. № 3. С. 133–140.
2. *Антипина О. Н.* Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. М. : Теис, 2009. 284 с.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999.
4. *Голиченко О. Г.* Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. М. : Наука, 2006.
5. *Иноземцев В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М. : Логос, 2000.
6. *Иноземцев В. Л.* Технологический прогресс и социальная поляризация в XXI столетии // Полис. 2000. № 6. С. 28–39.
7. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999.
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
9. *Кастельс М., Химанен П.* Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. М. : Логос, 2002.
10. *Курочкин А. В., Еремеев С. Г.* Государственное управление и инновационная политика в условиях сетевого общества: новые принципы эффективности. СПб. : изд-во РХГА, 2014.
11. *Курочкин А. В.* Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9–1. С. 78–81.

12. Курочкин А. В. «Открытое правительство» как новая модель управления в условиях сетевого общества // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2013. № 4. С. 86–93.
13. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М. : Прогресс, 1966.
14. Нейсбит Дж. Мегатренды. М. : АСТ, 2003.
15. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2014.
16. Сморгунов Л. В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012.
17. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2010.
18. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. 2006. М. : АСТ, 2007.
19. Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2012.
20. *The Knowledge-Based Economy*. Paris : OECD, 1996.

Об авторах:

Курочкин Александр Вячеславович, профессор кафедры российской политики, и. о. декана факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, alexkur@bk.ru

Бабюк Ирина Анатольевна, Председатель Комитета по инвестициям Санкт-Петербурга, аспирант СПбГУ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), parfenova@cisp.gov.spb.ru

References

1. Abramov R. N. Network structure and the formation of information society // SOCIS. 2002. N 3, P. 133–140 (rus).
2. Antipina O. N. Information Economics: modern technology and pricing. M. : TEIS, 2009 (rus).
3. Bell D. The Coming of Post-industrial Society. M. : Academy, 1999 (rus).
4. Golichenko O. G. National innovation system of Russia: condition and ways of development. M. : Science [Nauka], 2006 (rus).
5. Inozemcev V. L. Modern postindustrial society: nature, contradictions, perspectives. M. : Logos, 2000 (rus).
6. Inozemcev V. L. Technological progress and social polarization in the twenty-first century // POLIS. Political research. [POLIS. Politicheskie issledovaniya] 2000. N 6. P. 28–39 (rus).
7. Drucker P. The Post-Capitalist Society // New post-industrial wave on the west. Anthology [Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya] / edited by V. L. Inozemtsev. M. : Academy [Akademiya], 1999 (rus).
8. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture / translated from English under the supervision of O. I. Shkaratan. M. : The National Research University Higher School of Economics [Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ehkonomiki»] 2000 (rus).
9. Castells M., Himanen P. The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model. M. : Logos, 2002 (rus).
10. Kurochkin A. V., Eremeev S. G. Governance and innovation policy in the context of the network society: the new principles of efficiency. SPb. : Publishing house of Russian Christian humanitarian Academy [Izdatel'stvo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii], 2014 (rus).
11. Kurochkin A. V. Crowdsourcing as a new method of political governance in a networked society // Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. The theory and practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie voprosy teorii i praktiki]. 2013. N 9–1. P. 78–81 (rus).
12. Kurochkin A. V. Open government as a new model of management in the network society // Messenger of Saint Petersburg University. Series 6. Philosophy. Cultural studies. Political science. Right. International relations [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Seriya 6. Filosofiya Kulturologiya Politologiya Pravo Mezhdunarodnye otnosheniya] 2013. N 4. P. 86–93 (rus).
13. Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. M. : Progress, 1966 (rus).
14. Naisbitt J. Megatrends 2000. M. : Publishing house «AST», 2003 (rus).
15. Raizberg B. A., Lozovskiy L. S., Starodubtseva E. B. The dictionary of modern economics. 6th edition revised and enlarged. M. : INFRA-M, 2014 (rus).

16. Smorgunov L. V. In search of governability: concepts and transformation of public administration in the XXI century. SPb. : Publishing house of St. Petersburg state University [Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta], 2012 (rus).
17. Toffler A. The third wave. M. : Publishing house «AST», 2010 (rus).
18. Toffler A., Toffler H. Revolutionary wealth. M. : Publishing house «AST», 2007 (rus).
19. Howe J. Crowdsourcing. Collective intelligence as a tool for business development / Jeff Howe; translated from English. M. : Alpina Pablisher, 2014 (rus).
20. The Knowledge-Based Economy. Paris : OECD, 1996.

About the authors:

Alexander V. Kurochkin, Professor, Dean of the Faculty of Political Science of Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Science), alexkur@bk.ru

Babyuk Irina Anatolievna, Chairman of the Investment Committee of Saint-Petersburg, Graduate Student of Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), parfenova@cisp.gov.spb.ru

Методы научного анализа коррупционных отношений

Шедий М. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления), г. Орел, Российская Федерация, m_v_shedij@mail.ru

РЕФЕРАТ

Мониторинг уровня коррупции в России как по регионам и по уровням власти, по конкретным властным институтам и отдельным сферам социальной активности — одна из важнейших составляющих российской общенациональной антикоррупционной политики, в том числе ее научно-исследовательская составляющая. В течение последних десятилетий наблюдается значительный рост эмпирических исследований феномена коррупции, что в значительной мере обусловливается постоянно растущим интересом отечественных и зарубежных (национальных и международных) научных центров к проведению эмпирических исследований количественных и качественных характеристик коррупции и поиску более эффективных средств противодействия этому явлению.

В отличие от других видов преступлений, коррупция имеет глубоко латентный характер, в связи с чем на протяжении долгого времени единственным источником информации о коррупции была криминальная статистика. Однако сравнительное изучение явления коррупции как в отдельно взятой стране, так и в региональном и, тем более, глобальном масштабе на основе официальных статистических данных практически невозможно, так как регистрация случаев коррупции в официальной статистике носит неполный, фрагментарный характер. Кроме того, большое число статистически учтенных должностных нарушений далеко не всегда можно интерпретировать как показатель высокой коррумпированности общества.

В статье проводится анализ научных методов диагностики коррупционных отношений в современном социуме, рассматривается их специфика, преимущества и недостатки при проведении мониторинга коррупции.

Ключевые слова: коррупция, методология исследования, методы исследования, научный анализ, диагностика коррупционных отношений

Methods of scientific analysis of corruption relations

Shedij M. V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management), Orel, Russian Federation, m_v_shedij@mail.ru

ABSTRACT

Monitoring of the level of corruption in Russia both by region and by levels of power, by specific government institutions and by certain spheres of social activity is one of the most important components of the Russian national anti-corruption policy, including its research component. In recent decades, there has been a significant increase in empirical studies of the phenomenon of corruption, which is largely due to the ever growing interest of domestic and foreign (national and international) research centers to conduct empirical studies of the quantitative and qualitative characteristics of corruption and to find more effective ways to counteract this phenomenon.

Unlike other types of crimes, corruption is deeply latent in connection with what for a long time the only source of information about corruption was criminal statistics. However, comparative study of the phenomenon of corruption both in a single country and on a regional and, even more so, global scale, on the basis of official statistics is practically impossible,

since the registration of cases of corruption in official statistics is incomplete, fragmentary. In addition, a large number of statistically recorded misconduct can not always be interpreted as an indicator of high corrupt society.

The article analyzes the scientific methods of diagnosing corrupt relations in the modern society, their specificity, advantages and disadvantages in monitoring corruption are examined.

Keywords: corruption, research methodology, research methods, scientific analysis, diagnosis of corruption relations

Коррупция как социальное явление существует практически во всех странах мира, однако для современной России она является одной из наиболее острых проблем. Основными направлениями и составляющими борьбы с коррупцией являются:

- укрепление правовых основ, постоянное совершенствование политических, правовых и финансово-экономических и социально-воспитательных механизмов защиты прав, свобод и законных интересов граждан и общества в целом от коррупционной преступности;
- совершенствование организационных механизмов предотвращения и выявления конфликта интересов в отношении лиц, замещающих должности, по которым установлена обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов;
- своевременное выявление и предупреждение появления новых и распространения существующих видов, типов и форм коррупции;
- устранение и минимизация факторов, способствующих росту масштабов и общественной опасности коррупции, особенно в высших органах государственной власти и управления;
- совершенствование мер юридической ответственности за все виды коррупционных правонарушений;
- разрушение условий, порождающих стандарты аморального поведения, двойной морали и двойные стандарты в служебной деятельности.

Национальный план противодействия коррупции на 2016–2017 гг. акцентировал внимание на необходимости повышения эффективности профилактики коррупционных и иных правонарушений, усилении влияния этических и нравственных норм за соблюдение лицами, замещающими должности государственной и муниципальной службы, запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции; расширении возможностей использования механизмов международного сотрудничества для выявления, ареста и возвращения из иностранных юрисдикции активов, полученных в результате совершения преступлений коррупционной направленности; повышении эффективности информационно-пропагандистских и просветительских мер, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям¹.

Важным и неотъемлемым элементом в ряду мер эффективного противодействия коррупции является ее измерение, адекватная оценка, соответствующие выводы и последующие на этой основе антикоррупционные решения. Результаты измерений, прежде всего, общего состояния и уровня коррупции привлекают внимание социума к опасности последствий коррупции, позволяют оценить не только масштабы коррупционного бедствия, но и помогают обществу оказывать конструктивное воздействие на власти, с тем, чтобы повысить эффективность предпринимаемых усилий в направлении противодействия общества.

¹ Национальный план противодействия коррупции на 2016–2017 годы. Утв. Указом Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147.

Состояние коррупции трудно поддается даже социологическому измерению, что обусловлено скрытой природой и аморальностью коррупционных отношений. В связи с тем, что коррупция обладает латентным признаком, она не поддается непосредственному наблюдению и оценивается опосредованно через показатели, каждый из которых может характеризовать не весь, а лишь ту или иную часть наблюдаемого коррупционного явления. Тем более что инструментарий для прямого измерения такой масштабы и такого уровня латентности противоправной деятельности отсутствует¹. Отсюда проблема не только валидности, т.е. достоверности результатов исследования, но и возможности организации эффективного мониторинга коррупции с его диагностическими и прогностическими возможностями.

Научные исследования такого рода необходимы, и они проводятся многими научными центрами и социологическими службами у нас в стране и за рубежом. В режиме мониторингового контроля в первоочередном порядке решаются задачи: изучения общепринятых коррупционных практик; исследования технологий коррупционных сделок; измерения уровня коррупции; анализа структуры коррупции (по уровням и институтам власти, отраслям и сферам жизнедеятельности общества, поиска и оценки «слабых мест»); установления факторов, способствующих распространению коррупции; выявления очагов возможного сопротивления антикоррупционной политике государства.

Широкое применение получили методы социологических замеров, анализа и оценок коррупции. Это не только совокупность способов изучения общественного мнения, получения нужной научной и экспертной информации, но и эффективное средство воздействия на сознание и поведение людей. Инструментарий такого рода исследований хорошо известен и сегодня достаточно популярен в различных сферах управленческой практики: статистический анализ; социологические исследования (методы включенного наблюдения, социологического опроса, анкетирования, интервьюирования, экспертных замеров); анализ документов; контент-анализ публикаций в периодических изданиях и в интернете.

Метод наблюдения — это метод сбора первичных эмпирических данных, связанный с целенаправленным, систематическим и непосредственным восприятием изучаемого социального объекта. Это преимущественно визуальное и слуховое восприятие информации. Главная особенность такого метода состоит в том, что наблюдатель находится как бы внутри объекта исследования и по заранее заданной методике ведет наблюдение за ним. Метод наблюдения позволяет без всяких посредников непосредственно фиксировать состояние объекта (коррупционной ситуации), определить его отличительные свойства и особенности, получить максимально достоверные (из первых рук) сведения о фактах коррупции, ее масштабах, источниках и причинах.

Метод экспертных оценок — способ получения информации, опираясь на мнение признанных специалистов — экспертов в данной области, в нашем случае — в области противодействия коррупции. Высокая объективность результатов и выводов достигается грамотным подбором специалистов-экспертов, умелой организации их деятельности, внимательной обработкой полученных результатов экспертизы.

Документальный метод — способ изучения документов и получения соответствующей информации. Речь идет о документах органов государственной власти и местного самоуправления, управленческих структур, публикациях СМИ, фото- или кинодокументах, аудио- и видеозаписях и др. Этот метод предполагает выяснение до-

¹ Панфилова Е. Измерение коррупции. Пятая ежегодная встреча Антикоррупционной сети. Стамбул. 10–12 сентября 2003 г. // Общественный антикоррупционный комитет [Электронный ресурс]. URL: http://www.stopcorruption.ru/item_345.htm (дата обращения: 25.09.2017).

стоверности и надежности содержащейся в документе информации, обстоятельств его появления, отношения общества к содержащейся в нем информации. Этот метод связан с использованием двух приемов анализа: традиционного и формализованного, связанного с переводом документальной информации на язык количественных показателей, так называемый контент-анализ.

Контент-анализ гарантирует отсутствие субъективизма, особенно если задействован большой массив источников информации, когда хорошо обоснована их номенклатура, логично выстроены единицы исследования (слова, суждения, законченные мысли, статистические данные), оптимизированы единицы счета (эфирное время, количество слов или строк, периодичность).

Социологический опрос — наиболее распространенный, достаточно экономный и отличающийся высоким уровнем четкости метод сбора информации на основе вербальной коммуникации. Отличается оперативностью, простотой, организованностью, стандартностью. Проводится в форме анкетного опроса и социологического интервьюирования. Интервьюирование может быть прямым и опосредованным (по телефону); стандартизированным, проводимым по заранее разработанному плану, и неформализованным в виде непринужденной беседы. Опросы проводятся с целью получения максимально полной информации об объективных или субъективных фактах со слов профессионалов, достаточно долго занимающихся данной проблематикой. Недостатки: влияние качества респондентов; большая зависимость от профессионализма исследователей и возможностей составления качественной выборки опроса; большая трудоемкость.

В сфере изучения коррупции достаточно эффективен метод *статистического анализа*. Считается, что изучение статистики, например уголовных дел по коррупционным преступлениям, может достаточно адекватно охарактеризовать уровень коррупции. И это действительно так. Хотя применение данного метода имеет ряд ограничений, например, из-за не всегда корректного сопоставления различных показателей коррупционной преступности, в связи с изменением критериев оценки общественной опасности коррупционного поведения, основанного на изменениях в уголовном законодательстве. Да и применение уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией носит ограниченный характер и явно не соответствует действительным масштабам коррупции и реальной распространенности коррупционной преступности в стране в целом.

В 2014 г. против коррупционеров было возбуждено 20 тыс. уголовных дел, 11 тыс. направлено на рассмотрение судебных органов. В 2016 г. Следственный комитет России расследовал более 30 тыс. дел о коррупции. За совершение преступлений коррупционной направленности в суд были направлены уголовные дела в отношении 427 лиц, обладающих особым правовым статусом, в числе которых: 27 следователей органов внутренних дел, 4 сотрудника Наркоконтроля, 11 прокуроров, 42 адвоката, 56 членов избирательных комиссий, 130 депутатов органов местного самоуправления, 116 глав муниципальных образований органов местного самоуправления, 13 депутатов органов законодательной власти и 3 судей¹.

Правда, это, как считают ученые-эксперты, лишь вершина коррупционного айсберга, которая охватывает не более 2–3% общего объема коррупционной преступности². Рост числа коррупционных противоправных деяний и зашкаливающие объемы рынка коррупционных услуг свидетельствуют, с одной стороны, о массовой коррупционной зараженности российского общества, а с другой, характеризуют заторможенность общества и недостаточную активность правоохранительных органов в выявлении и пресечении рассматриваемых преступлений.

¹ Подробнее на сайте ТАСС: <http://tass.ru/proisshestiya/3856196>.

² Кабанов К. Коррупция — это бизнес // Аргументы и факты. 2015. № 5. С. 6.

Согласно данным ФКУ «ГИАЦ МВД России» в 2016 г. впервые за последние пять лет зафиксирован рост преступлений коррупционной направленности (+1,4%, всего — 32 924) (табл. 1), ущерб от которых составил 78 443 928 тыс. руб. До 2012 г. информация о преступлениях коррупционной направленности в сопоставимом виде в статистических формах не отражалась.

Таблица 1

**Динамика преступлений коррупционной направленности
в период с 2012 по 2016 г.**

Table 1. Dynamics of corruption crimes during the period from 2012 to 2016

Год	2012	2013	2014	2015	2016
Всего преступлений коррупционной направленности	49 513	42 506	32 204	32 455	32 924
Прирост (снижение), %	—	-14,2	-24,2	+0,8	+1,4

Представляется недостаточной работа по расследованию коррупционных преступлений и привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. Так, в 2016 г. из 32 924 преступлений было расследовано 30 256 (91,8%), однако в суд материалы были направлены только по 79,6% зарегистрированных преступлений (табл. 2).

Таблица 2

**Результаты расследования уголовных дел о преступлениях
коррупционной направленности**

Table 2. Results of investigation of corruption criminal cases

Зарегистрировано	Расследовано	Направлено в суд	Приостановлено	Ущерб, тыс. руб.	Выявлено лиц
32 924	30 256	26 240	868	78 443 928	16 680

По итогам 2016 г. в структуре преступлений коррупционной преступности доминировали:

- мошенничество, совершенное с использованием служебного положения (21%);
- получение взятки (16%);
- дача взятки (14%).

Данные показатели свидетельствуют, что в большинстве случаев выявляются и расследуются факты взяточничества, которые связаны с задержанием виновных «с поличным». В то же время наиболее общественно опасные коррупционные проявления: организованные формы коррупции, системы «откатов», взяточничество в крупных, особо крупных размерах — по-прежнему выявляются редко.

Представленная статистика свидетельствует о том, что российский коррупционер не останавливается, и рассчитывать на это едва ли разумно. Наоборот, коррупционный мир становится все более емким, изворотливым и циничным, подключает к разработке коррупционных схем лучшие финансовые и криминальные умы мира. Достаточно проанализировать происходящее вокруг Всемирного антидопингового агентства (WADA — англ. World Anti-Doping Agency), которое, по сути, превратилось в форму организации большого бизнеса и в один из множества инструментов мирового господства с помощью контроля над финансами агентства, подкупов чиновников и экспертов, политического шантажа. В итоге спортивные успехи определяются не спортивным мастерством, а от величины денежного взноса.

Похоже, и правоохранительные органы в борьбе с коррупцией пока идут по пути наименьшего сопротивления, обеспечивая, прежде всего, благоприятные для себя отчетные показатели. Уровень раскрываемости зарегистрированных коррупционных правонарушений, например в 2014 г., составил 97,5% — показатель вполне удовлетворительный. Вот только количество выявленных такого рода преступлений резко снизилось — за год на 24,3%. Почти половина (47%) деклараций о доходах, расходах и имуществе, представленных высшими должностными лицами субъектов Федерации, содержали ошибки и несоответствия, прежде всего в части декларирования зарубежной недвижимости¹.

Основными причинами неблагоприятного соотношения официальной статистики и данных социологов являются, на наш взгляд, массовое сокрытие преступлений правоохранительными органами (от прямого отказа в приеме заявлений и уговоров потерпевших до фальсификации материалов и статистических карточек) и высокая степень латентности данных коррупционных преступлений. Последнее, кстати, в немалой степени относится и к коэффициенту взяточничества, который за весь исследуемый период превысил 6 баллов и остается стабильно высоким, уступая лишь служебному подлогу.

Динамика коррупционной преступности в нашей стране, к сожалению, не может быть прослежена статистически точно за сколько-нибудь длительный период, поскольку специальный учет этой категории преступлений долгое время практически не осуществлялся. Однако этот недостаток может быть частично исправлен за счет ретроспективной или перспективной оценки неизвестных показателей при помощи известных. Например, известно, что доля взяточничества, совершаемого в системе государственной службы, среди взяточничества в целом составляет примерно 8%; доля хищений, совершаемых путем присвоения, растраты или путем злоупотребления служебным положением (в том числе, в особо крупных размерах) — 2,3%; доля злоупотребления должностным положением — 19% [1, с. 108].

При этом активность правоохранительных органов снижается², коррупция же приобретает системный характер. Количество уголовных дел, направленных в суд, остается практически неизменным, зато растет число оправданных и лиц, дела которых прекращены «за отсутствием события состава преступления» или «за непричастностью». Наиболее распространенным видом наказания за преступления коррупционной направленности является условный приговор. Растет также количество уголовных дел по коррупции, прекращенных по реабилитирующим основаниям.

Постоянное изучение уголовных дел по коррупции является существенным информационным ресурсом для исследования коррупции. Однако он будет эффективным при двух условиях. Первое — унификация систем статистики и отчетности всех правоохранительных органов, прокуратуры, судов. Второе — систематичность и полнота сбора информации, дополняемая доступом к ней для решения информационных и аналитических задач. Последнее возможно при создании централизованной базы данных уголовных дел по коррупции.

Обширным информационным потенциалом для мониторинга коррупции обладает *контент-анализ прессы*. Об остроте проблемы коррупции свидетельствует то, что она не сходит со страниц периодической печати. Достаточно сказать, что

¹ Семинар-совещание для высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и глав крупных городов «Современная экономическая и политическая повестка. Лучшие региональные практики» 29 января 2015 г. // Сайт Президента Российской Федерации: ежедн. интернет-изд. 2015. 29 января. URL: <http://state.kremlin.ru/administration/47539>.

² Шаров А. Взятки потяжелели. Чиновники стали брать по-крупному // Российская газета: ежедн. интернет-изд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/10/13/vzyatki-site.html> (дата обращения: 06.10.2017).

только российские газеты («Известия», «Коммерсант») ежегодно проблеме состояния и борьбы с коррупцией посвящают до 150–200 публикаций. Основное внимание сосредоточивают на взяточничестве среди чиновничества, антикоррупционной экспертизе нормативно-правых актов и управленческих решений и формам противодействия коррупции. Чаще всего встречаются такие смысловые единицы, как «взятка», «коррупционная схема», «откат», «борьба с коррупцией», «коррупционер» [2, с. 89–104].

Однако исследовательский потенциал контент-анализа может быть реализован в полной мере только при наличии реальной свободы слова в стране. В данном случае свобода слова выступает не в качестве ценностной категории, а в качестве необходимого технологического условия любой антикоррупционной политики. Если власть в стране намерена противодействовать коррупции и контролировать эффективность своих шагов, то ее представители должны осознавать, что бюрократический контроль в коррумпированной стране всегда коррумпирован, а потому бесполезен. Следовательно, остается единственная возможность — гражданский контроль, который неосуществим без свободной прессы.

Использование такого метода социологического измерения коррупции, как *социологический опрос*, позволяет изучить данное явление по целому ряду параметров: частоты коррупционных сделок; размера взятки; эффективности коррупционных сделок; наиболее коррумпированные отрасли; динамика развития изучаемой сферы коррупционных услуг; доверие населения к власти; готовность населения поддерживать антикоррупционные меры и пр. Социологические измерения коррупции базируются на вопросах двух типов: оценочные вопросы («Как часто Вам приходится сталкиваться с коррупцией?») и вопросы о личной коррупционной практике («Когда последний раз Вам приходилось неформальным образом воздействовать на должностное лицо с помощью взятки, подарка, оказания услуги?»).

Сразу же оговоримся, что оценочные вопросы не вызывают каких-либо затруднений у респондентов, они охотно на них отвечают. Однако сопоставительные возможности полученных с их помощью данных весьма ограничены. Это связано с большой долей субъективизма респондентов, так как оценки коррумпированности власти тесно взаимосвязаны с доверием к ней, и трудно понять, что первично, а что вторично, что является причиной, а что — следствием. Другое дело, когда требуется ответ на прямо поставленный вопрос о личном участии в коррупционных сделках. В этом случае трудно рассчитывать на правдивый ответ, даже при условии анонимности опроса: респонденты ставят фактически в условия, когда они вынуждены «давать показания против самих себя», тем более, если социолог обращается к должностному лицу или служащему государственного аппарата.

При мониторинге коррупции следует также учитывать такое явление, как информационная преступность, являющаяся порождением информационной эксплуатации темы коррупции в СМИ. Чем чаще СМИ информируют население об одних и тех же фактах коррупции (так называемый эффект мультипликации), тем выше вероятность того, что население будет считать свое общество более коррумпированным, чем оно есть на самом деле. Именно по этой причине при составлении характеристики степени распространения коррупции не следует целиком полагаться на результаты опроса общественного мнения и отдельных категорий граждан.

Более глубокое и предметное проникновение в сущность коррупции, ее причин и последствий дает исследование ее институциональных признаков. Такими признаками могут быть так называемые нейтральные и особенные социальные индикаторы.

К числу *нейтральных индикаторов* коррупции относят:

- немотивированные решения чиновников;

- несоответствие образа жизни чиновника его официальным доходам;
- демонстративный показ чиновником символов своего социально-правового статуса;
- масштабы и качество подарков, факты оплаты другими лицами праздничных, юбилейных и иных банкетов в ресторанах, кафе, барах и т. п.;
- частота неформальных встреч с заказчиками, подрядчиками и лицами, предлагающими свои далеко не бескорыстные услуги;
- необоснованная щедрость заказчиков и подрядчиков;
- неожиданный отказ принять предложения о повышении по службе и др.

В отличие от нейтральных индикаторов *особенные индикаторы* играют роль своего рода предупредительных сигналов присутствия коррупции. Особо значимы среди них:

- безосновательная поддержка предложений каких-либо лиц или подрядчиков при выдаче контрактов, проведении торгов, тендеров и конкурсов;
- неоправданное расширение имеющихся полномочий;
- уклонение от финансово-налогового, санитарного, торгового, противопожарного, экологического и иного контроля, хотя основание для их проведения налицо;
- заключение соглашения с неблагоприятными условиями, которое налагает на учреждение долгосрочные обременяющие обязательства и др.

Ориентация на соответствующие показатели может быть как на уровне отдельных организаций (микроуровень), так и на уровне регионов (макроуровень). В зависимости от того, какой из уровней избран для изучения и анализа, используются соответствующие методы сбора и обработки информации: опрос, интервьюирование, результаты официальных проверок, контент-анализ прессы, уголовная статистика, материалы журналистских расследований, материалы уголовных дел и пр.

Проводимые в стране сравнительные научные исследования коррупционной ситуации подтверждают справедливость вывода о том, что успешная антикоррупционная политика невозможна без фундаментальных сдвигов в общественном, групповом и индивидуальном сознании, без серьезных позитивных коррекций в правилах поведения не только на уровне административно-политической элиты, но и самих широких слоев населения.

Не менее актуальна задача повышения эффективности антикоррупционного научного мониторинга. Мониторинг должен опираться на апробированные практикой методы научно-практического анализа и оценки коррупционных проявлений, не должен носить внутриорганизационный характер и не замыкаться на изучении лишь служебных документов, отчетов и справок; мониторинг должен также основываться на диверсификации источников информации — чем шире охват источников данных, тем более репрезентативными будут его результаты.

Литература

1. *Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: монография* в 2 т. / под общ. ред. С. С. Сулакшина. Т. 1. М. : Научный эксперт, 2008.
2. *Магомедов К. О., Пономаренко Б. Т., Сулемов В. А.* Кадровая коррупция в системе государственного управления: социологический мониторинг : монография. М. : Real Print, 2015.

Об авторе:

Шедий Мария Владимировна, профессор кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Орел, Российская Федерация), доктор социологических наук, доцент, m_v_shedij@mail.ru

References

1. State policy of anti-corruption and shadow economy in Russia: the monograph in 2 t. / under a general edition of S.S. Sulakshin. V. 1. M. : Scientific expert [Nauchnyi ekspert], 2008. (In rus)
2. Magomedov K.O., Ponomarenko B.T., Sulemov V.A. Personnel corruption in the system of public administration: sociological monitoring. Monograph. M. : Real Print, 2015. (In rus)

About the author:

Maria V. Shedij, Professor at the Department of Political Science and Public Policy of Central Russian Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation), Doctor of Science (Sociology), m_v_shedij@mail.ru

О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны

Ковалев А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, senator23@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье на основе краткого анализа истории создания и реформирования института полномочных представителей Президента Российской Федерации в регионах и возлагаемых на них основных задач делается вывод о необходимости кардинального реформирования данного института в целях адаптации его и к конституционному праву Российской Федерации, и к вызовам времени.

Ключевые слова: национальная безопасность, военная безопасность, федеральный округ, внутренняя политика, разделение полномочий, оборона и безопасность

About a Role and the Place of Plenipotentiary Representatives of the President of the Russian Federation in the Power Mechanism of Ensuring Military Safety of the Country

Kovalev A. A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation, senator23@yandex.ru

ABSTRACT

In the article, on the basis of the short analysis of history of creation and reforming of institute of Plenipotentiary Representatives of the President of the Russian Federation in regions and the main objectives assigned to them, the conclusion about need of cardinal reforming of this institute for his adaptation both to constitutional law of the Russian Federation, and to time calls is drawn.

Keywords: national security, military safety, federal district, domestic policy, division of powers, defense and safety

По мнению многих специалистов, в настоящее время вероятность развязывания против России крупномасштабной агрессии весьма мала [2]. Тем не менее, это не означает, что не нужно принимать мер по обеспечению военной безопасности страны и укреплению ее обороноспособности. Мир не стал более безопасным, скорее, наоборот: по всему миру пылают вооруженные конфликты, некоторые из них — в непосредственной близости от границ России. Поэтому усилия по обеспечению военной безопасности государства не только не могут быть снижены, но и должны быть значительно увеличены.

В своих работах мы неоднократно показывали, что одно только укрепление обороноспособности не может решить проблему обеспечения военной безопасности, так как вопреки конституционному в Российской Федерации подходу, безопасность не только и не столько состояние защищенности, сколько ситуация, при которой объекту безопасности не может быть причинен существенный вред в виде

деструкции, дисфункции, ухудшения условий существования [1]. Таким образом, безопасность объекта обеспечивается, в первую очередь, принятием превентивных мер по недопущению нападения на него, ослаблением источника опасности, упрочением самого объекта и созданием условий для оперативного устранения последствий нападения, в случае его осуществления.

Вследствие этого военная безопасность государства должна обеспечиваться путем исключения (существенного снижения вероятности) возникновения войны, противодействия вовлечению в войну, а в случае ее возникновения — сведением к минимуму разрушительных последствий и ущерба для населения страны.

Требуемый уровень военной безопасности может быть обеспечен только целенаправленными и скоординированными действиями государственных институтов и гражданского общества [3; 4]. Поэтому для обеспечения военной безопасности государство должно осуществлять комплекс мер во всех важнейших областях функционирования общества — политической, экономической, информационной и других, оказывающих существенное влияние на задачу обеспечения военной безопасности.

Как известно, военная безопасность имеет два аспекта: внутренний и внешний. Внутренний аспект военной безопасности связан, прежде всего, с проблемами взаимодействия власти с гражданским обществом и взаимоотношений центра с регионами. Именно поэтому вопрос обеспечения военной безопасности страны должен стать одним из основных в повестке дня органов власти всех уровней — от федерального до местного, в том числе и такого института власти, как полномочные представители Президента Российской Федерации в федеральных округах.

Первые полпреды Президента России появились еще в сентябре 1991 г., спустя месяц после произошедшего в августе государственного переворота и смены режима власти в стране. Тогда они назывались «полномочными представителями в республиках, краях, областях, автономных областях и автономных округах, городах Москва и Ленинград». Это были выходцы из демократического движения на местах, как правило, не имевшие никакого опыта государственной службы и выполнявшие функцию идеологического контроля на этапе тотальной смены советского аппарата власти на демократический. На том этапе не было никакой унификации этого нового для России института. Достаточно сказать, что в 1991–1992 гг. полпреды повсеместно назначались в краях и областях, а в республики президентская власть не решалась назначать своих «наместников» вплоть до 1997 г. Для четырех республик Северного Кавказа был назначен один полпред. А в таких республиках, как Татарстан, Башкортостан и Якутия полпреды вообще не были назначены.

В 1993 г., после принятия новой российской Конституции, куда было внесено понятие о субъектах федерации, полпреды стали называться «полномочными представителями президента в субъектах федерации». А начиная с 1997 г. их стали именовать полпредами в регионах. При этом назначались на эту должность уже не демократы первой волны, а все чаще люди, имевшие опыт управления. Это диктовалось необходимостью контроля за проведением экономических реформ. Но и тут все еще не было общих правил игры. Так, в Нижнем Новгороде функции губернатора и функции полпреда президента совмещал один человек — Б. Е. Немцов. То же самое было и в Москве, где мэром и одновременно полпредом был Г. Х. Попов. В этих случаях говорить о каком бы то ни было контроле не приходилось.

Политическая и экономическая ситуация в регионах была разная. Так, в Чеченской республике, находившейся в те годы в состоянии вооруженного конфликта с федеральным центром, невозможно было обойтись без фигуры полномочного представителя президента, притом — человека именно из федерального центра и облеченного достаточно большими полномочиями. В 1994–1999 гг. функции полпреда в Чечне последовательно выполняли люди, одновременно занимавшие

высокие посты в федеральных органах власти: министр по делам национальностей Н. Д. Егоров, вице-премьер правительства О. Н. Сосковец, секретари Совета безопасности РФ О. И. Лобов, А. И. Лебедь, И. П. Рыбкин.

В годы президентства Б. Н. Ельцина его заместители в регионах часто менялись, конфликтовали с губернаторами, чьи функции им приходилось фактически дублировать, не имея для этого реальных рычагов влияния. К концу 1990-х стало очевидно, что этот институт надо или серьезно реформировать, или упразднить как избыточную структуру в пирамиде власти.

Принципиально иной подход был предложен новым Президентом России В. В. Путиным. Указом от 13 мая 2000 г. в стране были созданы семь федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Южный, Уральский, Сибирский и Дальневосточный. Соответственно вместо 87 полпредов стало 7. Позже, во время президентства Д. А. Медведева, из Южного был выделен Северо-Кавказский округ, куда вошли республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания, Чеченская республика и Ставропольский край. В 2014 г. был образован Крымский федеральный округ. Однако уже в 2016 г. Республика Крым и город федерального значения Севастополь были присоединены к Южному федеральному округу. Таким образом, на сегодняшний день в России восемь федеральных округов.

Однако существование данного института до сих пор вызывает дискуссии в обществе. Зачем он нужен? Какие задачи и функции выполняет? Не изжил ли он себя за четверть века своей истории в новой России?

Во-первых, сам институт федеральных округов не предусмотрен российской конституцией, существует в рамках президентского указного права, что в определенной степени ограничивает его легитимность, и, как видно из ретроспективного анализа, создавался он как инструмент антикризисного управления.

Во-вторых, данный институт в своем развитии пережил несколько трансформаций, каждый раз принципиально менявших характер и смысл его деятельности.

В-третьих, это наиболее закрытая, непрозрачная структура, что заставляет общество сомневаться в ее эффективности. Тем более что вопрос об упразднении данного института уже поднимался на довольно высоком уровне. Так, нынешний председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко, сама в прошлом полномочный представитель президента в Северо-Западном федеральном округе (март — октябрь 2003 г.), выступая на заседании Госсовета в декабре 2011 г., заявила о том, что институт полномочных представителей президента «изжил себя» и может быть упразднен¹. Этого, однако, не произошло.

Почему В. В. Путин не упразднил, а только реформировал институт полпредов президента? Можно задать и другие вопросы, например: почему большинство первых назначенцев В. В. Путина на должность полномочного представителя были выходцами из силовых структур: бывшие сотрудники КГБ/ФСБ Г. С. Полтавченко, В. В. Черкесов, армейские генералы А. В. Квашнин, В. Г. Казанцев и К. Б. Пуликовский, имевшие опыт руководства боевыми действиями в Чечне?

Ответ очевиден: после «смуты» 1990-х необходимо было в определенном смысле выровнять положение дел в регионах, которые в те годы принимали местные законы, часто вступающие в противоречие с Конституцией, не подчинялись федеральному центру и т. д. Для наведения единого порядка, унификации законов, выстраивания вертикали власти в роли полномочных представителей Президента нужны были люди не из местной обоймы, порой сидевшие в тех же зданиях, что и губернаторы, делившие с ними одну приемную и морально зависимые от них.

¹ Валентина Матвиенко предложила упразднить полпредства // Газета Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/1846319> (дата обращения: 09.01.2018).

Вот почему отдельным Указом Президента от 28 июля 2000 г.¹ были определены не только города их пребывания: полпредство Южного федерального округа в Ростове-на-Дону, Приволжского — в Нижнем Новгороде, Сибирского — в Новосибирске и т. д., но и здания, предоставляемые для размещения полномочных представителей и сотрудников их аппаратов.

Нужны были известные в стране, авторитетные и влиятельные люди, имевшие серьезный опыт работы в кризисных условиях. А практика работы в силовых ведомствах позволяла более эффективно, порой жестко контролировать деятельность местных властей. Теперь полпреды считались сотрудниками Администрации Президента, вошли в состав Совета безопасности РФ. И надо признать, что на этапе выстраивания жесткой вертикали власти институт полномочных представителей Президента в федеральных округах в основном справился со своей задачей. Сегодня это авторитетные представители высшей государственной власти на местах, без согласования с которыми не решаются ни кадровые, ни какие-то иные вопросы. Давно не слышно о конфликтах между полпредами Президента и губернаторами, случаях игнорирования их мнения.

Пройдя путь от противостояния к взаимодействию, от жесткого надзора к согласованному сотрудничеству, федеральная власть укрепила свое влияние на местах, что благотворно сказалось на стабильности государства в целом. В этом есть определенная заслуга института полпредства. Тем не менее, и сегодня не всем понятно, чем же конкретно занимаются в своих округах полпреды Президента. Согласно официальным документам их основными задачами являются:

- организация в соответствующем федеральном округе работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом Российской Федерации;
- организация контроля за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти;
- обеспечение реализации в федеральном округе кадровой политики Президента Российской Федерации;
- представление Президенту Российской Федерации регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе, а также о политическом, социальном и экономическом положении в федеральном округе, внесение Президенту Российской Федерации соответствующих предложений².

Главная же функция полпреда — обеспечение координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в соответствующем федеральном округе. Для ее реализации у полномочного представителя Президента есть право беспрепятственного доступа в любые организации, находящиеся в пределах вверенного ему федерального округа. Они взаимодействуют в этом плане с территориальными управлениями МВД и ФСБ, прокуратурой. Полпреды задействованы в коррупционных расследованиях в своих округах. Громкие коррупционные дела последних лет, фигурантами которых стал целый ряд губернаторов, были реализованы не без участия полномочных представителей Президента. Можно сказать, что сегодня они занимаются наблюдением за всем, что происходит во вверенных им регионах, анализом всех происходящих в них процессов. Очень важна роль полпредов в контроле за проведением выборов разного уровня.

Непосредственное обеспечение деятельности полпредов осуществляют подчи-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28 июля 2000 г. № 1403 «О размещении полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах и сотрудников их аппаратов» (в ред. от 01.04.2015).

² Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (в ред. от 19.07.2017).

ненные им федеральные инспекторы в краевых и областных центрах, столицах республик, крупных городах. Так, представительство президента в Северо-Западном федеральном округе находится в Санкт-Петербурге, а федеральные инспекторы этого округа есть в Архангельске, Вологде, Калининграде, Петрозаводске, Сыктывкаре, Мурманске, Пскове и других городах, образуя, таким образом, разветвленную сеть президентского представительства на местах. Федеральными инспекторами в границах округа руководит аппарат полномочного представителя, в состав которого входят, например, департамент по вопросам внутренней политики, департамент по реализации общественных проектов, департамент по вопросам государственной службы, кадров и государственных наград и т. д. Координацию деятельности самих полпредов осуществляет глава Администрации Президента Российской Федерации.

При всем этом институт полномочных представителей Президента в федеральных округах не является самостоятельным органом власти, а лишь ответвлением власти президентской. Выполняя контрольные, координационные, аналитические функции, согласовывая кадровые назначения, перестановки и отставки, участвуя в разработке экономических программ региона, полпреды сами не могут принимать решений, но могут рекомендовать решения, с одной стороны, — губернаторам, с другой — Президенту страны.

Нас особенно интересует взаимодействие полпредов Президента с силовыми ведомствами в регионах. Надо не забывать, что сами эти ведомства являются, по сути, полномочными представителями соответствующих федеральных органов. Так, Федеральная служба безопасности имеет свои управления в регионах, которые так и называются: Управление ФСБ по Краснодарскому краю... по Санкт-Петербургу... по республике Дагестан и т. д. То же и с другими силовыми федеральными службами (ФСО, ФСВНГ), которые, дислоцируясь в регионах, подчиняются не региональным властям, а Москве. Нам представляется, что это затрудняет взаимодействие полпредов в федеральных округах с соответствующими федеральными службами в регионах, хотя они и имеют право согласования кандидатур при назначении руководителей этих подразделений.

Что касается взаимодействия, то здесь прослеживается тенденция к созданию на региональном уровне координационных структур (коллегий) с участием территориальных подразделений федеральных силовых органов. Сегодня в структуре аппаратов полномочных представителей Президента в большинстве федеральных округов функционируют координационные и совещательные органы, в том числе — по вопросам борьбы с терроризмом, обеспечения обороны и национальной безопасности.

Так, в Северо-Западном федеральном округе эти проблемы рассматриваются в Совете по вопросам безопасности, противодействию коррупции и экстремизму, основными задачами которого являются: оценка общественно-политической и социально-экономической ситуации в федеральном округе; выработка предложений и рекомендаций по устранению угроз национальной безопасности, повышению эффективности деятельности территориальных силовых органов и их взаимодействию с органами государственной власти. Там же действует Межведомственный совет по защите информации, который является консультационно-совещательным органом, также координирующим деятельность территориальных органов МВД, ФСБ и других, их взаимодействие с региональной властью, органами местного самоуправления в части реализации государственной политики по защите информации.

В Центральном федеральном округе действуют комиссия по информационной безопасности и коллегия по вопросам правоохранительной деятельности, обороны и безопасности. В Приволжском федеральном округе — координационный совет

по защите информации и коллегия по вопросам безопасности. В Северо-Кавказском федеральном округе — межведомственная рабочая группа по защите информации и подготовке специалистов в области информационной безопасности, а также координационное совещание по вопросам безопасности, противодействия коррупции и обеспечения правопорядка. В Дальневосточном федеральном округе работают межведомственные комиссии по пограничной политике, информационной и общественной безопасности, укреплению законности и правопорядка.

А вот в структуре аппарата полномочного представителя Президента в Сибирском федеральном округе коллегиальных органов, связанных с проблемами безопасности, судя по всему, не существует¹. Отсутствует подобная информация и на официальных сайтах полномочных представителей Президента в Южном² и Уральском³ федеральных округах.

Проанализировав положения о совещательно-коллегиальных органах по вопросам безопасности при аппаратах полномочных представителей Президента в федеральных округах, можно констатировать, что основными их задачами являются:

- анализ системности и комплексности применения политических, организационных, информационных, правовых и иных мер по обеспечению безопасности;
- анализ эффективности деятельности в федеральном округе правоохранительных и иных государственных органов, ведающих вопросами обороны и безопасности;
- мониторинг состояния военной безопасности, гражданской обороны и мобилизационной готовности, безопасности пограничного пространства;
- выработка рекомендаций и предложений по предотвращению угроз национальной безопасности на территории округа, укреплению законности и правопорядка, обеспечению защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, противодействию преступности, охране общественного порядка и собственности.

Таким образом, институт полпредов взял на себя миссию анализа деятельности силовиков разных ведомств и организации коллективного обсуждения актуальных вопросов безопасности, выработки предложений и рекомендаций на этот счет. Насколько это эффективно, если учесть, что при губернаторах действуют свои советы безопасности, также являющиеся, по сути, межведомственными коллегиями? Ведь получается, что советы и совещания при аппаратах полномочных представителей Президента, практически, дублируют их работу. А если учесть, что в них участвуют, скорее всего, не первые лица силовых ведомств, как в советах безопасности при губернаторах, а подчиненные им сотрудники, и сами эти советы и совещания никак не вписаны в структуру властных механизмов обеспечения безопасности государства, деятельность их превращается в пустую формальность, что не способствует ни работе самих силовых ведомств, ни советов при губернаторах.

Однако других более-менее легитимных механизмов и возможностей влияния чиновников полпредств и самих полпредов на решение вопросов обеспечения безопасности регионов, а тем более страны в целом, на данный момент просто не существует. И, видимо, именно поэтому некоторые исследователи даже не включают полпредов в состав субъектов обеспечения военной безопасности Российской Федерации [5]. Тем не менее, институт полпредов продолжает функционировать

¹ Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://sfo.gov.ru/polpred/orgs> (дата обращения: 09.01.2018).

² Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://ufo.gov.ru> (дата обращения: 09.01.2018).

³ Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://uralfo.gov.ru/polpred/orgs> (дата обращения: 09.01.2018).

и по-своему реагировать на вызовы времени. И сегодня, когда идет ротация в губернаторском корпусе, и на должности руководителей регионов приходят новые люди, опытные полпреды могли бы сыграть роль не надзирателей, но наставников, помочь в анализе ситуации в регионе, поиске оптимальных решений возникающих проблем, в том числе в сфере обеспечения спокойствия и стабильности в регионах, особенно по периметру границ России, где сегодня особенно много угроз национальной безопасности нашей страны.

Кроме того, целесообразно было бы перенести акцент в проведении мероприятий по усилению антитеррористической защищенности, информационной, экологической и даже экономической безопасности с глав субъектов Российской Федерации на полномочных представителей Президента в федеральных округах. Такой шаг мог бы освободить глав регионов от несвойственных им задач, для решения которых в составе создаваемых при них советов, как правило, нет соответствующих специалистов. Тем более что структуры Вооруженных сил, Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, в какой-то степени Федеральной службы безопасности и других силовых ведомств «привязаны» именно к округам, а не к субъектам.

В любом случае, очевидно, что институт полномочных представителей должен быть очень серьезно реформирован и интегрирован в прописанный в Конституции механизм управления государством и легитимизирован, в первую очередь, в качестве одного из субъектов властного механизма обеспечения военной безопасности государства.

Литература

1. *Атаманов Г. А.* Методология безопасности [Электронный ресурс] // Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука-XXI», 2011. URL: <http://naukaxxi.ru/materials/302/> (дата обращения: 05.01.2018).
2. *Волошко В. С.* Военная политика и проблемы обеспечения военной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/safety/9.htm> (дата обращения: 05.01.2018).
3. *Ковалев А. А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.
4. *Ковалев А. А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. СПб. : Коновалов А. М., 2016.
5. *Фатеев К. В.* Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. М. : За права военнослужащих, 2005.

Об авторе:

Ковалев Андрей Андреевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, senator23@yandex.ru

References

1. Atamanov G. A. Safety methodology [An electronic resource] // Fund of assistance to scientific research of security concerns "Science-XXI" [Fond sodeistviya nauchnym issledovaniyam problem bezopasnosti «Nauka-XXI»], 2011. URL: <http://naukaxxi.ru/materials/302/>(date of the address 05. 01. 2018). (In rus)
2. Voloshko V. C. Military policy and problems of ensuring military safety of the Russian Federation [An electronic resource]. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/safety/9.htm> (date of the address 05. 01. 2018). (In rus)

3. Kovalev A. A. Power mechanisms of ensuring military safety of the Russian Federation: dissertation. SPb., 2015. 196 p. (In rus)
4. Kovalev A. A. Information policy and military safety of Russia during an era of opposition of civilizations: theoretical and methodological aspects of a problem: monograph. SPb. : Konovalov A. M., 2016. 193 p. (In rus)
5. Fateev K. V. Ensuring military safety of the Russian Federation: theory and practice of legal regulation. M. : For the rights of the military personnel, 2005. 467 p. (In rus)

About the author:

Andrey A. Kovalev, Associate Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in political science, senator23@yandex.ru

Cross-Border Cooperation: Challenges and Perspectives for the Horizontal Dimension of European Integration*

Beck J.

University of Applied Sciences Kehl / Euro-Institute, Germany, Joachim.beck@hs-kehl.de

Трансграничное сотрудничество: вызовы и перспективы для горизонтального измерения европейской интеграции

Бек И.

Университет прикладных наук г. Кель / Евроинститут, Германия, Joachim.beck@hs-kehl.de

Part 2. Practical Calls for Management of Cross-border Cooperation — Need of Capacity-building

1. Practical challenges of cross-border governance — a need for capacity building

In light of the impressive career of the governance concept in Social Sciences (see Blatter 2006), Governance is today one of the central concepts being discussed in the practical and theoretical field of cross-border cooperation too. However the definition of the term governance is quite often not clear in its use. It seems therefore useful to have a closer look on its initial conceptual definition first, before presenting in more detail the specific patterns of cross-border governance.

In its more generic definition, governance refers simply to the different mechanisms which generate order within a given population of actors in a specific policy-field. This can happen through unilateral adaption (market), command and obedience (hierarchy), negotiation and functional interaction (networks) or through a common orientation of behaviour based on generalized practices of a society (norms, values) (Mayntz 2009: 9).

Following Fürst (2011) a second analytical dimension must be distinguished in this respect: the procedures that lead to such collective order (decision processes, rules of decision making, styles of policy-making) which can be defined as governance in the narrow sense of the term and the different forms of how these processes are organized (classical institutions versus non-hierarchical networks), which can be defined as government in the narrow sense of the term.

According to Beck/Pradier (2011) a third analytical component can be added, in order to fully exploit the concept of governance, and which seems very important especially from the point of view of territorial development: this is the practical shaping of gover-

* *Continuation.* See the beginning: Administrative consulting. 2018. N 1. P. 56–62. This article is based on a lecture given by the author at the North-West Institute of Management (NWIM), Branch of RANEPА, Faculty of International Relations on 16 May 2017 during a study visit of a delegation from the University of Applied Sciences, Kehl. I'd like to thank my colleague Prof. Dr. Sergej Baranetz and Kristina Epshteyn-Wessely from NWIM RANEPА for their kind support in having arranged this lecture.

nance. Two dimensions must be distinguished in this regard, the horizontal dimension which refers to the types of actors involved (governmental, non-governmental, society, private) and the vertical dimension which refers to the different territorial levels involved (local, regional, sub-national, national, European).

Cross-border governance is characterized by a number of features that represent a distinctive pattern compared to a classical „mono-jurisdictional“ approach (Beck/Pradier 2011): The first distinctive feature is that cross-border governance initially always has a territorial dimension (Casteigts 2010). The observed cooperation and coordination processes are constituted within a spatial parameter including areas of different bordering countries. Each given cross-border spatial context (eg presence of natural boundaries, population density, degree of socioeconomic integration, polycentricity) determines the resulting challenges to be matched with regards to the production of joint spatial solutions (development given potentials, creating infrastructure conditions, complementarity of sub-regional spatial functions, etc.) and thus constitutes the functional framework of this type of cooperation. Characteristically, however, the territorial dimension of cross-border cooperation has a strong inter-relation with the given politico-administrative boundaries which makes it more difficult to handle socio-economic spill-over effects that typically exceed these limits. This creates the challenge of adapting the spatial parameters of the cooperation to the scope and content of different levels of functional integration, with the practical difficulty that a “regional collective” (i. e. the mobilization/integration of all relevant intermediary actors of a territory) is hardly emerging on a cross-border basis, which is a distinct pattern compared to “classical” regional governance taking place within a single domestic context (Kleinfeld/Plamper/Huber 2006).

The second feature of cross-border governance is that this type of regional governance takes place within a context that involves relations between different countries. The transnational dimension of cross-border governance is a specific characteristic, which greatly contributes to the explanation of the specific patterns and functionalities of this cooperative approach. Unlike “classic” regional governance, transnational governance is characterized by the fact that decision arenas of different political and administrative systems have to be inter-connected. The challenge for the resulting cross-border bargaining-systems, however, is not only to coordinate different delivery-mechanisms of different politico-administrative systems but also to manage the complex “embeddedness” of the cross-border territorial sub-system into the respective national politico-administrative systems (Frey 2003). In addition, the intercultural mediation and communication function, which is also closely linked to the transnational dimension of cross-border governance, is a real source of complexity. This refers not only to the interpersonal but also to the inter-institutional components of the cross-border negotiation system and includes the open question about the possibilities and limits in matching divergent administrative cultures in Europe (Beck/Larat 2015). Finally, features such as the strong consensus-principle, the delegation principle, the non-availability of hierarchical conflict resolution options, the principle of rotation of chairs in committees, the tendency to postpone decisions rather than implementing them can also be explained by this transnational dimension. Cross-border governance obviously shares largely general features which were highlighted in the research on international regimes and which reflect (dys)functionality of transnational bargaining systems. At the same time this allows to explain, why it is sometimes so difficult for cross-border actors to agree on even the very basic components of the governance approach: terms such as “actors”, “networks”, “decision rules”, “civil society”, “project”, “cluster” etc in fact represent deeply culturally bound concepts upon which inter-cultural differences and conflicts very quickly can arise (Eisenberg 2007).

The third distinctive feature of cross-border governance can be seen in its European dimension (Lambertz 2010). Stronger than national patterns of regional governance,

which also may refer to European policies, especially when incorporating issues like external territorial positioning strategies and / or the use of appropriate European support programs, the characteristics and finalities of cross-border governance are much more interlinked with the project of European integration as such. Cross-border territories are contributing a specific horizontal function to the European integration process (Beck 2011). European notions, objectives and policy approaches such as “Europe is growing together at the borders of Member States”, “Europe for Citizens”, “territorial cohesion” or “European Neighborhood Policy “are concepts that relate directly to the European dimension of cross-border cooperation. Cross-border cooperation today is a specific level of action within the European multi-level context. Accordingly cross-border territories have a (sectoral) laboratory function for the European integration: in all these policy areas that are either not harmonized at European level or where European regulations on the national level are implemented differently, practical solutions and answers to real horizontal integration problems have to be developed in a cross-border perspective. This represents a specific innovation perspective for European integration, taking place at the meso-level of cross-border cooperation. In addition, the Interreg program with its characteristic, “externally defined” functional principles, is determining the cross-border governance to a large extend. This European action model characterizes the cooperation in general much stronger than it is the case within the national context, where also other than European funding opportunities (i. e. national programs with much less administrative burden) do exist.

The fourth feature of transnational governance can finally be seen in its thematic dimension. Cross-border cooperation consists of more or less integrated approaches of cooperation between different given national policy areas. The character of these regulatory, distributive, redistributive or innovation-oriented policies not only enhances the respective constellation and the corresponding degree of politicization of the factual issues in question; it also determines crucially different institutionalization requirements of the governance structures (Beck 1997). These may vary considerably by policy field, and make it very difficult, to develop an integrated, cross-sectoral governance-approach at the cross-border level. The complexity of such governance is increased by the fact that the (variable) policy types may determine the interests and strategies of the actors involved directly, thus also affecting the interaction style, the applied decision rules, and ultimately the efficiency of cross-border problem-solving significantly. The difference to the functionality of collaboration patterns that take place within a single institutional system context must be seen in the fact, that the systemic determinants and thus the intersection of actors, decision skills, resources for action and the synchronizing strategic interests in the cross-border context can vary widely by policy-field and the different institutional partners involved. Thus, constellations of action and actors, which are evident within the national context and which allow for the development of “social capital” and a constructive and productive problem-solving within a specific territorial/or sectoral governance approach are often completely different in the perspective of a cross-border governance. This leads to very specific patterns of cross-border (non-) policy-making, which is characterized by much higher complexity and informal dynamics of the processes on the one hand and a decoupling of thematic and interest-related interaction on the other, and which have therefore been described as a specific pattern of transnational administrative culture (Beck / Larat 2015).

The horizontal analysis of the contributions of a joint research project, carried out by the Euro-Institute and the University of Strasbourg with more than 100 contributions coming from both the academic field and from practitioners of cross-border cooperation (Wassenberg 2010; Wassenberg/Beck 2011a, 2011b,; Beck/Wassenberg 2012a, 2012b) allowed to identify two generalized patterns of cross-border-policy-making in Europe. One first conclusion that we were able to formulate on this basis (Beck 2012a) is the

hypothesis of a certain *convergence* with regards to the practical functioning of cross-border cooperation in Europe. This convergence is mainly caused by the procedural logic of the financial promotions programmes of the European Commission with regards to the ETC objective (“Interreg”) leading to more or less unified practices regarding the implementation of elements like the partnership-principle, the principle of additionality, multi-annual programming based on SWOT-analysis, project-based policy-making, project-calls, financial control etc. As a consequence we can observe during the last two decades or so a general pattern of CBC policy-making that is characterized by a shift from informal exchanges to more concrete projects, from general planning to attempts for a more concrete policy- implementation, from rather symbolic to real world action, from closed informal networks to more transparent and official institutions.

In addition the role and the perception of the very concept of the border has changed considerably: the separating function is less important today but more and more replaced by an integrated 360° perception of the cross-border territory and its unused potentials. At this level it is not so much the impact of the European programmes and their sometimes a bit too ambitious objectives as such, but rather the change in the perception of the local and regional actors themselves, which after years of sometimes frustrating experiences, leads to a certain positive pragmatism when it comes to cross-border issues: it becomes more and more evident, that cross-border institutions today are more platforms than real administrative units, allowing for the very pragmatic search for joint solutions to common local problems resulting from the increasing border-crossing socioeconomic dynamics (Beck/Thevenet/Wetzel 2009), in areas such as transportation, spatial planning, environmental protection, risk prevention, citizens advice and health cooperation, etc. rather than for the definition and implementation of big strategic ambitions.

The research project has on the other hand allowed to identify a second general pattern, which is represented by *seven central challenges* of CBC policy-making, determining and often still hindering — however with differences regarding their intensity and combination — the horizontal interaction in cross-border territories everywhere in Europe:

- Developing functional equivalences between different politico-administrative systems: How to develop functional interfaces that allow for successful cooperation between partners coming from different institutional domestic backgrounds with regards to distribution of power and resources, professional profiles and sometimes even the scope and the legitimacy for transnational action as such (Beck 2008)?
- Creating effective knowledge-management for the cross-border territory: How to generate and use valid information about the characteristics, the real world problems but also the potentialities of a cross-border territory in a 360° perspective, how to base future action on a sound and integrated empirical basis and thus avoiding a negative “garbage can model” (Cohen/March/Olsen 1972) practice of cross-border policy making (ad hoc solutions developed by individual actors, based on individual preferences in search for an ex post justification and a real world problem).
- Transferring competencies from principals to agents: How to reduce the dependency of cross-border actors and policy-making on the respective domestic context by identifying fields of cross-border action that best can be implemented by a transfer of real administrative and functional competence from the national jurisdictions towards cross-border bodies with sufficient administrative, financial personnel capacity, how to design decision-processes in this regard (Benz/Scharpf/Zintl 1992)?
- Optimizing the interaction between actors: How to turn the confrontation of different cultures, attitudes, expectations, assumptions, values, interests etc into a productive working context, which allows for the avoidance of mutual blockages and the development of innovation and real added-values instead (Demorgon 2005; Eisenberg 2007; Euro-Institut 2007); how to integrate actors representing different sectors

(public, private, societal) and cultures into existing patterns and structures of cooperation, how to create and manage inter-sectoral synergies in a cross-border perspective (Beck/Pradier 2011)?

- Finding the right level of organization and legal structure: How to find the right degree of institutionalization and the right legal form for different cross-border tasks by developing a good balance between open network and classical organizational approaches when structuring the cross-border working context; how to avoid both the case of institutional sclerosis and informal/individual arbitrariness (Beck 1997)?
- Capturing and measuring the value added and the territorial impacts: How to pre-assess cross-border impacts of different policy-options before taking action on the preferred one; how to develop and inform specific indicators allowing for a better demonstration of the specific value added of the integrated cross-border action compared to an action taken by the neighboring jurisdictions separately (Tailon/Beck/Rihm 2011)?
- Increasing the sustainability beyond a simple multi-project approach: How to avoid the case of multiple uncoordinated sectoral projects which creates fragmented cross-border activity for a certain time (funding) period only, by strengthening the target-orientation and selectiveness of cross-border policy-development based on integrated (eg. inter-sectoral) territorial development strategies (Casteigts 2010).

It is evident, that the seven challenges cited above are at the same time the central fields for any capacity-building approach responding to the needs of a future multi-level-governance perspective of cross-border cooperation (Scharpf 1994; Beck/Pradier 2011; Jansen/Schubert 1995; Nagelschmidt 2005; Beck/Wassenberg 2011). This includes not only the question of how individual actors or members of institutions can better be trained in order to cope with these challenges. Rather the overall systemic question is on the agenda, e.g how the entire cross-border cooperation-system can be improved and professionalized in order to reach a new level of quality which allows for a better development of the endogeneous potentials of this type of territory within the context of the overall objective of territorial cohesion in Europe (Frey 2003).

It is amazing to see, how the well known and very basic definition of the concept of « capacity-building », developed by the UNDP within a rather different context, can inspire such a reflexion on the future of cross-border policy-making in Europe. According to UNDP (2006), capacity-building or capacity-development «...encompasses ... human, scientific, technological, organizational, institutional and resource capabilities. A fundamental goal of capacity-building is to enhance the ability to evaluate and address the crucial questions related to policy choices and modes of implementation among development options, based on an understanding of environment potentials and limits and of needs perceived by the people of the country concerned» (UNDP 2006, p. 7). Accordingly, capacity-building has to cover three levels: a.) the creation of an enabling environment with appropriate policy and legal frameworks, b.) institutional development, including community participation and c.) human resources development and strengthening of managerial systems.

As these three elements refer directly to the seven challenges of cross-border cooperation identified above I suggested in this article, to better exploit the concept of capacity-building within the context of cross-border cooperation in Europe.

2. Training/facilitation and Institution-building: two fields of capacity-building FOR cross-border cooperation

Border regions everywhere have specific characteristics. A wide range of social and economic phenomena have a 'border crossing' dimension, in areas as different as transport, labour markets, service delivery, consumption patterns, migration, criminality,

pollution, commuter movements, tourism and leisure time activities. All of these require close cross-border cooperation between neighbouring states. However unlike in the national context, where regional cooperation takes place within a uniform legal, institutional and financial framework, cross-border cooperation faces the challenge of managing different politico-administrative systems which have a distinctive legal basis and are usually characterised by different degrees of vertical differentiation in terms of structures, resources and autonomy of action (Casteigts 2010; Beck 1997; Lang 2010).

After a long post-war experience, where cross-border-cooperation was mainly marked by izz reconciliation function (Böhm/Drápela 2017) we are now in Europe on the threshold of cross-border cooperation of a completely new quality (Beck 2011). With the new cohesion policy of the European Union, attaching much greater importance to territorial cohesion and the extent of real impacts of cross-border actions (Tailon/Beck/Rihm 2011), but also thanks to a new generation of actors (Botthegi 2012), who are more interested in results than procedures, many border territories are currently redesigning and trying to strengthen their given pattern of cooperation (Casteigts 2010). At the same time, cross-border cooperation should continue to be developed and enhanced by a capacity building structurally and functionally, so that it is up to the real importance of border territories for the future European integration process (Jakob/Friesecke/Beck/Bonnafous 2011). Two practical fields seem of particular importance in this respect : strengthening training/facilitation and further developing the institutional capacity of cross-border cooperation.

2.1. Training/facilitation: the Euro-Institute approach

One of the key bottlenecks preventing the deepening of cross-border cooperation in Europe is the lack of knowledge and understanding of the political and administrative systems of the neighbouring countries. A successful cross-border cooperation needs qualified actors who are able to close the gap between the subsystem and its specific functional characteristics and the functional preconditions provided by the different domestic jurisdictions involved (Jann 2002; Beck/The dieck 2008). One approach, which has been very successful for over 20 years now, is the creation of a specific institution, which exclusively works on CBC training — the Euro-Institute Kehl/Strasbourg (Beck 2008b). This bi-national institution contributes to the improvement of cross-border cooperation by continuing education and training and provides practical advice and coaching to practitioners in the cross-border field. In this way, the Institute has become a facilitator for successful cross-border cooperation in the Upper Rhine region and in Europe with regard to public policies, and contributes actively to the resolution of problems resulting from different legal and administrative systems.

The Euro Institute's training product is structured according to the needs identified by the actors involved in cross-border cooperation. The main characteristic of this product is its bi-national and bicultural orientation, and the main target groups are the employees of the state and local administrations in Germany, France and increasingly Switzerland. Its training courses are also open to participants from the private sector, and from research institutions, universities, civil society associations and other groups.

Based on the Euro-Institute's experience, training in a cross-border context as part of an overall capacity-building approach should develop at least three levels of personal skills:

Basic training on cross-sectoral competences

The basic component of such a training approach is the development of the cross-sectoral skills and competences necessary for any cross-border and/or inter-regional cooperation. The main objective here is to provide those involved with the necessary institutional and legal knowledge about the politico-administrative system of the

neighbouring states and about the system of cross-border cooperation itself. In addition, the relevant instrumental, methodological and linguistic skills must be trained in order to prepare and structure the proposed cross-border activity in advance. It is very important to sensitise the future actors about the importance of the intercultural factor and to provide them with the necessary tools and methods of intercultural management. Courses should also provide participants with the specifics of managing cross-border projects in terms of planning, financing, organisation of meetings, and monitoring and evaluation.

The courses and qualifications provided under this first level meet an increasing demand at our Institute. The more cross-border cooperation becomes an everyday reality, the more new actors face the challenge of becoming better trained and qualified in terms of the skills the course covers. Nearly all public institutions in the Upper Rhine valley are now seeking well qualified people who can represent them in both formal and informal cross-border cooperation situations.

Specialised training

A cross-border training programme should then also provide specialised training courses which are more oriented towards representatives from the different administrative sectors in the neighbouring states. The content of these courses consists of selected policy-oriented topics within cross-border cooperation. The aim is to provide a neutral platform for exchanges between specialists from the different countries so that they can better understand the specific sectoral competences and organisational structures in the other countries, and identify differences and similarities with their own — or just allow them to get current information and analysis on policy developments and good practice in the neighbouring state. At the Euro-Institute, this training mainly consists of two day seminars, including informal exchanges during an evening event on the first day. As most cross-border problems have a sectoral or thematic component, and thus require cooperation between the relevant sectoral services, these specialist seminars are very often the starting point for future joint projects, and sometimes even lead to the establishment of bilateral or trilateral standing working groups.

A specific programme deals for instance with cooperation between the French and German police, justice and gendarmerie services in the context of the Schengen treaty. This programme, which consists of five annual seminars, was established in 2004. It is accompanied by a steering committee of high-level representatives from the participating administrations which select the topics and annually evaluate the course, which has been developed by the Euro Institute.

Developing competences on European affairs for local and regional authorities

At a third level, it seems necessary to enhance the capacities of national public administrations with regards to European integration. Most local and regional administrations take a very pragmatic view and see Europe mainly as an opportunity to access EU financial support programmes like INTERREG. This is a legitimate position which raises numerous practical questions: how to find the right partner across the border; how to fill in the application form; how to set up a project's organisation; how to manage a cross-border budget; how to justify expenses; how to define good progress and impact indicators, and how to make a project-oriented monitoring and evaluation system work. Although the INTERREG secretariats of the relevant Operational Programmes usually do a very good job, practical experience shows that local and regional partners are very often overloaded by the complexity of the reporting and accounting demands, imposed on them by the funder. In addition, project partners coming from different jurisdictions often have different perceptions of these demands, and have to deal in the day-to-day running of a cross-border project with national administrations with quite

different administrative cultures. This is why the Euro Institute, using its own extensive experience of such projects, provides adaptable practical coaching to both the individual project leader and the bi- or tri-national project teams as an intercultural group. This contributes to the smooth functioning of the project teams, helps to avoid blockages, and thus facilitates both project and programme implementation.

Under the EU-objective of territorial cohesion, more and more local and regional authorities want to participate in inter-regional or even trans-national projects, and are developing partnerships with other European regions. In this context the question of good practice in international network management arises: how to build and maintain a solid international partnership; what is the relative position of the actors in the network; how to prepare and manage international meetings and so on. Here the Euro Institute also provides practical assistance.

Last but not least, the local and regional authorities are increasingly realising to what extent they are affected by European legislation. The fact that in Germany, for example, 70% of all local administrative action is more or less determined by EU law, rises the question of how to become more actively involved in the preparation of this law and how to better represent local and regional interests in its formulation. Based on the wide practical experience of its former Director, who has since 2004 been an accredited trainer on Impact Assessment for the European Commission's Secretariat General, the Institute helps local and regional actors to become more familiar with the relevant procedures at EU-level and teaches them how to contribute actively to stakeholder consultations and *ex ante* impact assessments, which increasingly have to consider regional and/or trans-regional dimensions.

A thorough knowledge of the politico-administrative system of the neighbouring country is a prerequisite for any efficient cross-border cooperation. The main difference of the Euro Institute's training courses compared with those of a national training organisation is therefore a real concentration on themes arising out of the needs of the cross-border professionals within the various sectors. Also the fact, that the training courses are always inter-service, bi-national and bilingual in nature has contributed to their high acceptance among participants. We have found that partnerships between the relevant administrations are best developed when the courses are prepared by an *ad hoc* group of different national specialists. Such preparation requires a lot of time and investment by the partners — but it is a necessary precondition for any effective bi-national training product, which not only considers the intercultural dimension but actively uses it in terms of content, methodology and participation. For successful cooperation with no 'mental frontier', trainers too must understand that they have to reconsider their whole way of thinking, recognising that constructive cooperation is not possible without knowing and respecting the structures, working methods and ethos of the neighbouring country's system — as well as fully understanding one's own!

The contribution of the Euro Institute in making this partnership principle really work is twofold: providing a neutral platform, and facilitating intercultural and inter-service exchange. Most important in this respect is a strategic positioning which is able to respond quickly to the real needs of the participants. Sometimes this means to be modest in one's aims and to provide only technical and logistical support. However, the provision of methodological and linguistic competence along with solid experience of good practice in intercultural management (Hall 1984; Hartmann 1997) are the hallmarks of the Euro Institute (Euro-Institute 2007).

The success of this Euro-Institute approach has recently lead to the creation of a new European actor: the transfrontier Euro-Institut-network (www.transfrontier.eu) aiming to built up training capacity on cross-border questions at a EU-wide level. 12 partner-institutions coming from 9 different cross-border contexts all over Europe decided to propose a coordinated answer to the increasing need for knowledge, competences, tools and

support on cross-border affairs. Regarding the rising awareness of the importance of cohesion policy in Europe, the idea of the Network is to build capacities in cross-border and transfrontier contexts and this way strengthening the European integration. In order to achieve this goal and to have an extensive overall view of the territorial specificities in Europe, the project coordinator has been careful to invite partners from different parts of Europe to participate in the project. Hence, the partners involved in this project come from “maritime borders”, “old European borders”, “new eastern borders”, “peace keeping borders”, “external borders”, as well as “overseas borders between outermost regions”. As such, the partnership will be able to gain a comprehensive overview of the need for the professionalization of actors in cross-border cooperation and also gain insight into the current situation regarding transfrontier cooperation.

The TEIN gathers training organizations and universities and aims at facilitating cross-border cooperation and at giving concrete answers to the need of Europe for professionalizing actors on transfrontier issues. The “identity and reference grids” of all the partners testify from the quality and the great experience of each partner. The partners of the TEIN exchange best practices, analyse the specificity of training and research on cross border issues/in cross border contexts, capitalize on and draw synergies from the different local initiatives, work on new products like transferable training modules (training for cross-border project managers, etc.), methods (need-analysis methods in cross-border regions, etc.), tools (impact assessment toolkit, etc.), produce valuable research in this field and assure that newest research results within this field are disseminated to actors involved in transfrontier cooperation. TEIN will develop a joint certification system for cross-border training in Europe and will also enable bilateral projects in fields of common interest (exchange of learning units, of lecturers, common research programme, involvement in conferences, etc.) and an increased knowledge and awareness of cross border issues (at local, regional, national and European level) by producing higher quality work in this field.

References/Литература

1. Beck, J./Thedieck, F. (eds.): 2008: The European Dimension of Administrative Culture, Baden-Baden, Schriften der Deutschen Sektion des Internationalen Instituts für Verwaltungswissenschaften, Band 33.
2. Beck, J./Thevenet, A./Wetzel, Ch. (hrsg.) 2009: Europa ohne Grenzen — 15 Jahre gelebte Wirklichkeit am Oberrhein / L'Europe sans frontières — 15 ans de réalité dans le Rhin supérieur, Zürich/Baden-Baden (Dike/NOMOS).
3. Beck, J./Wassenberg, B. (hrsg.) 2012a : Grenzüberschreitende Zusammenarbeit erforschen und leben (Band 5), Integration und (trans-) regionale Identitäten, Stuttgart (Steiner Verlag).
4. Beck, J./Wassenberg, J. (hrsg.) 2012b: Vivre et penser la coopération transfrontalière (Vol. 6), Vers une cohésion territoriale transfrontalière ?, Stuttgart (Steiner Verlag).
5. Beck, J./Wassenberg, B. (hrsg.) 2011: Grenzüberschreitende Zusammenarbeit erforschen und leben (Band 2): Governance in deutschen Grenzregionen Stuttgart (Steiner).
6. Beck, J. 1997: Netzwerke in der transnationalen Regionalpolitik. Rahmenbedingungen, Funktionssweise, Folgen, Baden-Baden.
7. Beck, J. 2008a: Patterns of Administrative Culture in Cross-Border Cooperation, in: Joachim Beck/Franz Thedieck (Eds.) The European Dimension of Administrative Culture, Baden-Baden, 2008. S. 179–213.
8. Beck, J. 2008b: Lessons from an Institute for Cross-Border Cooperation on the Franco-German Border, in: The Journal of Cross-Border Studies in Ireland. N 3. P. 38–49
9. Beck, J. 2012a: Les enjeux d'une approche interdisciplinaire de la coopération transfrontalière en Europe, dans Wassenberg Birte (Dir.), les espaces de voisinage de proximité, cahier fare n 5, Strasbourg.
10. Beck, J./Larat, F. (Hrsg./Dir.) (2015), Transnationale Verwaltungskulturen in Europa. Bestandsaufnahme und Perspektiven / Les cultures administratives transnationales en Europe. Etat des lieux et perspectives, Zürich / Baden-Baden (Dike/NOMOS).

11. Beck, J./Pradier, E. 2011: Governance in der transnationalen Regionalpolitik : Bestandsaufnahme und Perspektiven der Kooperationsbeziehungen in grenzüberschreitenden Verflechtungsräumen, in: Joachim Beck / Birte Wassenberg (Hrsg.), Grenzüberschreitende Zusammenarbeit erforschen und leben (Band 2): Governance in deutschen Grenzregionen Stuttgart (Steiner), S. 107–135.
12. Beck, J. 2011: *Grenzüberschreitende Zusammenarbeit im Prozess der Europäischen Integration*, in: Birte Wassenberg / Joachim Beck (Hrsg.), Living and researching cross-border cooperation (Vol. 3): The European Dimension of Cross-border Cooperation, Stuttgart (Steiner Verlag), S. 129–148.
13. Benz, A./Scharpf, F.W./Zintl, R. 1992: Horizontale Politikverflechtung. Zur Theorie von Verhandlungssystemen, Frankfurt.
14. Böhm. H./Drápela, E. (2017): Cross-border cooperation as a reconciliation tool: Example from the East Czech-Polish borders, *Regional & Federal Studies*.
15. Botthegi, R. 2012: Coopération territoriale transfrontalière : construire le futur. Formations et insertion professionnelle, in : Beck, J./Wassenberg. B. (dir.), *Vivre et penser la coopération transfrontalière* (Vol. 6) : Vers une cohésion territoriale?, Stuttgart i.E.
16. Casteigts, M. 2010 : La mise en cohérence des politiques publiques en territoire transfrontalier, in : WASSENBERG, B. (dir.) *Vivre et penser la coopération transfrontalière (Volume I): les régions françaises*, Stuttgart. P. 307–321.
17. Cohen M. D./March J. G./Olsen J. P. 1972: A Garbage Can Model of Organizational Choice, in: *Administrative Science Quarterly*, Vol. 17, N 1 (Mar., 1972), pp. 1–25.
18. Eisenberg, E. 2007: Learning from cultural experiences and interactions: Cross-border administrative cultures, in Franz Thedieck (ed.), *Foundations of Administrative Culture in Europe*, Baden-Baden. P. 183–193.
19. Frey, R., «Regional Governance zur Selbststeuerung territorialer Subsysteme», *Informationen zur Raumentwicklung*. Heft 8/9.2003. P. 451 ff.
20. Fürst, D. (2011), Regional Governance — Was ist neu an dem Ansatz und was bietet er?, in: Beck/Wassenberg (Hrsg.), Grenzüberschreitende Zusammenarbeit erforschen und leben (Band 2): Governance in deutschen Grenzregionen Stuttgart (Steiner). S. 89–105.
21. Hall, E.T. 1984: *Verborgene Signale: Studien zur internationalen Kommunikation*, Hamburg.
22. Hartmann, G. 1997: *Sozio-kulturelle Probleme deutsch-französischer Ministerialkooperation. Die Zusammenarbeit aus Sicht französischer und deutscher Beamter*, Berlin.
23. Jakob, E./Frieesecke, M./Beck, J./Bonnafous, M. (hrsg.) 2011: *Bildung, Forschung und Innovation am Oberrhein. Dokumente zum 12. Dreiländerkongress vom 2. Dezember 2010 in Basel — Formation, recherche et innovation dans la région du Rhin supérieur. Documents du 12ème Congrès Tripartite du 2 décembre 2010 à Bâle*, Zürich/Baden-Baden (Dike/NOMOS).
24. Jann, W. 2002: Verwaltungskultur. Ein Überblick über den Stand der empirischen und international vergleichenden Forschung, in: Klaus König (Hrsg.), *Jahrhundert, Baden-Baden*. P. 425–447.
25. Jansen, D./Schubert, K. (hrsg.) 1995: *Netzwerke und Politikproduktion. Konzepte, Methoden, Perspektiven*, Marburg.
26. Kleinfeld, R./Plamper, H./Huber, A. (hrsg.) (2006): *Regional Governance. Band 2. Steuerung, Koordination und Kommunikation in regionalen Netzwerken als neue Form des Regierens*, Göttingen.
27. Lambertz, K.-H. (Hrsg.) 2010: *Die Grenzregionen als Labor und Motor kontinentaler Entwicklungen in Europa. Berichte und Dokumente des Europarates sowie Reden zur grenzüberschreitenden Zusammenarbeit in Europa*, Zürich/Baden-Baden.
28. Lang, S. 2010 : Ouvrir la « Black Box » : Approche de la notion d'acteur de la coopération transfrontalière », in : WASSENBERG, B. (dir.), *Vivre et penser la coopération transfrontalière (Volume I), les régions françaises*, Stuttgart. P. 169–189.
29. Mayntz, R. (2009), Governancetheorie: Erkenntnisinteresse und offene Fragen, in: Grande/May (hrsg.), *Perspektiven der Governance-Forschung*, Baden-Baden, S. 9–19.
30. Nagelschmidt, M. 2005: *Das oberrheinische Mehrebenensystem. Institutionelle Bedingungen und funktionale Herausforderungen grenzübergreifender Zusammenarbeit in Europa*, Basel.
31. Scharpf, F.W. 1994: Mehrebenenpolitik im vollendeten Binnenmarkt, in: *Staatswissenschaften und Staatspraxis*, Jg. 1994, Baden-Baden. P. 486.
32. Tailon, R./Beck, J./Rihm, S. 2011 : *Impact Assessment Toolkit for Cross-Border Cooperation*, Armagh/Kehl, 2011 (ISBN 978-1-096444-35-8), 123 Seiten.
33. United Nations Committee of Experts on Public Administration (2006), *Definition of basic concepts and terminologies in governance and public administration*, E/C.16/2004/4, New York.

34. Wassenberg, B. 2010 (dir.) *Vivre et penser la coopération transfrontalière (Volume I): les régions françaises*, Stuttgart.
35. Wassenberg, B. / Beck, J. (Hrsg) 2011a: Living and researching cross-border cooperation (Vol. 3): The European Dimension of Cross-border Cooperation, Stuttgart (Steiner Verlag).
36. Wassenberg, B. / Beck, J. (Hrsg) 2011b: *Vivre et penser la coopération transfrontalière (Vol. 4) : Les régions sensibles*, Stuttgart (Steiner Verlag).

About the author:

Joachim Beck, University of Applied Sciences Kehl / Euro-Institute, Germany, Prof., Dr., Joachim.beck@hs-kehl.de

Об авторе:

Иоахим Бек, Университет прикладных наук г. Кель / Евроинститут, Германия, профессор, доктор, Joachim.beck@hs-kehl.de

Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития

Бодрунов С. Д.¹, Демиденко Д. С.², Плотников В. А.^{3}*

¹Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

²Политехнический университет Петра Великого, Высшая школа государственного и финансового управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

³Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация), *plotnikov_2000@mail.ru

РЕФЕРАТ

В современных условиях экономика России находится на этапе трансформации, обусловленной как краткосрочными трендами (выход из рецессии), так и долгосрочными (смена традиционной парадигмы развития). Внимание авторов сосредоточено на тенденциях реиндустриализации, развития «цифровой экономики», ускорения инновационно-технологического развития. На основе анализа теоретических взглядов на эти тенденции и эмпирического материала обоснован вывод, что эти тенденции не противоречат друг другу, а могут быть гармонизированы в рамках государственной экономической политики. В этой связи инструментарий последней требует определенного обновления и совершенствования. Итогом этих преобразований должно стать формирование нового индустриального общества, обладающего не только высоким уровнем инновационно-технологического развития, но и ярко выраженной социогуманитарной направленностью.

Ключевые слова: реиндустриализация, экономическая политика, государственное регулирование экономики, инновационное развитие, цифровая экономика

Reindustrialization and Formation of “Digital Economy”: Harmonization of Tendencies through Process of Innovative Development

Bodrunov S. D.^a, Demidenko D. S.^b, Plotnikov V. A.^{c}*

^aInstitute of New Industrial Development of S.Yu. Witte (St. Petersburg, Russian Federation)

^bPeter the Great St. Petersburg Polytechnic University, the Higher school of the State and Financial Management (St. Petersburg, Russian Federation)

^cSt. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), *plotnikov_2000@mail.ru

ABSTRACT

The economy of Russia is in modern conditions at a stage of the transformation caused as short-term trends (an exit from recession), and long-term (change of a traditional paradigm of development). The attention of authors is concentrated on tendencies of reindustrialization, development of “digital economy”, accelerations of innovative and technological development. Based on the analysis of theoretical views of these tendencies and empirical material a valid conclusion that these tendencies do not contradict each other, and can be harmonized within the state economic policy. In this regard, tools of the last demand a certain updating and improvement. Formation of the new industrial society having not only the high level of innovative and technological development, but also pronounced socio-humanistic orientation has to become a result of these transformations.

Keywords: reindustrialization, economic policy, state regulation of economy, innovative development, digital economy

В теоретическом осмыслении современной экономики на смену концепции экономического *роста* (суть которой — в увеличении с течением времени объемов производства и потребления благ) постепенно приходит более широкая и социально ориентированная концепция экономического *развития*, неразрывно связанного с процессами создания и внедрения инноваций [10]. Выдвижение инновационного сектора в качестве ключевого драйвера развития высокотехнологичной и высокопроизводительной промышленности (являющейся, по мнению авторов, фундаментальным элементом конкурентоспособной экономики в настоящем и будущем) сегодня стало общемировой тенденцией. Эта тенденция должна быть учтена в программах и планах реиндустриализации, разрабатываемых в России на национальном, отраслевом и региональном уровнях.

Инновационно-ориентированное развитие экономики является основой национальной безопасности и технологической независимости государства [16]: в условиях глобализации страны, не решившие проблему обеспечения поступательного промышленного развития, не смогут войти в ядро мировой экономической системы и будут вынуждены оставаться на периферии, в лучшем случае на полупериферии, играя роль сырьевого придатка и/или источника дешевой рабочей силы для стран — технологических лидеров. Очевидно, что для России такая роль неприемлема в силу исторических и культурных причин. Как отмечалось в совместной публикации одного из авторов данной статьи [5], мы считаем ошибочной концепцию «новой нормальности», делая выбор в пользу «нового будущего», — социально и технологически сбалансированной модели развития.

В среде научных исследователей и практиков в области экономики к настоящему моменту сложилось единое мнение, что завоевание лидерских позиций требует перехода к инновационной модели экономики [1; 6; 7 и др.]. Устоявшимся является определение инновационной экономики, как экономики, основанной на потоке инноваций, непрерывном технологическом прогрессе, производстве продукции с высокой добавленной стоимостью. С учетом развития инфокоммуникационных технологий в направлении глобальной цифровизации и реализации концепции «Индустрия 4.0», которая подразумевает создание цифрового общества и цифровых экосистем, понятие «инновационная экономика» сегодня трансформировалось в понятие «цифровая экономика» [4]. На сегодняшний день становится очевидным, что цифровые технологии — основной двигатель прогресса. Нельзя представить какую-либо сферу жизни, которая не претерпела бы технологических модернизаций за последние годы, базируясь на активном внедрении «цифры». Приведем несколько примеров.

Генная терапия, еще недавно казавшаяся фантастикой, сегодня — один из наиболее перспективных методов по борьбе с тяжелыми заболеваниями, в США и Европе она уже одобрена министерствами здравоохранения и применяется на практике. По информации *NewYorkTimes*, экспертный совет американского Управления по контролю за продуктами питания и лекарствами одобрил вывод на рынок продуктов для генной терапии лейкоза у детей и взрослых. По последним данным, в США уже прошла первая в мире процедура по «редактированию» генома взрослого человека прямо внутри его тела. Безусловно, эксперименты и практические работы с геномом человека были бы невозможны без серьезного информационного обеспечения, без быстродействующих вычислительных устройств и интеллектуальных компьютерных программ.

Существенные изменения за последние годы претерпела сфера образования, одной из последних инноваций здесь стала возможность дистанционного обучения посредством электронных курсов в режиме онлайн. Массовая разработка онлайн-курсов ведущими мировыми вузами концептуально меняет сам институт высшего образования, которое становится доступно каждому, вне зависимости от финан-

совых возможностей и географического местоположения. Рынок образовательных технологий (EdTech) в развитых странах быстро растет — по прогнозам в течение ближайших пяти лет минимум на 20% в год. И при этом, по имеющимся данным, на текущий момент проникновение онлайн-технологий в российское образование находится на уровне лишь 1,1%. За ближайшие пять лет показатель, как предполагается, поднимется до 2,6%. В денежном выражении «цифровизированная» часть этой отрасли в России, по оценкам, увеличится с нынешних 20,7 млрд руб. до 53,3 млрд руб.

Заметим, что переход обучения в интернет-плоскость начался в 2000-х годах в связи с появлением открытых интернет-курсов, когда известные мировые университеты начали выкладывать в свободный доступ записанные лекции. Спрос на подобные образовательные услуги оказался крайне велик, и уже в 2008 г. сформировалась принципиально новая методика образования — MOOC, Massive Open Online Course (в русскоязычном переводе — Массовые открытые онлайн курсы). Самой известной и востребованной платформой для размещения онлайн курсов является Coursera: по состоянию на февраль 2017 г. в ней было зарегистрировано 24 млн пользователей, имелось более 2 тыс. курсов и 160 специализаций от 149 образовательных учреждений. В России и странах СНГ эта платформа также набирает популярность. На начало октября 2017 г. на ней было зарегистрировано более 1 млн учащихся из стран СНГ, в том числе из России — 655 тыс. В настоящее время Россия — крупнейший и самый быстрорастущий неанглоязычный регион мира для Coursera.

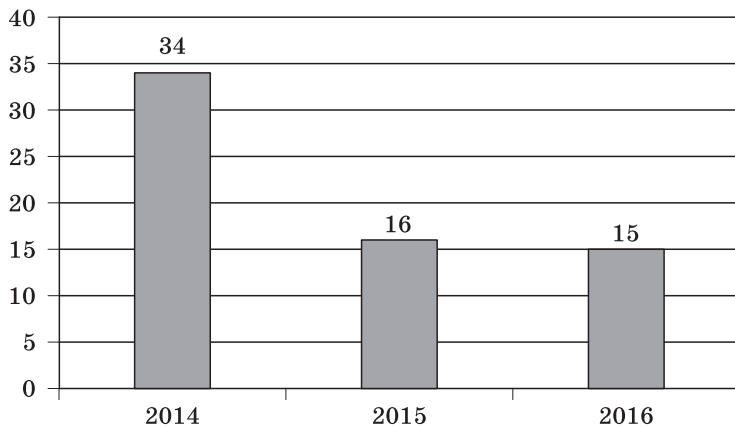
К сожалению, несмотря на эти положительные тенденции, следует признать, что цифровая трансформация российского образования запаздывает (рис. 1). Это грозит нам не только проигрышем в глобальной технологической гонке на рынке образовательных услуг, но и куда более серьезными последствиями в форме инновационно-технологического застоя, срыва планов реиндустриализации. Для опережающего развития промышленности, особенно высокотехнологичной, необходимо наличие «критической массы» высокообразованных специалистов инженерно-технического профиля, а также развитая технологическая культура как производства, так и потребления.

Первичные элементы такого рода культуры закладываются в процессе обучения, технологическая отсталость которого (в информационном и инновационном смысле) формирует у людей боязнь инноваций или же ориентацию на их импорт в страну. При таком отношении людей к новым технологиям, очевидно, проведение реиндустриализации в России становится труднорешаемой задачей.

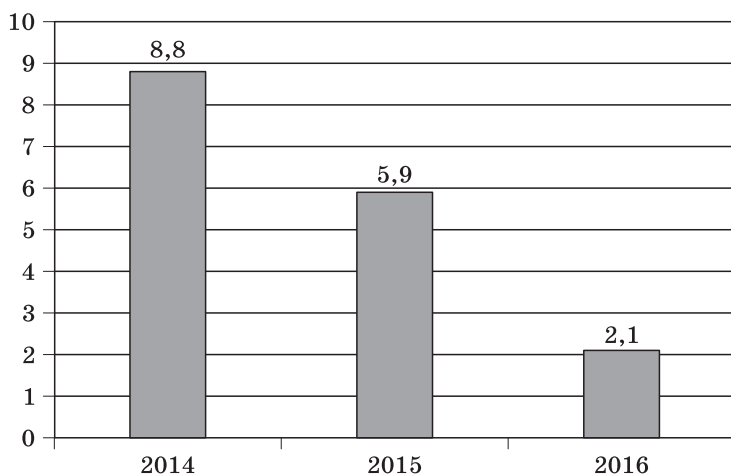
Что делать в этой ситуации? Очевидно, необходима ускоренная цифровизация российского образования, причем затрагивать она должна не только его высшие ступени, но и начальные, носить сквозной характер. Знакомство с цифровыми технологиями и их возможностями должно начинаться буквально с начальной школы, только таким образом удастся не только провести успешную реиндустриализацию страны, но и попытаться войти в число стран-технологических лидеров, сформировать механизмы саморазвивающегося инновационного роста, стать разработчиками метатехнологий, что обеспечит технологическое лидерство на длительный срок.

Следующая область интенсивной, тотальной цифровизации — финансы. На деятельность финансовых институтов цифровые технологии оказывают, пожалуй, наибольшее влияние. Это привело к формированию новой отрасли, так называемого «финтеха» [12; 13]. Финтех — это отрасль, состоящая из компаний, использующих новые технологии и инновации, чтобы конкурировать с традиционными финансовыми организациями (банки и различные посредники на рынке финансовых услуг).

Следует особо подчеркнуть, что к финтеху сегодня относятся уже не только различного рода технологические стартапы, осваивающие работу на финансовых рын-

а)

б)

Рис. 1. Инвестиции в российские образовательные проекты, 2014–2016 гг.:
 а) количество зафиксированных инвестиционных сделок в сфере образовательных технологий в России; б) ежегодный объем инвестиций, млн долл.

Fig. 1. Investments into the Russian educational projects, 2014–2016:
 а) number of the recorded investment transactions in the sphere of educational technologies in Russia; б) annual volume of investment, in millions of US dollars

Источник: Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий, <http://edumarket.digital>.

ках, но и крупные, вполне состоявшиеся компании отрасли, являющиеся ее «старожилами». Можно выделить пять традиционных областей финансовых услуг, в которых происходят значительные инновации: платежи и денежные переводы; заимствование и кредитование; управление капиталом; страхование; банкинг.

Основные пользователи финтех-продуктов сегодня — банки, так как они присутствуют во всех перечисленных областях. Располагая большими объемами средств, они инвестируют в проекты, которые были бы выгодны для них самих, например, в создание нейронных сетей, которые могут выполнять функции аналитиков или

юристов. Показательным примером здесь является ПАО «Сбербанк России», руководство которого заявило о сокращении в 2017 г. около 3 тыс. работников вследствие внедрения специального робота-юриста, который может без помощи человека составлять типовые искивые заявления. По оценкам специалистов этого банка, всего лишь через 5 лет до 80% всех решений в банке будут принимать автоматически с помощью инструментов искусственного интеллекта.

Таким образом, крупные технологически продвинутые банки задают вектор развития на всем рынке, формируя новые тренды и становясь не только финансовыми, но и технологическими лидерами. Причем это лидерство базируется на опережающей цифровизации. Среди технологических инноваций, революционизирующих финансовую сферу, следует отметить автоматическую идентификацию клиентов, что ведет к существенному сокращению объемов человеческого труда и индустриализует даже такую, казалось бы, далекую от промышленного производства функцию.

Особо следует выделить также такую фундаментальную технологию, как блокчейн, которая представляет собой выстроенную по определенным правилам цепочку блоков, содержащих информацию. Особенность такой системы состоит в том, что вся цепочка блоков одновременно находится на тысячах компьютерах пользователей сети. Для того чтобы поменять блоки местами или изменить информацию, хранящуюся в них, необходимо подтверждение по крайней мере 51% вычислительных мощностей системы. Для того чтобы сымитировать такое подтверждение, злоумышленникам понадобится взломать несколько тысяч устройств в одно время, что практически невозможно. Таким образом, система, основанная на блокчейне, считается предельно безопасной и прозрачной, она приводит к росту доверия в бизнесе.

Технология блокчейн, изначально реализованная в финансовой сфере, как компонент цифровой валюты — биткойна, может использоваться для организации любых журналов транзакций, при этом важно подчеркнуть, что под транзакцией может пониматься что угодно: финансовая транзакция (перевод между счетами), аудит событий аутентификации и авторизации, записи о выполненных технических обслуживаниях автомобилей, регистрация прав собственности на недвижимое имущество и т. д.

Основное преимущество блокчейна — это открытость; система позволяет просматривать транзакции, имея их номера. Таким образом можно без труда найти информацию о любой записи в блоке за все время его работы. Другое преимущество, тесно связанное с первым, — это безопасность. Система не допускает никакого внешнего вмешательства, что защищает всю информацию, сгенерированную с ее использованием.

Биткойн стал первой криптовалютой, чьи уникальные свойства привлекли в эту область новых участников, тем самым создав новый финансовый рынок — рынок криптовалют. Изначальная идея децентрализованных денег для безопасных платежей была усовершенствована участниками блокчейн-проектов, которые, в свою очередь, стали строить собственные бизнес-проекты, создавая собственную криптовалюту. Так появился новый источник финансирования венчурных проектов — ICO (Initial Coin Offering, первичное размещение так называемых токенов). На сегодняшний день имеются уже десятки примеров успешно проведенных ICO.

Например, проект Brave заключался в создании первого в мире браузера, работающего на блокчейн-технологии. ICO по этому проекту длилось рекордные 30 с, за которые удалось собрать первоначальную сумму — 35 млн долл., общие же инвестиции в проект составили 73 млн долл. По сути дела, ICO — это еще одна реализация модели краудфандинга. Его принципиальное отличие состоит в том, что затраты на размещение существенно сокращаются по сравнению с традиционными способами. Сегодня уже созданы и эксплуатируются платформы, на базе которых можно относительно просто создать свой собственный токен и подготовить его к ICO.

Помимо очевидных преимуществ в виде блокчейна, ICO, как вид финансирования, обладает еще одним важным свойством, свойством конвертации токенов. Суть заключается в том, что при желании инвестор может продать криптовалюту проекта на вторичном рынке или наоборот — докупить. Таким образом, в отличие от обычного краудфандинга, где деньги безвозвратно уходят организаторам стартапа, ICO имеет своеобразный элемент защиты инвестора в виде вторичного рынка обращения токенов, это делает криптовалюту похожей на другой, более традиционный, формат финансирования — акции.

Сегодня участники рынка демонстрируют повышение доверия к криптивалютам: можно отметить стремительный рост капитализации криптовалют в последнее время (на рис. 2 проиллюстрирована динамика роста совокупной рыночной капитализации криптовалют с начала 2017 г.). Так, если в первый день 2017 г. капитализация рынка криптовалют немногим превышала отметку в 18 млрд долл., то к октябрю этот показатель составлял уже 173,7 млрд долл. Таким образом, с начала года рынок криптовалют вырос почти в 10 раз.

Процесс цифровизации российской экономики идет достаточно активно. По имеющимся данным [2], 19% населения России используют широкополосный доступ к интернету, коэффициент проникновения сотовой связи составляет 1,6, при этом свыше 70% владельцев мобильных телефонов используют мобильный доступ в интернет, российский рынок «облачных» услуг растет на 40% ежегодно. Согласно оценкам, цифровая экономика может стать одним из важнейших факторов экономического роста России в ближайшей перспективе и к 2025 г. увеличит ВВП страны на 8,9 трлн руб., на «цифру» придется до 34% ожидаемого прироста ВВП.

Из вышеприведенных фактов и рассуждений можно сделать однозначный вывод, что цифровизация — ведущий тренд инновационно-технологического развития на ближайшую и среднесрочную перспективу. Из этого же вытекает задача для России — встроиться в этот тренд, занять если не лидирующее, то хотя бы достойное место в цифровой экономике будущего. И решать эту задачу необходимо не в теории, а на практике, с учетом того уровня развития и тех проблем, которые актуальны для нас сегодня, в том числе обусловленных решением задачи реиндустриализации и перехода к Новому индустриальному обществу 2.0 [3].

Анализ официальных статистических показателей позволяет сделать вывод о том, что в 2016 г. (полных данных по 2017 г. еще нет) в России наметился слабый экономический рост. Согласно данным Росстата, рецессия преодолена, динамика ВВП вышла в плюс, что может свидетельствовать о пользе прямых и ответных санкций, которые выступили мощным стимулом для развития отечественного производства, как сельскохозяйственного, так и промышленного. В то же время разрыв между сырьевым и обрабатывающим секторами свидетельствует о том, что восстановительный тренд достаточно иллюзорен и не обладает достаточной устойчивостью. И ожидаемая рецессия в экономике США, которая растет более 100 месяцев подряд, может уже в 2018–2019 гг. обрушить намечающиеся тенденции роста в России.

На рис. 3 представлена динамика индекса промышленного производства, достаточно наглядно отражающая ключевые процессы, происходящие в российской промышленности. Видно, что после рубежного, с точки зрения введения санкций, 2013 г. происходит падение отечественного промышленного производства, а слабый рост 2016 г. происходит за счет роста в сырьевом секторе, вызванного улучшением конъюнктуры на мировом рынке энергоносителей. Драйвером же роста в обрабатывающей промышленности является не общее оживление в экономике, а интервенционистская экономическая политика, в частности — увеличение гособоронзаказа [8].

Из приведенных данных можно сделать осторожный вывод, что курс на импортозамещение, активно поддерживаемый правительством, пока что не вызвал в рос-

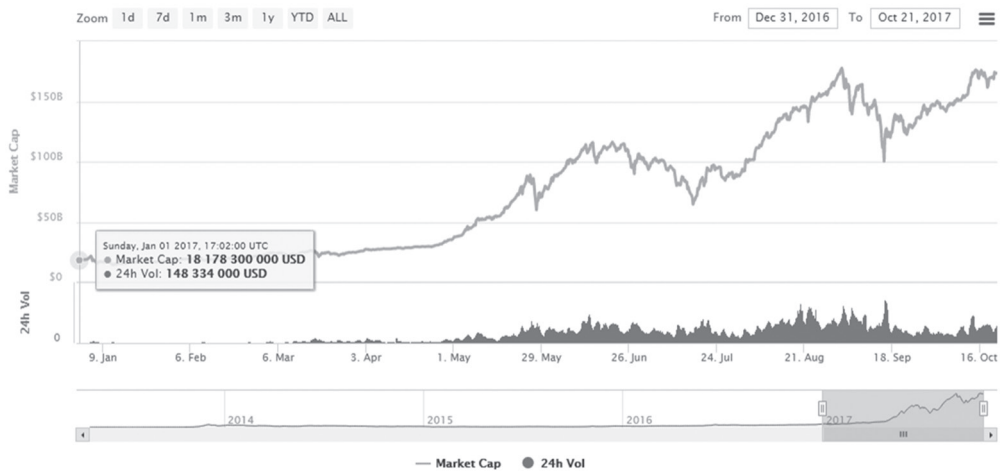

Рис. 2. Капитализация мирового рынка криптовалют, 2017 г.
 Fig. 2. Capitalization of the world market of cryptocurrencies, 2017.

Источники: <https://forklog.com/kapitalizatsiya-bitkoina-preodolela-otmetku-v-100-mlrd>.

систой обрабатывающей промышленности среднесрочной волны роста, а проекты реиндустриализации реализуются лишь по отдельным направлениям, носят скорее точечный характер. Таким образом, для российской экономики остается актуальной проблема экономического роста, особенно в промышленности. Его фактически достигнутые темпы продолжают оставаться в «нулевой зоне», близкой к величине статистической погрешности, и поэтому не могут обеспечить своевременное успешное выполнение имеющихся планов и программ экономического развития.

Складывается ситуация, которую можно упрощенно охарактеризовать как «экономический парадокс»: «Для роста экономики нужны дополнительные ресурсы, источником которых в современных условиях может быть только повышение темпов экономического роста». Существование этого парадокса объясняется, в том числе, применением такого показателя экономического роста, как ВВП. Например, макроэкономическая «инвестиционная» концепция экономического роста основана на том, что для достижения экономического роста требуются инвестиции. Рост дохода от инвестиционных вложений ΔY обеспечивается дополнительными инвестициями ΔI и мультипликатором инвестиций m , т. е.

$$\Delta Y = \Delta I \times m.$$

При этом указанный мультипликатор принято рассматривать как «макроэкономическую константу». Он таковой и является при определенных условиях. Мультипликатор зависит от сложившихся в обществе показателей предельной склонности к накоплению (s) и предельной склонности к потреблению (c) (при условиях: $0 \leq c \leq 1, 0 \leq s \leq 1, s + c = 1, m = (1 - c)^{-1} = s^{-1}$).

Прибыль, полученная от инвестиций, может быть реинвестирована при неизменной рентабельности и, согласно правилам элементарной математики, окончательный экономический результат инвестиций определяется по известной формуле:

$$\Delta Y = \frac{r \cdot k}{1 - r} \Delta I,$$

Рис. 3. Динамика индекса промышленного производства в России
 Fig. 3. Dynamics of the index of industrial production in Russia

Источник: Росстат.

где r — рентабельность инвестиций, k — коэффициент реинвестирования прибыли ($0 \leq k \leq 1$, определяет долю реинвестирования прибыли).

Величина (rk) известна в экономике как «темп экономического роста». Таким образом, прибыль при неизменной рентабельности инвестиций можно увеличить только за счет дополнительных вложений, этим определяется «затратность» экономического роста. Но продукт, произведенный в экономической системе, имеет, как известно, два основных направления использования: на накопление или для новых инвестиций с целью производства новых продуктов; на конечное потребление в непроизводственной сфере. При фиксированной величине продукта/дохода уменьшение инвестиций в производственной сфере соответствует росту конечного потребления во всей экономической системе («проедание»). Можно сделать вывод, что экономический рост как следствие увеличения производственных затрат/инвестиций имеет некоторый естественный предел.

Эти ограничения могут быть преодолены в модели цифровой экономики. Ее развитие базируется на инвестициях в знания. А они имеют несколько иную природу, чем обычные инвестиции. Это отличие в образной форме обозначил Дж. Б. Шоу, который, предвосхищая современные концепции цифровой экономики, сказал: «Если у тебя есть яблоко и у меня есть яблоко, и мы обменяемся этими яблоками, то у каждого из нас будет одно яблоко... Если у тебя есть идея и у меня есть идея, и мы обменяемся этими идеями, то у каждого из нас будет по две идеи». Экономический рост, традиционно измеряемый динамикой ВВП, это рост издержек в экономике. Следовательно, сегодня необходим новый и/или дополнительные критерии экономи-

ческого роста, учитывающие информационно-технологическую составляющую современной и будущей модели экономики.

По нашему мнению, переход России к реиндустриальному развитию, основанному на новой информационно-технологической основе, решение задачи повышения производительности труда, а следовательно, и обеспечения возможности построения конкурентоспособной индустриально-цифровой экономики в России, возможны. Решение этих задач связано, в первую очередь, с технологической модернизацией всех отраслей экономики, развитием наукоемких технологий и т. д. [14], но также требует изменения и подход к ведению макроэкономического счетоводства. В противном случае, если пользоваться традиционными подходами к его ведению, заметить ростки роста нового, информационно-технологического типа попросту не удастся, а значит, не будет возможности его поддержать и стимулировать.

Источником технологической модернизации, как мы глубоко убеждены, и эта убежденность строится на обработке результатов сценарного моделирования, значительных объемов эмпирических данных, а также анализе опыта СССР, должно послужить возобновление отечественных исследований и разработок, базисом которых являются образование и наука. Решением вышеуказанных проблем является обеспечение совершенно нового уровня инвестиций, чем имеется в настоящий момент (в последние годы вообще наблюдается тенденция их сокращения). Необходим рост государственного финансирования науки до мировых стандартов. Конкурентное преимущество России — это фундаментальная наука, поэтому необходимо реализовать данное преимущество, трансформировать его в новые технологии.

Нужно также обеспечить вовлечение частного капитала в финансирование НИОКР и повышение инновационной активности за счет, например, налоговой, информационной и инфраструктурной поддержки. Требуется выработка новых принципов развития цифровой экономики вообще и теоретическая проработка вопросов формирования источников и факторов обеспечения эффективности бизнес-систем с учетом развития инфокоммуникационных технологий и цифровизации.

Принципом традиционной парадигмы закрытых бизнес-моделей, реализуемой на протяжении второй половины XX столетия, является линейное протекание всех фаз инновационного процесса в границах предприятия. Степень развития инфокоммуникационных технологий определял платформенно-центрический тип бизнес-систем, в рамках которого сами инфокоммуникации выполняли лишь вспомогательную роль информационной поддержки «ручных» бизнес-процессов. Это определяло высокий уровень издержек взаимодействия между бизнес-системами, т. е. внешних транзакционных издержек. В результате, согласно выводам Р. Коуза [9], транзакции (в том числе связанные с инновационным процессом) в большей степени интернализировались, что обуславливало рост размеров предприятия, обеспечивая эффективность крупных бизнес-систем.

В условиях действия парадигмы закрытых инноваций реально конкурировать на рынке в глобальном масштабе могли только крупные предприятия, обладающие большим объемом ресурсов и мощной научно-исследовательской базой. Рынки, на которых функционировали такие предприятия, характеризовались неэффективными олигополистической и монополистической структурами [11]. Существенным недостатком «закрытости» инноваций является неэффективное (излишнее) потребление ресурсов. Содержание научно-исследовательских лабораторий требует большого объема ресурсов, при этом результаты их деятельности (знания, разработки) очень часто дублируются различными изолированными бизнес-системами, а также не могут быть использованы в полном объеме в рамках отдельной компании.

Обобщая, можно заключить, что причина неэффективности закрытых систем заключается в неравномерной нагрузке на ресурсы — объемы владения изолиро-

ванным ресурсом определяются с учетом разовых пиковых нагрузок, в то время как существенную часть времени нагрузки близки к нулевым. Иными словами, низкий уровень развития и использования инфокоммуникационных технологий определял высокий уровень не только транзакционных, но и, как следствие, трансформационных издержек.

Распространение инфокоммуникационных технологий приводит к снижению внешних транзакционных издержек, так как бизнес-процессы переходят в электронный вид, что, согласно концепции Р. Коуза, обуславливает сокращение эффективного размера предприятия. Данная тенденция наиболее ярко прослеживается на инновационно-ориентированных предприятиях, повышая их мобильность и готовность к постоянному развитию. Развитие инфокоммуникаций обеспечивает возможность построения открытых сетевых (или, как их еще называют, облачных) бизнес-систем, что позволяет интегрировать изолированные ресурсы (в том числе инновационные) в общие фонды, с высоким уровнем эластичности и масштабируемости, т.е. готовые предоставить необходимый объем в нужное время, но уже не физического ресурса, а сервиса, опирающегося на фонд физических ресурсов. (Заметим, что на этой же идее распределенного вычислительного процесса построена рассмотренная выше блокчейн-технология.)

Реализация парадигмы открытых инноваций, в частности — открытых облачных бизнес-систем, может повысить эффективность использования ресурсов практически до 100%, обеспечивая их потребление только в необходимом объеме, что существенно снижает трансформационные издержки. При этом предприятие представляет собой открытую систему, объединяющую внутренние функции и взаимодействующую как с дальней, так и ближней внешней средой [17].

Развитие по описываемым сценариям требует опережающего развития цифровой инфраструктуры. Решение этой задачи способно сыграть двойную роль в современной российской экономике. С одной стороны, за счет всеобъемлющей цифровизации будут созданы предпосылки для развития и поддержки всех видов экономической деятельности и социальной активности. С другой стороны, задача создания национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также ее поддержания и развития обеспечивает загрузку профильных высокотехнологичных производственных предприятий на многие годы.

Следовательно, тенденции цифровизации и реиндустриализации, которые находятся в центре нашего внимания в данной статье, не противоречат друг другу. Напротив, они комплементарны, что создает предпосылки для эффективного и одновременного «встраивания» в них. В этой связи, безусловно, следует приветствовать меры Правительства в сфере регулирования и стимулирования цифровизации российской экономики.

По нашему мнению, эти меры должны быть дополнены производственным блоком, который должен быть, с одной стороны, ориентирован на более активное стимулирование индустриального использования цифровых технологий, а с другой — на их разработку именно российскими предприятиями. Такого рода развитие позволит стране сделать технологический рывок и в короткие по историческим меркам сроки решить задачу формирования предпосылок и перехода к созданию нового индустриального общества, обладающего не только высоким уровнем инновационно-технологического развития, но и ярко выраженной социогуманитарной направленностью.

Литература

1. *Алексеев А. А.* Современные приоритеты государственной политики повышения эффективности российской экономики: инновационные аспекты: дис. ... д-ра экон. наук. Новосибирск, 2016.

2. Белоус А. П., Ляльков С. Ю. Вектор развития банков в потоке цифровой революции // Банковское дело. 2017. № 10. С. 16–19.
3. Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: монография. СПб. : ИНИР им. С. Ю. Витте.
4. Бодрунов С. Д. Четвертая индустриальная революция — пролог Нового индустриального общества второй генерации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 205. № 205. С. 262–284.
5. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Трансформация роли университетов в обеспечении социально-экономического развития // Экономика и управление. 2017. № 6 (140). С. 55–62.
6. Глухов В., Балашова Е. Экономика и менеджмент в инфокоммуникациях. СПб. : Питер, 2012.
7. Ермолаева Е. В. Индустриально-инновационное развитие экономики и модернизация промышленности в России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2016.
8. Князьнеделин Р. А., Наружный В. Е., Смуров А. М. Государственный заказ: теория, механизм исполнения, специфика реализации в оборонной сфере: монография / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. СПб., 2017.
9. Коуз Р. Природа фирмы / В кн. Вехи экономической мысли. СПб. : Экономическая школа, 2000.
10. Маевский В. И. Корнаи, Шумпетер и экономическая теория // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 145–152.
11. Макконнелл К., Брю С., Флинн Ш. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. М. : Инфра-М, 2017.
12. Никитина Т. В., Никитин М. А., Гальпер М. А. Роль компаний сегмента финтех и их место на финансовом рынке России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1–2 (103). С. 45–48.
13. Попова Е. М., Бандурко С. А. Анализ финансовых рисков в криптоэкономике с учетом информационного влияния // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 6 (108). С. 36–40.
14. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику, мир в целом. М. : Альпина нон-фикшн, 2014.
15. Экономика инноваций / Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2016.
16. Bodrunov S., Plotnikov V., Vertakova Y. Technological Development as a Factor of Ensuring the National Security // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference — Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth, 8–9 November 2017, Madrid, Spain. P. 2666–2674.
17. Chesbrough H. W. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. Harvard Business Press, 2006.

Об авторах:

Бодрунов Сергей Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор, Президент Вольного экономического общества России; директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте; inir@inir.ru

Демиденко Даниил Семенович, доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы государственного и финансового управления Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; demidenko11@rambler.ru

Плотников Владимир Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета; plotnikov_2000@mail.ru

References

1. Alekseev A. A. Modern priorities of state policy of increase in efficiency of the Russian economy: innovative aspects: Doctoral Dissertation. Novosibirsk, 2016. (In rus)
2. Belous A. P., Lyalkov S. Yu. Vector of development of banks in a stream of digital revolution // Banking [Bankovskoe delo]. 2017. N 10. P. 16–19. (In rus)
3. Bodrunov S. D. Future. New industrial society: reset: monograph. SPb. : INID of S. Yu. Witte. 328 p. (In rus)

4. Bodrunov S.D. The fourth industrial revolution — a prolog of New industrial society of the second generation // Scientific works of Free economic society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2017. V. 205. N 205. P. 262–284. (In rus)
5. Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Transformation of a role of the universities in ensuring social and economic development // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2017. N 6 (140). P. 55–62. (In rus)
6. Glukhov V., Balashov E. Economy and management in the info communications. SPb. : Piter, 2012. 272 p. (In rus)
7. Yermolaeva E.V. Industrial innovative development of economy and modernization of the industry in Russia: dissertation. M., 2016. (In rus)
8. Knyaznedelin R.A., Naruzhniy V.E., Smurov A.M. State order: the theory, the execution mechanism, specifics of realization in the defensive sphere: monograph / St. Petersburg State University of Economics. SPb., 2017. 159 p. (In rus)
9. Coase R. The nature of firm / In book Milestones of an economic thought. SPb. : Economic school, 2000. (In rus)
10. Maevsky V.I. Kornai, Schumpeter and economic theory // Questions of Economics [Voprosy ekonomiki]. 2012. N 8. P. 145–152. (In rus)
11. McConnell C., Brue S., Flynn S. Economics: Principles, Problems, and Policies. M. : Infra-M, 2017. 1028 p. (In rus)
12. Nikitina T.V., Nikitin M.A., Galper M.A. Role of the companies of a FinTech segment and their place in the financial market of Russia // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 1–2 (103). P. 45–48. (In rus)
13. Popova E.M., Bandurko S.A. The analysis of financial risks in crypto economy taking into account information influence // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 6 (108). P. 36–40. (In rus)
14. Rifkin J. The Third Industrial Revolution. How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World. M. : Alpina non-fiction, 2014. 410 p.
15. Economy of innovations / Economics Faculty of Lomonosov Moscow State University. M., 2016. (In rus)
16. Bodrunov S., Plotnikov V., Vertakova Y. Technological Development as a Factor of Ensuring the National Security // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference — Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth, 8–9 November 2017, Madrid, Spain. P. 2666–2674.
17. Chesbrough H.W. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. Harvard Business Press, 2006.

About the authors:

Sergey D. Bodrunov, Doctor of Science (Economics), Professor, President of Free Economic Society of Russia; Director of Institute of New Industrial Development of S.Yu. Witte; inir@inir.ru

Daniil S. Demidenko, Doctor of Science (Economics), Professor, Professor of the Higher School of the State and Financial Management of Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University; demidenko11@rambler.ru

Vladimir A. Plotnikov, Doctor of Science (Economics), Professor, Professor of the Chair of the General Economic Theory and History of an Economic Thought of the St. Petersburg State University of Economics; plotnikov_2000@mail.ru

Технология обеспечения развивающихся экономических систем профессиональными кадрами

Курзенов В. А.^{1*}, Перекрест В. Т.², Перекрест И. В.², Чернейко Д. С.³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *kurzeneva@yandex.ru

²Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье представлены предложения по разработке технологий кадрового обеспечения по приоритетным направлениям развития экономических систем федерального и регионального уровней (далее — Проект). Для таких систем актуальной задачей признано представление и расчет приоритетных направлений развития экономических систем в форматах балансов трудовых ресурсов, обобщающих традиционный «секторальный» подход. Решение этой задачи предлагается осуществлять в рамках «кластерно-отраслевого» подхода.

Ключевые слова: профессиональные кадры, кадровая потребность, базовый компетентностный модуль, вакантные рабочие места, профессиональный стандарт, образовательный стандарт

Technology Support of Professional Personnel of Developing Economic Systems

Kurzenov V. A.^{a*}, Perekrst V. T.^b, Perekrst I. V.^b, Cherneyko D. S.^c

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation, *kurzeneva@yandex.ru

^bSaint-Petersburg Economic-Mathematical Institute of RAS, Saint-Petersburg, Russian Federation

^cThe Committee on labor and employment of St. Petersburg, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article presents the main proposals in the present draft of the economic-mathematical research on the development of technologies of staffing in priority directions of development of economic systems of Federal and regional levels (hereinafter — the Project). Note that in the study any economic system is considered as developing if for it some priority areas of its economic development are identified. For such systems, the actual task of representation and calculation of the priority directions of economic systems in the formats of balance sheets of labour resources, generalizing the traditional «sectoral» approach. The solution to this problem is proposed in the framework of the cluster «industry» approach.

Keywords: professional staffing, demand, supply, staffing requirements, conceptual model, basic competency module (BCM), vacancies, professional standard, educational standard

Введение

Обеспечение профессиональными кадрами развивающихся экономических систем является крупной государственной проблемой. Технологии решения этой проблемы

и посвящена статья. Эффективность предлагаемых технологий понимается в контексте экономического развития и роста человеческого капитала, рассматриваемых экономических систем, что соответствует общей задаче управления формированием трудового потенциала пространственных экономических систем в указанном выше контексте. Статья носит заявочный характер, ее основная цель — представление системы научных обоснований Проекта как *комплексного междисциплинарного исследования*, многофункциональность которого определяется следующими ключевыми задачами исследования:

- А. Разработка *общей концептуальной модели* исследования и ее концептуально-аналитическая детализация.
- Б. Разработка технологии формирования *единого координатного пространства* представления спроса и предложения на рынках труда развивающихся экономических систем в рамках компетентностного подхода.
- В. Разработка *комплексной оценки соответствия объектов спроса и предложения* на рынках труда в задачах подбора кадров для замещения вакантных рабочих мест с учетом факторов целевой трансформации рабочей силы.
- Г. *Uber-модели взаимодействия спроса и предложения* для рынков труда развивающихся экономических систем.

1. Разработка общей концептуальной модели исследования и ее концептуально-аналитическая детализация

Решение первой ключевой задачи исследования предполагает разработку следующих экономико-математических моделей (ЭММ):

- **ЭММ взаимодействия спроса и предложения** для рыночных экономик, реализующих идеи «поискового трения», изложенные в работах лауреатов Нобелевской премии за 2010 г.: общие идеи — Питер Даймонд, применительно к рынкам труда — Кристофер Писсаридес [8] (см. рис. 1).

Ключевой тезис указанного подхода: «...на рынке труда работодатель ищет сотрудников, а работники ищут свободные вакансии. При этом процесс поиска требует времени и ресурсов с обеих сторон, что создает определенные „помехи“... При этом на рынке труда одновременно наблюдаются и безработица, и свободные вакансии».

Основной результат ЭММ: разделение факторов, определяющих «поисковое трение», на «механические» и институциональные (структурные); оценка связанных с этими факторами (допустимых — целевых) *трансформаций рабочей силы* (трудового потенциала) и *системы рабочих мест*. При этом рабочие места распределены между предприятиями, которые, в свою очередь, могут быть сгруппированы в экономические кластеры, отраслевые направления экономики и т. п.

- **Система балансовых технологий для рынков труда** в форме **многокритериального баланса рабочих мест**: традиционный баланс трудовых ресурсов (БТР) — структурный баланс трудовых ресурсов (СБТР) — структурный баланс рабочих мест (СБРМ) в форме **многокритериального баланса рабочих мест** (МБРМ).

Основной результат: **ЭММ потребности экономической системы в профессиональных кадрах**.

Наиболее четко основные концептуально-методические позиции рассматриваемой проблемы представлены в двух нормативных правовых актах¹, соответственно,

¹ Приказ Минтруда России № 407, Минобрнауки России № 641 от 30.06.2015 «Об утверждении Положения о системе среднесрочного и долгосрочного прогнозирования занятости населения в целях планирования потребностей в подготовке кадров в образовательных организациях, реализующих образовательные программы среднего профессионального и (или)

федерального и регионального уровня, принятых в целях «обеспечения функционирования системы среднесрочного и долгосрочного прогнозирования занятости населения и планирования потребностей в подготовке кадров в образовательных организациях за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета».

Под *потребностью в профессиональных кадрах* понимается «численность занятых в экономике, необходимая для обеспечения производства валового регионального продукта...». Субъект РФ (Санкт-Петербург) рассматривается как экономическая система, одна из существенных характеристик которой — региональная система рабочих мест (PCPM).

В PCPM рассматриваются две компоненты: замещенные рабочие места (ЗРМ) и вакантные рабочие места (ВРМ). Совокупность вакантных и замещенных рабочих мест (наличных рабочих мест) и определяет сформулированную выше потребность в профессиональных кадрах. При этом ключевым элементом является совокупность ВРМ. В связи с этим под текущей кадровой потребностью понимается *остаточная годовая кадровая потребность*, которая определяется как превышение годового объема спроса (численности ВРМ) над годовым объемом предложения (количеством соискателей на их замещение) в профессионально-квалификационном разрезе (ОКЗ). Наряду с текущей рассматривается также перспективная, прогнозная кадровая потребность.

В рамках разрабатываемой ЭММ выделены *ключевые особенности* представления и исчисления *кадровой потребности* (остаточной):

- *Кадровая потребность* определяется через систему ВРМ, представленных в *профессионально-квалификационном* и «отраслевом» разрезах.
- *Дефицит кадров* — форма кадровой потребности — определяется на основании анализа годовой остаточной кадровой потребности.
- *Симметричность ЭММ* относительно рабочей силы и системы рабочих мест.
- *Форматы представления* кадровой потребности: *экономический*¹ и *образовательный*². Последний, в частности, предполагает определение объема и структуры *контрольных цифр приема* для обучения по образовательным программам высшего и среднего профессионального образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета³.

Задачи сравнительного анализа систем классификации и стандартизации для представления спроса и предложения на рынках труда. Возможности решения *задачи гармонизации экономического и образовательного форматов* кадровой потребности в рамках систем стандартизации в условиях *компетентностных подходов*.

- *Задачи целевой трансформации рабочей силы* для покрытия (смягчения) кадрового дефицита в следующих формах: *регулируемая трудовая миграция*, *регулируемая структура подготовки кадров* через систему технического и профессио-

высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, и методики расчета на среднесрочную и долгосрочную перспективу потребности субъектов Российской Федерации, отраслей экономики и крупнейших работодателей в профессиональных кадрах»; Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 170 от 09.03.2016 «Порядок взаимодействия исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга и работодателей для оценки потребности в квалифицированных рабочих и специалистах по профессиям и специальностям среднего профессионального образования».

¹ Представления кадровой потребности в отраслевом (ОКВЭД2) и профессионально-квалификационном (ОКЗ-14) разрезах: для замещения ВРМ; для первичного замещения вводимых и модернизированных рабочих мест.

² В разрезах ОКСО и Перечней специальностей — профессий по образованию, утвержденных Минобрнауки в 2013 г.

³ Приказ Минтруда России № 407, Минобрнауки России № 641 от 30.06.2015 «Об утверждении Положения о системе среднесрочного и долгосрочного прогнозирования занятости населения...».

Рис. 1. Концептуальная схема взаимодействия объектов спроса и предложения
 Fig. 1. Conceptual scheme of interaction of objects of supply and demand

нального образования с решением задачи *преобразования кадровой потребности* из экономического формата в образовательный.

В публикациях [например, 4] можно, в частности, найти иллюстративные примеры:

- Результаты формирования кадровой потребности приоритетных отраслей экономики Санкт-Петербурга в 2016–2017 гг. Остаточный спрос и избыточное предложение.
- Реализация многокритериальных балансовых технологий трансформации структуры экономически активного населения и системы рабочих мест для Санкт-Петербурга.

2. Разработка технологии формирования единого координатного пространства представления спроса и предложения на рынках труда развивающихся экономических систем

Разработка указанной технологии осуществляется в рамках компетентного подхода. При этом учитываются следующие соображения:

- Требования рынка труда (институционального работодателя) могут быть сформулированы в форме набора профессиональных компетенций, которыми должен обладать соискатель на замещение определенного рабочего места. При этом профессиональная компетенция представляется в виде компетентного модуля — блока связанных с рассматриваемой компетенцией знаний и умений/навыков.

- Экономический формат кадровой потребности может быть задан двумя видами документов: ОКЗ (в детализации «начальная группа») и *профессиональный стандарт*.

- Образовательный формат кадровой потребности может быть задан также двумя видами документов: специальность (профессия) по образованию и ФГОС.

Технологическим ядром преобразования является *базовый компетентностный модуль* (БКМ). Концептуальным основанием выделения БКМ является таблица (табл.) сопоставления компетентностных блоков. На основании этой таблицы разрабатывается алгоритм построения контрольных цифр выпуска (образовательный формат, разрез специальностей), реализация которого позволяет:

- представить каждый кадровый запрос в формате ОКЗ (экономический формат) в виде пакета БКМ единого банка БКМ;
- определить для сформированного пакета БКМ пакет образовательных стандартов, которые его включают, т. е. выбрать (возможно, неоднозначно) ФГОС и соответствующую ему специальность.

Выбранная специальность представлена в образовательном формате и является образом исходной группы занятий. Кроме того, дополнительные данные банка БКМ (указанные выше системы тестирования умений и знаний, а также регламенты экспертного оценивания) позволяют проводить оценку квалификации соискателей, рассматриваемых на замещение исходного ВРМ¹.

Таким образом, после проведенного сопоставления указанная профессия (группа занятий) характеризуется в обоих форматах одной и той же совокупностью триад базовых компетентностных модулей (БКМ): профессиональные компетенции — знания — умения/навыки. В этом случае *единое координатное пространство* представления спроса и предложения на рынках труда (далее — ЕКП) формируется в виде Генеральной базы данных (ГБД), содержащей данные о БКМ для всех выбранных профессий (групп занятий). Эта ГБД разрабатывается как система семи связанных частных БД:

- БД1 — для совокупности профессиональных стандартов;
- БД2 — для совокупности образовательных стандартов;
- БД3 — сводная БД для компетенций, представленных в системах профессиональных и образовательных стандартов;
- БД4 — сводная БД для знаний, представленных в компетенциях БД3;
- БД5 — сводная БД для умений/навыков, представленных в знаниях БД4;
- БД6 — база данных образовательных организаций, участвующих в процессах образовательной трансформации рабочей силы;
- БД7 — сводная БД для образовательных программ, используемых организациями, участвующими в процессах образовательной трансформации рабочей силы.

Для развивающихся экономических систем ГБД может быть сегментирована на кластерно-отраслевой основе с учетом приоритетных направлений экономического развития.

На рис. 2 представлена концептуальная схема отбора соискателей в системе БКМ, реализующая предложенные выше принципы. При этом кадровый запрос рассматривается как *задача замещения рабочих мест* заданного пакета ВРМ [3]. На указанной концептуальной схеме представлены следующие операции:

- 1) Для каждого ВРМ заданного пакета на основании позиций ОКЗ *выбирается* необходимый *профессиональный стандарт*.

¹ Примеры реализации указанной схемы для профильных профессий (групп занятий) для ЭК «Фармацевтика» Санкт-Петербурга приведены, например, в публикации [5]. В общем случае требуется проведение специального анализа систем профессиональных и образовательных стандартов (см. указанные выше реестры стандартов).

- 2) Для каждого ВРМ их соответствующего профессионального стандарта формируется совокупность БКМ — совокупность профессиональных компетенций и соответствующих им знаний — умений.
- 3) Если профессиональный стандарт был выбран на этапе (1), то выбирается соответствующий ему *образовательный стандарт* и осуществляется *сверка профессиональных компетенций* (их аналогов) для двух выбранных стандартов. В противном случае образовательный стандарт подбирается на основании позиции ОКЗ. На основании информации о *позиции ОКЗ (раздел «обязанности»)* формируется также совокупность профессиональных компетенций для кадрового запроса.
- 4) Формируется *пакет тестов и регламентов экспертных оценок* для оценки квалификации соискателя для каждого ВРМ кадрового запроса — *для подтверждения требуемого профессионально-квалификационного статуса* соискателя на замещение ВРМ.
- 5) Для каждого соискателя проводится *экспертиза его соответствия заявленному профессионально-квалификационному статусу* — оценка его квалификации в связи с его заявкой на замещение ВРМ. Соискатели, получившие положительное решение (подтвердившие требуемую квалификацию), заносятся в итоговый документ: **«короткий список»** претендентов на замещение заявленных ВРМ.
- 6) Пополнение *банка базовых компетентностных модулей* — развитие системы профессиональных и образовательных стандартов.

3. Разработка комплексной оценки соответствия объектов спроса и предложения на рынках труда в задачах подбора кадров для замещения вакантных рабочих мест с учетом факторов целевой трансформации рабочей силы

Указанная комплексная оценка разрабатывается в рамках двухкомпонентной оценки соискателя с критериями:

- степень готовность к замещению вакантных рабочих мест (ВРМ);
- время достижения указанной степени готовности.

Этот подход является естественным модельным представлением и практической реализацией высказанных ранее общих идей «поискового торможения» на рынках труда. Эффективные реализации указанного подхода существенно используют симметричность разработанных ЭММ взаимодействия спроса и предложения на рынках труда рассматриваемых экономических систем [1].

Одно из актуальных направлений комплексного оценивания составляют методы формирования многофакторных рейтингов соискателей (для заданного/заданных ВРМ). Последнее, в частности, позволяет получить эффективные решения задачи формирования «коротких списков» соискателей для «прямого» взаимодействия с работодателями (формат собеседования и т. п.).

Разработка указанной комплексной оценки предполагает решение следующих задач.

1. Задачи и методы *тематического анализа системы образовательных стандартов* для программ обучения образовательных организаций (на примере Санкт-Петербурга), включая следующие позиции:
 - Разработка критериев профессиональной и образовательной эластичности.
 - Методы выявления классов профессиональной эластичности образовательных программ и классов образовательной эластичности для групп занятий.
 - Целевая трансформация рабочей силы в системе технического и профессионального образования и подготовки как реализация свойства образовательной эластичности для групп занятий.

Основные элементы компетентностного сопоставления экономических и образовательных форматов кадровой потребности

Table. Basic elements of competence-based comparison of economic and educational formats of personnel requirement

Экономический формат	
ОКЗ	Профессиональный стандарт
Код начальной группы, обязанности специалистов как детализация видов трудовой деятельности	Код в стандарте и наименование трудовой функции (вида трудовой деятельности), перечни соответствующих знаний и умений, а также трудовых действий как элементов трудовой деятельности
Образовательный формат	
Код в стандарте и наименование профессиональной компетенции, перечни соответствующих знаний и умений	Код специальности со ссылкой на профессиональные компетенции соответствующего ФГОС

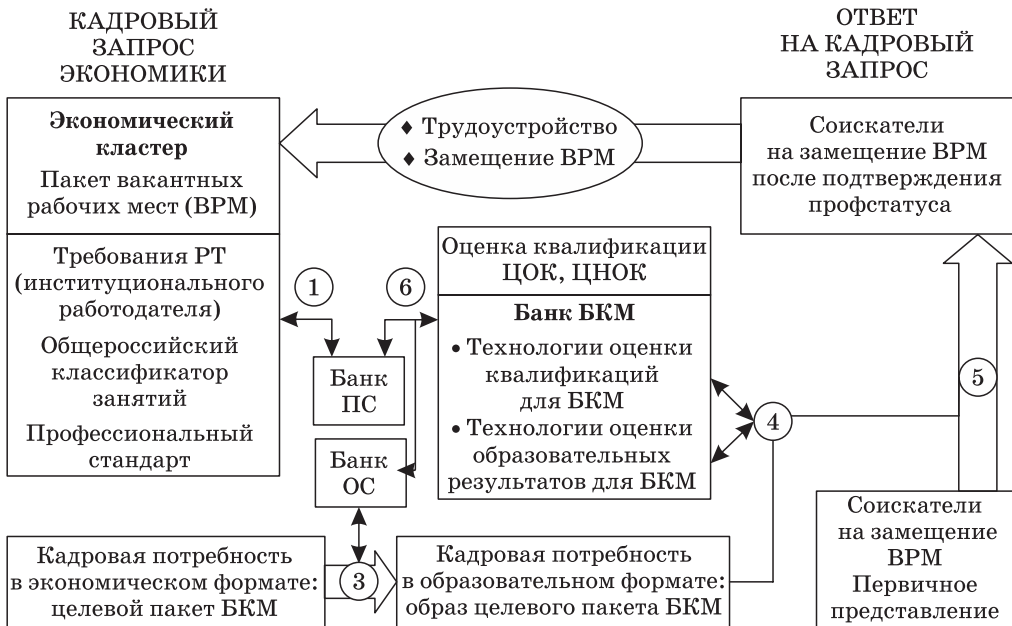

Рис. 2. Кадровая потребность экономики: концептуальная схема отбора соискателей в системе базовых компетентностных модулей (БКМ)

Fig. 2. Personnel requirement of economy: the conceptual scheme of selection of applicants in the system of the basic competence-based modules (BCM)

- Методы оценивания эффективности трудовой миграции как фактора подбора кадров — «механической» трансформации рабочей силы — для замещения ВРМ.

- Рассмотрение в качестве иллюстративного примера оценки эффективности трудовой миграции для Санкт-Петербурга в 2016 г.
- 2. Задачи и методы *снижения размерности ЕКП* представления спроса и предложения на рынках труда, включая следующие позиции:
- Методы снижения размерности ЕКП: эвристические, корреляционные (метод главных компонент) и нелинейные непараметрические (методы многомерного метрического шкалирования и классификационно-типологического анализа).
- Канонические представления: ЕКП минимальной размерности.

4. Uber-модели взаимодействия спроса и предложения для рынков труда развивающихся экономических систем

Uber-модели рассматриваются как прикладные on-line системы. При этом эти модели могут рассматриваться как модели визуализации общих процессов взаимодействия спроса и предложения на рынках труда.

Технологии двумерного и трехмерного представления ЕКП для взаимодействия спроса и предложения на региональных рынках труда, а также направления разработки Uber-технологий для визуализации ЕКП в указанном контексте представлены, в частности, в статье [1].

Литература

1. *Воронина Д. Е., Пархоменко Л. И., Перекрест И. В.* Оценка соответствия объектов спроса и предложения на рынках труда с учетом факторов целевой трансформации рабочей силы // Материалы Всероссийской конференции «Новые подходы и методы управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов». ИПРЭ РАН. Санкт-Петербург : ГУАП, 2017. С. 284–287.
2. *Никифоров О. Н., Перекрест В. Т., Перекрест И. В.* Кластерные технологии идентификации приоритетных направлений экономики как развитие отраслевых подходов на региональном уровне // Материалы Всероссийской конференции «Новые подходы и методы управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов». ИПРЭ РАН. Санкт-Петербург: ГУАП, 2017. С. 267–273.
3. *Перекрест В. Т., Курзенев В. А., Чернейко Д. С.* Кадровая потребность региональной экономики: проблемы исчисления и прогнозирования // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики. Том 1». Санкт-Петербург : СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, 2016. С. 6–11.
4. *Перекрест В. Т., Перекрест И. В., Чернейко Д. С.* Многокритериальные балансовые технологии для региональных рынков труда // Материалы Всероссийской конференции «Новые подходы и методы управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов». ИПРЭ РАН. Санкт-Петербург : ГУАП, 2017. С. 273–279.
5. *Перекрест И. В.* Особенности статистики приоритетных экономических кластеров региональной экономики: оценка кадровой потребности // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики. Том 1». Санкт-Петербург : СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, 2016. С. 22–29.
6. *Технологии кластерно-отраслевой дифференциации хозяйствующих субъектов экономических систем регионального уровня / Перекрест И. В., Воронина Д. Е., Пархоменко Л. И., Фример Е. В.* // Экономический рост, ресурсозависимость и социально-экономическое неравенство: материалы V Всероссийской конференции 7–9 ноября 2016 г. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 192–195.
7. *Фример Е. В., Перекрест В. Т., Перекрест И. В.* Технологии формирования единого координатного пространства представления спроса и предложения на рынках труда в рамках компетентностного подхода // Материалы Всероссийской конференции «Новые подходы

и методы управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов». ИПРЭ РАН. Санкт-Петербург : ГУАП, 2017. С. 279–284.

8. *Christopher A. Pissarides*. Equilibrium in the labour market with search frictions. Prize Lecture, December 8, 2010.

Об авторах:

Курзнев Владимир Анатольевич, профессор, доктор технических наук, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), kurznevva@yandex.ru

Перекрест Владимир Терентьевич, Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), заведующий лабораторией, доктор физико-математических наук, vtp_01@mail.ru

Перекрест Игорь Владимирович, Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), старший научный сотрудник, piv_2103@mail.ru

Чернейко Дмитрий Семенович, председатель Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, доктор экономических наук, dm4@rambler.ru

References

- Voronina D. E., Parkhomenko L. I., Perekrest I. V. Assessment of compliance of objects of supply and demand in labor markets taking into account factors of target transformation of labor // Materials of the Russian conference "New Approaches and Methods of Management of Sustainable Social and Economic Development of Regions". IRES RAS [Materialy Vserossiiskoi konferentsii «Novye podkhody i metody upravleniya ustoychivym sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov». IPRE RAN]. St. Petersburg : SUAI, 2017. P. 284–287. (In rus)
- Nikiforov O. N., Perekrest V. T., Perekrest I. V. Cluster technologies of identification of the priority directions of economy as development of branch approaches at the regional level // Materials of the Russian conference "New Approaches and Methods of Management of Sustainable Social and Economic Development of Regions". IRES RAS [Materialy Vserossiiskoi konferentsii «Novye podkhody i metody upravleniya ustoychivym sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov». IPRE RAN]. St. Petersburg : SUAI, 2017. P. 267–273. (In rus)
- Perekrest V. T., Kurznev V. A., Cherneyko D. S. Personnel requirement of regional economy: problems of calculation and forecasting // Materials of the VIII International scientific and practical conference "State and business. Modern problems of economy Volume 1" [Materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Gosudarstvo i biznes. Sovremennye problemy ekonomiki Tom 1»]. St. Petersburg : NWIM of RANEPa, 2016. P. 6–11. (In rus)
- Perekrest V. T., Perekrest I. V., Cherneyko D. S. Multicriteria balance technologies for regional labor markets // Materials of the Russian conference "New Approaches and Methods of Management of Sustainable Social and Economic Development of Regions". IRES RAS [Materialy Vserossiiskoi konferentsii «Novye podkhody i metody upravleniya ustoychivym sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov». IPRE RAN]. St. Petersburg : SUAI, 2017. P. 273–279. (In rus)
- Perekrest I. V. Features of statistics of priority economic clusters of regional economy: assessment of personnel requirement // Materials of the VIII International scientific and practical conference "State and business. Modern problems of economy Volume 1" [Materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Gosudarstvo i biznes. Sovremennye problemy ekonomiki Tom 1»]. St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2016. P. 22–29. (In rus)
- Technologies of cluster and branch differentiation of economic entities of economic systems on regional level / Perekrest I. V., Voronina D. E., Parkhomenko L. I., Frimer E. V. // Economic growth, resource-dependence and social and economic inequality: materials of the V Russian conference [Ekonomicheskii rost, resursozavisimost' i sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo: materialy V Vserossiiskoi konferentsii] on November 7–9, 2016 SPb. : Nestor History, 2016. P. 192–195. (In rus)
- Frimer E. V., Perekrest V. T., Perekrest I. V. Technologies of formation of uniform coordinate space of representation of supply and demand in labor markets within competence-based approach // Materials of the Russian conference "New Approaches and Methods of Management of Sustainable Social and Economic Development of Regions". IRES RAS [Materialy Vserossiiskoi konferentsii

«Novye podkhody i metody upravleniya ustoichivym sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov». IPRE RAN]. St. Petersburg: SUAI, 2017. P. 279–284. (In rus)

8. Christopher A. Pissarides. Equilibrium in the labour market with search frictions. Prize Lecture, December 8, 2010.

About the authors:

Vladimir A. Kurzenev, Professor, Doctor of Science (Engineering), North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), kurzenevva@yandex.ru

Vladimir T. Perekrest, Saint-Petersburg Economic-Mathematical Institute of RAS (Saint-Petersburg, Russian Federation), Head of laboratory, Doctor of Physical and mathematical Sciences, vtp_01@mail.ru

Igor V. Perekrest, Saint-Petersburg Economic-Mathematical Institute of RAS (Saint-Petersburg, Russian Federation), Senior Researcher, piv_2103@mail.ru

Dmitry S. Chernyko, Chairman of the Committee on labor and employment of St. Petersburg, Doctor of Sciences (Economy), dm4@rambler.ru

Communication Strategy Effects in the Political System during Global Sport Mega-Events: Russia on the Eve of the FIFA World Cup 2018

Bayer Ju. ^{a}, Ruiz-Martinez F.-J. ^b*

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation, *juliabayer@yandex.ru

^bUniversity of Alicante (Spain)

ABSTRACT

This article analyzes how well organized strategic communication during sport events can prevent and even stop internal and external national conflicts and can strengthen the cohesiveness of society within the country. It analyses the possibilities of strategic communication, stages, or risk, and it examines global sporting events such as FIFA Confederations Cup and FIFA World Cup, regarding their ability to change the image of Russia on the world stage.

Keywords: strategic communication, FIFA world Cup 2018, FIFA Confederations Cup, crisis communication, social networking, conflict communication, domestic politics

Россия накануне Чемпионата мира по футболу-2018: влияние стратегической коммуникации на политическую систему в ходе глобальных спортивных мероприятий

Байер Ю. П. ^{1}, Руиз-Мартинес Ф.-Х. ²*

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *juliabayer@yandex.ru

²Университет г. Аликанте, Испания

РЕФЕРАТ

В статье анализируется, насколько хорошо организованная стратегическая коммуникация во время спортивного мероприятия может предотвратить и даже остановить внутренние и внешние национальные конфликты и укрепить сплоченность общества внутри страны. Анализируются глобальные спортивные мероприятия, такие как Кубок Конфедераций и Чемпионат мира по футболу, их возможность на изменение имиджа России на мировой арене.

Ключевые слова: стратегическая коммуникация, Чемпионат мира по футболу-2018, Кубок Конфедераций, кризисная коммуникация, социальные сети, субъекты коммуникации, конфликтная коммуникация

Nowadays, when countries inside the EU as well as many other countries, are experiencing processes of separatism, we will focus on how well organized strategic communication during a sport mega-event can help prevent and even reduce internal and external national conflicts and can strengthen political cohesiveness of society within a country.

The idea about sport events as an instrument that unifies and reconciles nations comes from the Olympic Games of ancient Greece, when a sacred truce was declared when the games were played.

This has become common in contemporary society, since sport events and politics rather often coalesce, so transforming strategic communications technology is a key

political issue; a new section of applied sociology is actively used to prepare and conduct sport events. Strategic communication, which has become very popular in the US, is gradually spreading away to Russia now. Communication theory belongs to the so-called post-non-classical sciences, and strategic communication is a new branch of science in our information society. It is possible to gradually change public opinion about an event, or predispose public opinion for future events with the help of strategic communication.

Indeed, through ongoing sports events in Russia, with the help of strategic communications, used by all possible media, is being utilized to try to change world opinion not only about sports (or just football) in Russia, but about Russia's image in general.

Thus, strategic communications are given in the normative-value dimension of social space, and are aimed to form new values, meanings and social norms, or to change the ones we've already measured in public opinion. New values and meanings that in the future will determine the behavior of individuals or social groups of citizens of certain countries. Therefore, in this article we will consider the non-materialistic explanation of social action, from the understanding that consciousness determines existence, and so contradicting Karl Marx¹ and completely in agreement with Pitirim Sorokin² and Max Weber³.

In German sources, we come across the term *strategic communications* primarily with reference to commercial communications. Firstly, an organizational strategy is formed (the mission of the organization, its position in the market), then the communication strategy is chosen (the purpose of communication, the channel of communication and its relevance, the features of the target audience are clarified), and finally, communication tactics come into play.

We identify a quite different understanding of strategic communications in English-speaking literature, especially from American authors: «In the US, strategic communication is defined as: the purposeful efforts of the United States government in understanding and attracting key audiences to create, strengthen or maintain favorable conditions for improving the position of the United States government, its interests, policies and goals through the use of agreed programs, plans ...»⁴.

Strategic communications is a new field of knowledge, and as it is still undergoing its development, the available materials and improvements are logically affected by the discernibility of borders and the absence of a single universally recognized understanding of the basic concepts, primarily the very concept of strategic communications itself.

Vladimir Kvint, a Bretton-Woods committee member, the contemporary founder of strategic thinking, Russian-American scholar⁵, wrote in his book:

«The importance of true strategic thoughts and strategy itself is often neglected or ignored in the modern world. While *de facto* strategic thought has been used for hundreds and thousands of years in military and governmental capacities, the knowledge and concrete understanding of the phenomenon of strategy didn't exist... Strategy still remains surprisingly underestimated, misused, or misunderstood within certain powerful corporations, governments, and military bodies»⁶.

¹ Karl Marks «Das Kapital».

² Pitirim Sorokin «Social and Cultural Dynamics».

³ Max Weber «The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism».

⁴ Joint Publication 1-02: «Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms», Washington D. C., 12 April 2001 (as amended through 17 March 2009).

⁵ Since 2002, he heads the Economic Council of the State Committee for Sport of Russia, and from 2004 to 2008 Ministry of Sport of the Russian Federation. Since 2009, V. Kvint is the chairman of the Expert Council for Physical Culture and Sports of the Federation Council Sports Commission. Since 2017, Deputy Chairman of the Expert Council under the State Duma Committee for Physical Culture, Sport, Tourism and Youth Affairs.

⁶ Kvint, V. *Strategy for the Global Market*. NY, Routledge, 2016, P. 3.

The same goes to strategic communication as well, corporations and governments often use it without realizing the background theory and the basic rules of it, doing correct things intuitively and making mistakes that could be avoided.

If we agree with Vladimir Kvint in his definition of strategy that it is «wisdom with a defined vector to success and with an assessment of resource limitations»¹, the strategic communication's definition is very close to that.

So, we can define *strategic communication* as a complex plan of communicative measures through all available communicative channels with a defined vector, aimed in forming long-lasting positive attitudes towards a subject, among a target audience, realizing though all limitations and drawbacks of this subject, and nevertheless, directing to the advantages and opportunities that it gives for a target audience.

We need to argue about this matter in a deeper way. The key question focuses on what is strategic communication? Strategic communications appeared in the United States, more accurately at the State Department or the Department of Defense. In any case, the birthplace of this term determines its significance for the United States and for those countries to which strategic communications are directed. Thus, the users of strategic communications are always stable social institutions that have a long-term development strategy and act in accordance with it. According to this, we can also determine the object of strategic communication — the target groups **consciousness** (sometimes **sub-consciousness**) and **behavior** (the sample size of an object of strategic communication is determined by its subject.).

From the report of the White House to the Congress of the USA from March 16th, 2010, «National framework of strategic communication»:

«We refer to strategic communication:

A) synchronization of words and deeds, and how they will be perceived by selected audiences, as well as...

B) programs and activities that are consciously aimed at communication and engagement of target audiences, including those carried out through public relations, public diplomacy and information operations»².

And both in business and in politics, strategic communications can be attributed to their orientation top down. So, we are mostly dealing with descending communications. They include the implementation of the goals and strategies adopted by top-level managers, orders and instructions, formal rules and procedures, evaluation of the performance of junior staff, and the introduction of organizational culture standards. The understanding of strategic communication as «the synchronization of words and deeds and how they will be perceived by selected audiences»³, in our opinion, should be clarified and somewhat corrected.

In strategic communication, we should distinguish three different levels:

- A) massive information preparation that precedes the actual planned actions («cases»), be it cultural, sports, financial, economic or political actions. This preparatory stage of strategic information communication can be likened to a powerful artillery training, conducted just before the planned military offensive⁴.
- B) The second level of strategic communication is the current information support for ongoing actions («cases») — economic, political, sports, cultural, military ect.
- C) The third and final level of strategic communication is the stage of fixing the desired information after effect. These are the information events that are held after

¹ Ibid, p. 5.

² Joint Publication 1-02: «Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms», Washington D. C., 12 April 2001 (as amended through 17 March 2009).

³ Ibid.

⁴ We recall that strategy as a science originates from military affairs as described at the Ancient Greece and Roman Republic.

the completion of real actions in order to create the desired sustainable perception of these actions in the target audience: press releases, press conferences, etc.

We can also talk about the intensity of communication technologies and the difference in impact on the recipient. «The specificity of high-intensity technologies lies in the fact that they allow for a short period of time to implement changes in the consciousness of the recipient and focus it on immediate actions. Low-intensive technologies are designed for a longer period. Their goal is to create a favorable context for possible future actions!»¹. Strategic communication, as a rule, is low-intensive and unhurried, as it is planned in advance by stable state institutions. At the same time, the world is too unstable to argue that strategic communication cannot be high-intense when it is needed.

Returning to the three stages of strategic communication that we highlighted above, we can say that they all have a common denominator, but nevertheless, each of them has its own specific features and differences: in content, in the intensity of the corresponding information activities, in a certain change in the structure of the goals.

So, for example, the first stage is characterized by the maximum intensity of information training. The main task is to form the desired public opinion. It is well known that it is much easier to form the initial desired opinion than, by losing time, trying to change it to the opposite when it has already been shaped by other social institutions or spontaneously by social media communication.

Knowing in advance the nature of the upcoming events (actions), the relevant information preparation must begin in advance for a successful information impact on the target audience. Starting it simultaneously with the beginning of real action will be a serious mistake, fraught with defeat in the information war, which often happens in the media. Paradoxically, the successful management of something in reality does not guarantee achievement of a leading position in the virtual information sphere which is, actually more powerful in its influence and unpredictable in its effects.

Given that, at the *first stage* of preliminary information preparation firstly requires high intensity and large amounts of funding, at the *second stage* of current information support, a rapid response to the quickly changing circumstances (the current situation) is of great importance. It is necessary to constantly update the information content in accordance with changes. Lightning response and the formation of positive public opinion on the event is of utmost importance here.

The *third stage* of strategic communication is unfolding after the completion of the phase of active actions, real events of a sporting, cultural, military, economic or political nature. The main task of this stage (subject to the successful implementation of the two previous ones) is the consolidation in the target audience public consciousness of the desired points of view related to the event that took place earlier.

In case of failure on strategic communication (mistakes during the first two stages), for the third stage, a different set of goals, tasks and planned activities will be required. One of the most important differences will be the emphasis not so much on advancing one's view of events as on the replacement/transformation of public opinion formed by a strategic adversary. Without replacing the dominant system of opinion, the promotion of another, alternative system of opinion, results impossible.

Pointing out the strategic and tactic media communication in Russia, which took place during the FIFA Confederations Cup this summer 2017, a wide range of technology of strategic communications was demonstrated: preliminary information preparation of fans, city guests, information support of events, coverage of events after the Cup — all this

¹ Gavra D. «Основы теории коммуникации», St. Petersburg, 2011, p. 15.

indicates a high level not only of actual events, but also professionally advanced communications managed by the competition organizers.

The FIFA Confederations Cup, which was held in four Russian cities (St. Petersburg, Moscow, Sochi and Kazan) between June the 8th and July the 2nd, 2017, receiving positive reviews from both its direct participants (informal media), FIFA and most foreign media attending the event, who unanimously noted the high level in the tournament organization.

However, it would be reckless to mechanically transfer the moderate success on the FIFA Confederations Cup organization structures, which is considered to be the dress rehearsal of the FIFA World Cup 2018, this championship itself that will also be hosted in Russia. First of all, because the World Cup is a much bigger event. Nevertheless, we can consider it to be the first successful stage of massive information preparation that precedes the actual planned action, which is in our case FIFA World Cup 2018.

As Russian media «Kommersant» wrote at this time: «Preparations for the 2018 World Cup in terms of its perception by the public were almost similar to those that preceded the 2014 Winter Olympics in Sochi. Just like before the Games, the mass media euphoria that Russia got the right to host one of the largest sports forums on the planet was soon replaced by talk about the fact that, firstly, everything that can (and that cannot be stolen too) is stolen, Secondly, nothing will be built, and thirdly, shame for the whole world cannot be avoided. And in general, it's better to immediately sign your own insolvency and give the right to conduct the tournament to someone *worthier*»¹.

Nevertheless, the General Director of the organizing Committee on preparation and holding of the football World Cup «Russia 2018», A. Sorokin, noted that all ideas and innovations had been implemented at a very high level².

We can argue that there were not negative evaluations about the event itself. Perhaps the only drawback was that some technical deficiencies indicated a lack of passage through security at the stadiums. But they were positively assessed by the guests. In order to summarize what has been written about this in social networks, we can point out the following quotation: «if strict security measures and a thorough search of everyone present at a football match is the price for our security, we are ready to pay the price»³. This became especially more important after a terrorist attack occurred in St. Petersburg metro in April 2017. In this sense, domestic and foreign media do not contradict each other and showed rare unanimity about the Confederation Cup organization.

However, not every issue was of such easy media treatment and arose some conflict in public communication. This is the case of the Zenit-arena stadium construction in St Petersburg. The conflict broke out because of the cost of the stadium, which amounted to more than 50 billion rubles (which is 706 million euro or 1,1 billion dollars). The Zenit-arena itself and the Vice-Governor charged with the stadium construction became the object of constant criticism in the media, not only at domestic level but also echoing international media⁴.

Informal communication in social media saved the day: Zenit-arena began to receive praising reviews, the public opinion was formed due to uncontrolled social communication, and the Vice-Governor Igor Albin on his page on Facebook reposted numerous

¹ «Коммерсант» 12.07.2017.

² «Ведомости» 05.07.2017.

³ Conclusion based on our quantitative content-analysis of mass and social media during the Confederation Cup.

⁴ *El País*, 20/06/2016. Mostovoi, former Russian international player who belong to several Spanish League football team was openly talking about this in this interview published by *El País*.

positive feedbacks from football fans and guests of the Cup, proving to his opponents the error of their judgment by the live examples. Thus, the scales were outweighed in favor of the authorities and the rave reviews turned out to be the majority¹. Anyway, we acknowledge that these opinions belong only to those who decided to share them in that Facebook profile.

Being absolutely unpredictable and uncontrollable, in the case of «Zenit Arena», social media helped the Vice-Governor of the main city hosting the Confederations Cup to win in a prolonged crisis communication and to solve a long dispute about the appropriateness of the investment².

In the same breath it should be noted, however, that communication in social networks is very risky. Though they just bark but not bite, social networks spontaneously and uncontrollably form alternative public opinion faster than official media. Therefore, the strategic communications rely on them, they save when no other methods were able to help.

There was an official strategic and current communications plan to be applied by the authorities, but the reality was also corresponding to the worshipping revues. Even the social international media did not contradict the official opinion in the sense of a negative view.

The true stories, which become anecdotes of the Confederations Cup, were widely spread in mass and social media. Such stories as that one about the fan of the Mexican national team Vicente Ochoa, who came to the Confederations Cup to support his national team, and spoke about his swift attitude change about Russia after the tournament. His words on Tuesday, July 2, leads «Championships.com»: «Friends were convinced that in Russia it is dangerous, cold. Moreover, it's gloomy people will never understand my fun. Even so, it will also be extreme, but a good adventure, I decided»³ — Ochoa recalled. He had heard a lot of negative stories about Russia and Russians, but changed his mind after arriving at the Confederations Cup: «I was amazed. They helped us, sang and danced with us, we both ached and drank, and now I send messages to doubting friends with one text: "You must be in Russia at the 2018 World Cup". I want to say that I fell in love with Russia and will definitely return here in a year»⁴.

The story about Arturo Garcia from Monterrey also became world famous, who was so keen to support the Mexican national team that he made an incredible decision. He told his wife that he would go to the store for cigarettes, and he went to the airport and flew to Russia to see the team's performance in the Confederations Cup live: «I told my wife that I would go to the supermarket for cigarettes, but I did not tell her which one»⁵, explained the football fan.

All these stories, though they were not strategically planned, definitely contributed to official strategic goals, to improve the image of Russia through informal channels. This is the case when life reality was worth the reality produced by media.

We can conclude that the image of Russia was not negatively affected by the organization of the Confederation Cup, though its positive impact in the international image of Russia was limited and reduced to anecdotic situations. This is what invites us to think about lessons learned on the eve of the 2018 World Cup and the need to initiate new research and evaluation on the matter.

When sport mega-events are organized, a large area of issues exists where the State can drill down by implementing policies of a deeper political character. Here

¹ <https://www.facebook.com/AlbinIgor>.

² Ibid.

³ <https://lenta.ru/news/2017/07/02/mexicankk> (04.01.2018).

⁴ Ibid.

⁵ <https://rg.ru/2017/06/29/meksikanec-vyshel-v-magazin-i-uletel-na-kubok-konfederacij-v-rossiiu.html> (04.01.2018).

we pointed out the importance of preserving a good international image and how to make it happen in the future and in many different activities. Traditionally this has been perceived as a political risk, but we argue that if we turn it upside down we meet a very important opportunity to improve the image of a country and its rulers. We must place the country in a SWOT¹ analysis in which threats may be transmuted to opportunities.

A sport mega-event of the scope of a football World Cup becomes an important component for global and local governance. Thus, intergovernmental networks involving global scope private actors (FIFA in this case, but also other actors such as the World Antidoping articulate Agencies WADA) with almost all levels of government in a country engaged in a common task to coordinate the organization of security, transport, logistics or development of a competition. And it engages the work of a large number of governmental actors at very different sectorial or territorial levels as well as many different civil servants and public workers.

Governance of the mega-event may result in the possibility of influencing the networks of political actors operating in a country or in a city projecting the image of this effort abroad at the international sphere. In consequence, the organizing committees end up acting as free spaces for political governance and government decision-making, influencing the foreign image of the whole country. Besides they can expand the positive effects far beyond the original purpose of the planned event. This is what makes it incredibly efficient use all these actions, a full plan of policy evaluation.

As some other global mega-events, the football World Cup may have a decisive impact on the image of the hosting country, yet its organization offers governments a *window of opportunity* to show to the world the brand of country or city. We can find several examples in the recent history of sport mega-events. In such a way, the refunded Spanish democratic system was introduced to the world in Barcelona in 1992, the emerging economic Chinese power was shown in 2008 Beijing Olympics and Brazil has tried to submit its candidature to lead Latin America with Rio 2016. In Russian's case, the World Cup offers a great opportunity to display the image that the government wants to project to the world. Given the characteristics of the event, the world mass media will be focusing on Russia for over a month, making it possible to promote many different aspects in the long term during this prime-time attention.

Finally, this opportunity can't be reduced to the sheer period of the event, but it may linger bringing very interesting profits to Russia. On one hand, these events are also pushing a very important wave that affects tourism and the touristic image of the country. It would be meaningless implementing touristic structures designed just to attend the need of the organizing towns during the few days of the event. On the contrary, all the work carried out in this area should help to improve the reception of tourists in the future and should aid to increase the level of income from tourism received by the organizing country.

On the other hand, it can become a public policy engine-propeller to promote a transformation beyond its temporal ending. This is especially significant in the urban areas close to the sport infrastructures where the main competitions were held and in the new accommodation services and touristic offer given by the organizing cities.

This is what we know as a mega-event legacy and it may be a sheer push for the development possibilities of a town. This may imply as well changes in border and visa controls policies, and it may produce some changes in police services performance. No doubt that all these issues would also be worthy to be studied in some complementary research.

¹ Humphrey A. «SWOT Analysis for Management Consulting». SRI Alumni Newsletter. SRI International, December 2005.

About the authors:

Julia Bayer, PhD in Sociology, associate Professor of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), juliabayer@yandex.ru

Francisco-Javier Ruiz-Martinez, Honours Professor (PhD) of Politics and Public Administration. Faculty of Law, University of Alicante (Spain)

Об авторах:

Байер Юлия Паулевна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук, juliabayer@yandex.ru

Франциско-Хавьер Руиз-Мартинес, Почетный профессор политологии и общественного управления. Факультет юриспруденции, Университет г. Аликанте, Испания

Экология человека: сбережение нации как стратегия успешного развития

Колесников В. Н.^{1*}, Шандыбина Н. Д.², Эриум С. С.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *kvgl@inbox.ru

²Институт экспериментальной медицины, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Предметом статьи выступают вопросы анализа с позиции экологии человека проблемы эффективности управления сферой здравоохранения на предметном уровне.

На примере характеристики конкретного опыта отечественных специалистов затрагиваются важные аспекты реализации государственной стратегии развития здравоохранения, включая и предложения по импортозамещению в сфере производства современной медицинской техники в нашей стране. В статье использованы описательно-оценочный и сравнительный методы исследования для анализа текущей ситуации в сфере менеджмента диагностической медицины.

Ключевые слова: экология человека, сбережение народа, восстановительная медицина, программа импортозамещения, нелучевая диагностика, эффективность управления

Human Ecology: Saving the Nation as a Strategy for Successful Development

Kolesnikov V. N.^{a*}, Shandybina N. D.^b, Erium S. S.^b

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation, *kvgl@inbox.ru

^bInstitute of Experimental Medicine, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article describes an issue of an affordable and comfortable spinal column diagnostics as well as the treatment of a wide spectrum of spine and posture distortions of the Russian population from the standpoint of human ecology. Important aspects of the implementation of the state health development strategy are discussed from the perspective of Russian specialists in the field of modern diagnostic medical equipment that include proposals for import substitution in Russia. The article uses descriptive-evaluative and comparative research methods to analyse the current situation in the field of evidence-based diagnostic medicine.

Keywords: human ecology, national medicine, rehabilitation medicine, import substitution program, non-invasive diagnostics, management effectiveness

В последнее время на всех уровнях социальной структуры общества повсеместно отмечается рост внимания к изучению экологии человека. Прежде всего, это связано с задачами охраны здоровья населения страны и поисками эффективных механизмов управления социальной политикой государства в целом¹.

Экология человека выступает в качестве интегральной науки, изучающей взаимоотношения человека с окружающей природой и, прежде всего «очеловеченной средой». Наряду с общими проблемами народонаселения, здравоохранения, в ней рассматриваются проблемы совершенствования физических и психических возможностей чело-

¹ Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

века. Экология человека представляется как комплексное междисциплинарное научное направление, изучающее динамику и характер взаимоотношений общества с природой и техногенной средой, возможности управлять здоровьем человеческой популяции, ее совершенствованием и развитием [4; 5]. В немалой степени это важнейшая социальная проблема зависит от состояния менеджмента социальной политики современного государства. «Вся политика, вся наша работа — в экономике, в социальной сфере, — подчеркивает в этой связи Президент РФ В. Путин, — должна быть нацелена на сбережение нации, на решение задач демографического развития»¹.

Разумеется, проблемы коррекции здоровья человека связаны в первую очередь с улучшением качества жизни. Вместе с тем на современном уровне развития медицинских технологий существуют возможности более эффективного использования актуальных наработок восстановительной медицины, в том числе и опыта отечественных специалистов. Любой конкретный опыт успешной работы на благо укрепления здоровья наших соотечественников позволяет расширить пространство экологии человека, работает на обеспечение более высокого качества его жизни.

Сложившаяся ситуация в отечественной клинической диагностике позволяет говорить не только о практических достижениях и перспективах развития в сфере восстановительной медицины, но и о необходимости расширения современных, экономически целесообразных и более эффективных управленческих подходов к реализации стратегической государственной задачи — обеспечения сбережения здоровья нации.

Здоровье граждан является неотъемлемым фактором трудового потенциала общества и представляет собой основной элемент национального богатства страны. Ценность здоровья как важнейшего ресурса, необходимого для производства материальных, интеллектуальных и культурных благ, определяется современными тенденциями снижения воспроизводства населения, процессом его старения и, таким образом, уменьшением численности населения.

Возникающие в этой связи проблемы требуют в своих решениях программного подхода и значительных инвестиций. Среди крупномасштабных проектов последних лет мы отмечаем приоритетный национальный проект «Здоровье», являющийся одним из четырех национальных проектов по росту человеческого капитала. Проект стартовал 1 января 2006 г.

В 2007–2012 гг. была реализована федеральная целевая программа «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями», целями которой являлись снижение заболеваемости, инвалидизации и смертности населения при социально значимых заболеваниях, увеличение продолжительности и улучшение качества жизни больных, страдающих сахарным диабетом, туберкулезом, онкологическими и другими, в том числе инфекционными заболеваниями.

И, наконец, программа модернизации здравоохранения, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 04.09.2014 № 1727-р «Об утверждении плана реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов», представляющая собой комплекс социально-экономических, организационных и других мероприятий, направленных на достижение российским здравоохранением уровня, соответствующего мировым стандартам.

В настоящее время в рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, основные приоритеты

¹ Путин В. В. Выступление на XVII съезде «Единой России» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/12/23/putin-vsia-nasha-rabota-dolzha-byt-nacelena-na-sberezhenie-nacii.html> (дата обращения: 17.10.2017).

социальной и экономической политики включают формирование культуры здорового образа жизни, внедрение инновационных технологий в здравоохранение и образование, решение проблемы их кадрового обеспечения. Все они легли в основу государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие здравоохранения“».

Но любая, даже самая совершенная программа реализации государственной политики в сфере медицинского обслуживания населения, равно как в социальной сфере в целом, должна покоиться на реальном практическом опыте. Тысячу раз прав известный российский культуролог и философ М. Бахтин, оставивший нам в назидание свою знаменитую максиму: всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте [1, с. 108–109]. В этом отношении представляется важным опыт разработки и использования современных и высокоэффективных методов восстановительной медицины.

В историческом центре города Санкт-Петербурга, в отделе экологической физиологии Института экспериментальной медицины время не остановилось со времен открытий академика Павлова.

Соответствуя зову времени, сотрудники этого института успешно применяют методику нелучевой диагностики позвоночника и осанки, снимая дозу рентгеновского облучения со взрослого и детского населения города. Клинический опыт использования высокоэффективной импортной аппаратуры, накопленный в Институте экспериментальной медицины РАН (Санкт-Петербург) лабораторией Оптической топографии, постурологии и клинической биомеханики под руководством профессора Б. Я. Величко, ценен во многих отношениях. Особенно важно, что в процессе многолетней клинической практики этим коллективом отечественных специалистов разработана и успешно применяется авторская методика реабилитации больных с грыжами пояснично-крестцового отдела. Эти разработки получили признание, в том числе и среди зарубежных специалистов. Не менее важно в данном случае отметить, что метод оптической топографии позволяет оценивать результаты реабилитационных мероприятий у детей без дополнительного рентгеновского облучения [6].

Но особый интерес в рамках реализуемой в настоящее время государственной стратегии импортозамещения представляет появившаяся возможность выпуска немецких, апробированных диагностических приборов DIERS Formetric на территории России. Это позволяет открыть новую главу в рамках международного сотрудничества на базе доступной, качественной оценки состояния опорно-двигательной системы у больных различных возрастных категорий.

Реализация этих возможностей связана, с одной стороны, с использованием уже накопленного опыта использования самых современных технологий, в частности в сфере восстановительной медицины, а с другой — с необходимостью принятия адекватных управленческих решений.

Методика DIERS Formetric 4D разработана, научно обоснована и клинически доказана в Германии и активно применяется в медицине на протяжении 30 лет. В результате совместного российско-германского взаимодействия с активным участием отечественных специалистов в области восстановительной медицины было принято соглашение на выпуск приборов DIERS в России, договор был подписан между компанией DIERS Medical и институтом экспериментальной медицины. Характер сотрудничества с Германией находится на этапе, позволяющем предметно участвовать в реализации столь значимой сегодня для нашей страны стратегии импортозамещения в интересах нашей страны¹.

¹ Государственная программа № 328 «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» от 15.04.2014.

Достигнутый на сегодня уровень российско-германского взаимодействия в восстановительной медицине требует, на наш взгляд, новых управленческих решений. Действительно, по установленному на сегодня общему правилу при осуществлении государственных и муниципальных закупок, к товарам из-за рубежа применяется национальный режим на равных условиях с товарами российского происхождения в случаях и на условиях, которые предусмотрены международными договорами Российской Федерации¹.

Однако в сфере здравоохранения это имеет практический смысл только в том случае, когда отечественные изделия обладают качественными свойствами не ниже импортных образцов соответствующей номенклатуры. Постановление правительства РФ № 102 «Об ограничениях и условиях допуска отдельных видов медицинских изделий, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд»² в качестве одной из основных своих задач предполагает внести регулирующее начало в этот достаточно сложный процесс [7]. Вместе с тем медицинское профессиональное сообщество справедливо указывает на то, что поспешные и не всегда обдуманые ограничительные меры по закупке и внедрению в отечественную лечебную практику высокоэффективных медицинских импортных приборов, не имеющих пока аналогов в российской медицинской промышленности, лишают больных возможности получать эффективную помощь. Так, например, по мнению главного внештатного кардиолога Минздрава России Ирины Чазовой, отечественные медицинские изделия не обладают убедительной доказательной базой по эффективности и безопасности применения, собранной в результате многолетних клинических исследований³.

Решением проблемы, по мнению экспертов медицинского сообщества, могла бы стать локализация в России производства высокотехнологичных, признанных во всем мире медицинских изделий. Но пока таких примеров в нашей стране немного. Существующая в РФ программа профилактики детского сколиоза (разработанная Минздравом и Министерством образования) требует оптимизации как самого процесса, так и методики диагностики. С этих позиций, на наш взгляд, нам есть чему поучиться на опыте европейской системы здравоохранения, где постулируется, что любое необоснованное РЛИ приравнивается к нанесению вреда организму.

При этом важно принять во внимание более широкие диагностические возможности при использовании платформы DIERS Formetric 4D. Она позволяет высчитывать средний угол сколиоза по всему позвоночнику, перекос таза, позвоночные блокады и многие другие структурные параметры, не оказывая при этом лучевого воздействия на пациента.

На данный момент в НИЛ Оптической топографии, постурологии и клинической биомеханики ведутся исследования больных с болезнью Паркинсона, готовится программа коррекции для больных с повышенным уровнем тревожности, диагностируются дети-инвалиды из центра Альбрехта.

¹ Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Ч. 1. Ст. 14.

² Постановление Правительства РФ от 5 февраля 2015 г. № 102 «Об ограничениях и условиях допуска отдельных видов медицинских изделий, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70861952/ixzz52Aty7dQ8> (дата обращения: 01.11.2017).

³ Импортозамещению высококачественных медизделий поможет локализация [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-rossii/importozamescheniju-vysokokachestvennyh-medizdelij-pomozhet-lokalizatsija.html> (дата обращения: 05.11.2017).

Используя опыт и технические возможности наших западных коллег, заменивших лучевые методы диагностики нелучевыми, отечественные специалисты в настоящее время существенно расширяют применение нелучевых методов диагностики. Так, за 2017 г. в России нелучевыми методами по всем клиникам, имеющим приборы DIERS, было проведено 5260 исследований: большей частью исследовалось детское население, инвалиды и неврологические больные¹. Вместе с тем это пока явно недостаточно в масштабах существующей проблемы диагностики такого рода заболеваний. Важно подчеркнуть при этом уже имеющиеся реальные возможности расширения зон применения современных диагностических технологий. Для использования комплекса диагностических приборов типа платформы DIERS не требуется прохождения курсов профессиональной квалификации, любой человек, с начальным медицинским образованием имеет возможность провести обследование, в среднем один снимок занимает 30 с, и выдать результат.

В отечественных условиях важно отметить еще одну особенность использования данных методик. Преимуществом разработанной платформы является принцип открытости и свободы в получении консультации. DIERS, применяющееся во множестве специализированных центров в Америке (Центр лечения сколиоза, Чикаго) и Европе, опирается на широкую сетевую коммуникацию, в рамках которой в свободном доступе любой специалист может получить консультацию у зарубежных врачей по вопросам диагностики детей. В России были проведены исследования и накоплен некоторый опыт по таким направлениям, как узко-специализированные виды спорта (футбол, фигурное катание, балет, спортивная гимнастика, дзюдо, самбо [2]), стоматология и ортодонтия, йоготерапия, тейпирование, мануальная терапия, восстановительная медицина [3, с. 83–86].

Таким образом, использование методов нелучевой диагностики позволяет грамотно, экономно и эффективно решить вопрос объективной оценки качества лечения опорно-двигательного аппарата до, после и во время лечения. Данная тема затрагивает широкий спектр населения, от людей, руководящих центрами реабилитации больных, до детей инвалидов, требующих постоянного наблюдения. В настоящее время сложилась уникальная ситуация, когда есть возможность не просто использовать дорогостоящую зарубежную технику и индивидуальную технологию реабилитации, но продвигаться существенно дальше. Во взаимодействии с зарубежными партнерами при опоре на собственные технологические разработки и многолетний отечественный клинический опыт, в том числе и лаборатории НИЛ оптической топографии, появляется реальная перспектива открыть производство высокоэффективной медаппаратуры в российских условиях. Это тем более ценно, что к настоящему моменту программа импортозамещения в российском медпроме не привела к существенному росту доли применяемой в здравоохранении отечественной продукции. По разным оценкам, она составляет от 2 до 10%².

Сложившаяся ситуация в клинической диагностике позволяет говорить не только о практических достижениях и перспективах развития в сфере восстановительной медицины, но и о необходимости расширения современных, экономически целесообразных и более эффективных управленческих подходов к реализации стратегической государственной задачи — обеспечения сбережения здоровья нации.

¹ Нейробиологические основы формирования дисфункций мозга и пути их коррекции. Отдел экологической физиологии института экспериментальной медицины, НИР № 0557-2016-0002 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://iemspb.ru/health/clinic/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0/> (дата обращения: 30.11.2017).

² Почему российские импланты и протезы мало используются в клинической практике [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pharmvestnik.ru/archive/1/855939.html> (дата обращения: 07.10.2017).

Вышеописанный опыт НИЛ оптической топографии позволяет существенно повысить эффективность реабилитации больных сколиозом, плоскостопием и сократить процент инвалидизации в условиях более высокого уровня комфортности лечения.

Прогресс современных медицинских технологий, качество менеджмента в сфере здравоохранения, эффективность реализации государственной стратегии охраны здоровья населения страны должен соответствовать надеждам больных и отвечать требованиям времени. На примере внедрения системы DIERS в практику российской науки и медицины можно заключить, что данная система отвечает всем вышеперечисленным требованиям и реализует современный запрос общества. Что касается управленческих аспектов совершенствования условий оказания высокоэффективной медицинской помощи, то, на наш взгляд, реальные возможности прогресса в настоящее время связаны во многом с наиболее перспективным направлением совершенствования государственной политики здравоохранения в стране — с развитием государственно-частного партнерства. Однако развитие государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения сдерживает ряд факторов.

Во-первых, неразвита законодательная база. Данная проблема касается не только медицины, но и всех сфер ГЧП в целом. Только с 1 января 2016 г. вступил в силу закон о государственно-частном партнерстве, направленный на регулирование данной сферы и защиту прав публичных и частных партнеров.

До введения данного закона взаимодействие между бизнесом и государством регулировало правительство регионов, что значительно замедляло процесс.

Другой проблемой является недостаточная мотивация потенциальных инвесторов. Бизнесмены опасаются высоких рисков, а с окупаемостью больших проектов могут возникнуть проблемы. Инвесторам необходимы гарантии, что требует проработки соответствующих нормативных оснований. Тесным образом с проблемой повышения эффективности управления медицинской отраслью связана кадровая проблема. Для управления взаимоотношениями между инвестором и государственной организацией необходимы профессионалы своего дела — менеджеры, а в медицинских учреждениях управляющими зачастую являются врачи без экономического образования, для которых управление бизнес-процессами становится серьезной проблемой.

Тем не менее, несмотря на эти обстоятельства сдерживающего характера, именно с развитием государственно-частного партнерства в сфере медицинского обслуживания населения имеются реальные перспективы повышения качества оказания медицинских услуг.

Литература

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1980. С. 108–109.
2. Гулевич Н. П., Ясюкевич А. С., Муха П. Г. Оценка постуральных нарушений в отдельных видах спорта с помощью системы оптического анализа позвоночника и осанки «Diers Formetric» // Прикладная спортивная наука. 2016. № 2 (4). С. 93–97.
3. Неборский С. А. Современные средства восстановления и повышения физической и психоэмоциональной подготовленности спортсменов // Вестник спортивной науки. 2013. № 5. С. 83–86
4. Нифонтова О. Л., Литовченко О. Г., Гудков А. Б. Показатели центральной и периферической гемодинамики детей коренной народности Севера // Экология человека. 2010. № 1. С. 28–32.
5. Потолицына Н. Н., Бойко Е. Р., Орр П. Показатели липидного обмена и их взаимосвязь с обеспеченностью организма витамином D у жителей Севера // Физиология человека. 2011. Т. 37. № 2. С. 66–70.

6. Цуканов А. Н., Чарнаштан Д. В., Валетко А. А., Гракович Р. И., Бронская К. В., Чечетин Д. А. Диагностика статических деформаций позвоночника методом топографической фотометрии в динамике до и после реабилитационных мероприятий у детей школьного возраста // Проблемы здоровья и экологии. 2016. № 3 (49). С. 44–47.
7. Nash C. L., Gregg E. C., Brown R. H., Pillai K. Risks of exposure to X-rays in patients undergoing long-term treatment for scoliosis. J Bone Joint Surg Am. 1979. 61(3). P. 371–374.

Об авторах:

Колесников Владимир Николаевич, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор, kvgl@inbox.ru

Шандыбина Наталия Дмитриевна, аспирант отдела экологической физиологии Института экспериментальной медицины (Санкт-Петербург, Российская Федерация), ellipsss@gmail.com

Эриум Светлана Сергеевна, заместитель руководителя научно-исследовательской лаборатории оптической топографии, постурологии и клинической биомеханики Института экспериментальной медицины (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

References

1. Bakhtin M. M. To act philosophy // Philosophy and sociology of science and technology [Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki]. M., 1980. P. 108–109. (In rus)
2. Gulevich N. P., Yasyukevich A. S., Mukha P. G. Assessment of the postural violations in separate sports by means of the system of the optical analysis of a backbone and a bearing “Diers Formetric” // Applied sports science [Prikladnaya sportivnaya nauka]. 2016. N 2(4). P. 93–97. (In rus)
3. Neborsky S. A. Modern means of restoration and increase in physical and psychoemotional fitness of athletes // Messenger of sports science [Vestnik sportivnoi nauki]. 2013. N 5. P. 83–86. (In rus)
4. Nifontova O. L., Litovchenko O. G., Gudkov A. B. Indicators of the central and peripheral haemo dynamics of children of indigenous people of the North // Ecology of the person [Ekologiya cheloveka]. 2010. N 1. P. 28–32. (In rus)
5. Potolitsyna N. N., Boyko E. R., Orr P. Indicators of lipidic exchange and their interrelation with security of an organism with vitamin D at inhabitants of the North // Human physiology [Fiziologiya cheloveka]. 2011. V. 37. N 2. P. 66–70. (In rus)
6. Tsukanov A. N., Charnashtan D. V., Valetko A. A., Grakovich R. I., Bronskaya K. V., Chechetin D. A. Diagnostics of static deformations of a backbone by method of topographical photometry in dynamics before and after rehabilitation actions at children of school age // Problem of health and ecology [Problemy zdorov'ya i ekologii]. 2016. N 3 (49). P. 44–47. (In rus)
7. Nash C. L., Gregg E. C., Brown R. H., Pillai K. Risks of exposure to X-rays in patients undergoing long-term treatment for scoliosis. J Bone Joint Surg Am. 1979. 61(3). P. 371–374.

About the author:

Vladimir N. Kolesnikov, of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political science), Professor; kvgl@inbox.ru

Natalia D. Shandybina, graduate student of department of ecological physiology of Institute of Experimental Medicine (St. Petersburg, Russian Federation)

Svetlana S. Erium, deputy head of Research laboratory of optical topography, post-urology and clinical biomechanics of Institute of Experimental Medicine (St. Petersburg, Russian Federation); ellipsss@gmail.com

Проблемные вопросы и перспективы внедрения технологии декларирования процедуры таможенного транзита в электронной форме как инструмента повышения качества таможенных услуг

Абрамов А. С.

Таможенный пост МАПП «Брусничное», Выборгская таможня (г. Выборг, Российская Федерация), abramovalr@mail.ru

РЕФЕРАТ

Одним из показателей эффективности работы таможенных органов является скорость совершения таможенных операций, рассматриваемая в качестве определяющего показателя качества таможенных услуг. Руководство Федеральной таможенной службы уделяет данному вопросу большое внимание, что выражается в установлении соответствующих показателей результативности деятельности таможенных органов, как при пересечении таможенной границы Евразийского экономического союза, так и при помещении товаров под заявленную таможенную процедуру. Одним из перспективных инструментов повышения качества таможенных услуг является декларирование процедуры таможенного транзита в электронной форме. В связи с относительной новизной данной технологии, а также отсутствием требований по обязательному представлению электронной транзитной декларации, руководством Федеральной таможенной службы установлен показатель эффективности деятельности, выражающийся в подаче электронных транзитных деклараций в объеме 10, 15 и 20% от общего массива транзитных деклараций во II, III и IV кварталах 2017 г. соответственно. Внедрение технологии электронного транзита на современном этапе связано с наличием ряда проблемных вопросов, обусловленных фактическим наложением на участников внешнеэкономической деятельности дополнительных обременений в виде необходимости получения электронной цифровой подписи, формирования формализованного вида товаросопроводительных документов, либо заключения договоров с таможенным представителем для совершения вышеуказанных операций. Однако в ближайшей перспективе вышеуказанные затраты могут быть нивелированы снижением обременения ряда перевозчиков, связанных с предоставлением обеспечения соблюдения процедуры таможенного транзита, а также значительным снижением временных затрат, связанных с совершением таможенных операций в случае включения электронной формы транзитной декларации в механизм таможенного контроля товаров на принципах сквозного процесса таможенного контроля.

Ключевые слова: таможенная услуга, качество таможенных услуг, предварительное информирование, электронная транзитная декларация, сквозной процесс таможенного контроля

Problem Issues and Prospects of Implementation of Technologies Declaration of Customs Transit Procedure in Electronic Form as a Tool to Improve the Quality of Customs Services

Abramov A. S.

Customs post Multilateral Automobile Checkpoint Brusnichnoe, Vyborg customs (Vyborg, Russian Federation)

ABSTRACT

One of the performance indicators of customs authorities is the speed of customs operations, which is considered as the defining indicator of the quality of customs services. The leadership of the

Federal Customs Service pays much attention to this issue, which is expressed in the establishment of relevant indicators of the effectiveness of the activities of customs authorities, both at the crossing of the customs border of the Eurasian Economic Union, and when placing goods under the declared customs procedure. One of the promising tools for improving the quality of customs services is the declaration of the procedure for customs transit in electronic form. In connection with the relative novelty of this technology, as well as the lack of requirements for the mandatory submission of an electronic transit declaration, the management of the Federal Customs Service established an index of the efficiency of activities, expressed in the filing of electronic transit declarations in the amount of 10, 15 and 20% of the total array of transit declarations in 2, 3 and 4 quarters of 2017. The introduction of electronic transit technology at the current stage is connected with the presence of a number of problematic issues related to the actual imposition of additional encumbrances on participants in foreign economic activity in the form of the need to obtain an electronic digital signature, the formation of a formalized type of shipping documents, or the conclusion of contracts with a customs representative for the performance of the above operations. However, in the short term, the aforementioned costs can be offset by a reduction in the burden on a number of carriers associated with providing compliance with the customs transit procedure, as well as a significant reduction in the time costs associated with customs operations if the electronic form of the transit declaration is included in the customs control mechanism of goods on the principles of a through process of customs control.

Keywords: the speed of customs operations, customs service, the quality of customs services, preliminary information, electronic transit Declaration, performance indicator activities, through the process of customs control

В настоящее время руководством Федеральной таможенной службы Российской Федерации уделяется особое внимание вопросам снижения затрат участников внешнеэкономической деятельности, связанных с совершением таможенных операций, оказывающих прямое влияние на повышение качества предоставления таможенных услуг. При этом заметим, что единый теоретико-методологический подход к определению понятий «таможенная услуга» и «качество таможенных услуг» в настоящее время отсутствует. Однако, в значительном количестве источников, посвященных современному реалиям развития таможенной службы [например, 1–3 и др.], довольно часто встречается определение таможенной услуги, как общественно-экономического блага в форме таможенной деятельности: таможенного регулирования и таможенного контроля. То есть, по сути, это услуга, которая связана с защитой экономической безопасности государства, с обеспечением интересов национальной экономики, участников внешнеэкономической деятельности, а также развитием внешнеэкономических связей страны.

Одним из инструментов повышения качества таможенных услуг является перспективная информационная технология развития пограничных таможенных органов, заключающаяся в декларировании процедуры таможенного транзита в электронной форме. Внедрению данной технологии со стороны руководства Федеральной таможенной службы в настоящее время уделяется первостепенное внимание. Прямое влияние внедрения технологии декларирования таможенной процедуры таможенного транзита в электронной форме на скорость совершения таможенных операций способствует определению задачи расширения практики декларирования процедуры таможенного транзита в электронной форме в качестве основной задачи непосредственно в пограничных таможенных органах.

Рассматривая динамику применения технологии декларирования процедуры таможенного транзита в электронной форме на примере Выборгской таможни, необходимо отметить, что в отношении данной формы декларирования таможенной процедуры таможенного транзита Северо-Западным таможенным управлением в 2017 г. утвержден соответствующий показатель эффективности деятельности таможенных органов. В связи с тем, что активное внедрение данной технологии на-

чато лишь 18.02.2015¹, а все посты включены в пилотную зону реализации технологии с 18.05.2016², значения соответствующего показателя эффективности деятельности таможенных органов установлены лишь со II квартала 2017 г. и составили не менее 10% в указанном периоде, а также не менее 15% и 20% в III и IV кварталах 2017 г., соответственно.

При установлении Выборгской таможне указанных значений учтен фактор преобладающего декларирования процедуры таможенного транзита в отношении товаров, перемещаемых автомобильным транспортом. При этом значительный сегмент перевозок осуществляется транспортными компаниями, обладающими незначительным автопарком. Динамика достигнутых Выборгской таможней в целом и таможенным постом МАПП Брусничное Выборгской таможни значений применения технологии приведена на рис. 1.

Отраженные сведения свидетельствуют о наличии положительной динамики роста удельной доли транзитных деклараций, поданных в электронном виде в общем массиве транзитных деклараций. В течение 2017 г. в результате реализуемого комплекса мероприятий на таможенном посту МАПП Брусничное доля транзитных деклараций, поданных и выпущенных в электронной форме, выросла с 8,06% в I квартале до 31,69% по итогам III квартала. Фактическое значение данного показателя эффективности деятельности, достигнутое в целом по Выборгской таможне, составило 18,93% в 3 квартале 2017 г.

Основным инструментом продвижения технологии декларирования процедуры транзита в электронной форме в настоящее время является информирование всех заинтересованных лиц. Так, руководством таможенных постов изготовлены информационные буклеты, которые вручаются представителям транспортных компаний при пересечении таможенной границы. В целях увеличения доли электронной формы транзитных деклараций (далее — ЭТД) проводятся рабочие встречи и совещания с заинтересованными участниками ВЭД: отправителями, получателями, перевозчиками. Часть данных встреч проводится с привлечением представителей регионального руководства АСМАП. На постоянной основе ведется целенаправленная разъяснительная работа с перевозчиками, получателями и иными заинтересованными лицами, включающая направление информационных писем в адрес транспортных компаний, имеющих наибольшие объемы перемещения товаров, в силу каких-либо причин не использующих технологию помещения товаров под процедуру таможенного транзита в электронной форме.

Значительным вкладом в популяризацию применения ЭТД послужило создание преференциальных условий отдельным участникам ВЭД, помещающим товары под процедуру таможенного транзита с подачей ЭТД в адрес таможенных органов назначения, расположенных в регионе деятельности Выборгской таможни, заключающихся в освобождении от необходимости предоставления обеспечения соблюдения таможенного транзита на основании ч. 4 ст. 137 Федерального закона от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации». Необходимо отметить, что помимо двух вышеперечисленных условий основанием для помещения товаров под процедуру таможенного транзита без предоставления соответствующего обеспечения, дополнительно являются факт подачи предварительной декларации на товары в таможенном органе назначения, а также отнесение участника ВЭД к категории, как минимум среднего уровня риска и ниже. В III квартале доля таких

¹ Распоряжение ФТС России от 18.02.2015 № 62-р «О проведении эксперимента по совершению таможенных операций при таможенном декларировании товаров, помещаемых под таможенную процедуру таможенного транзита, в электронной форме».

² Распоряжение ФТС России от 18.05.2016 № 136-р «Изменения в распоряжение о проведении эксперимента по декларированию товаров, помещаемых под процедуру транзита в электронной форме».

Рис. 1. Динамика декларирования процедуры транзита в электронной форме
Fig. 1 Dynamics of electronic declaring of the procedure of transit

ЭТД составила 12,06%, (из 6254 ЭТД, оформленных в целом по таможне, по заключениям выпущено 754 ЭТД).

Однако с учетом добровольного характера применения электронной формы декларирования процедуры таможенного транзита к проблемным вопросам принятия действенных мер, направленных на расширение практики применения указанной технологии, можно отметить ограниченный набор инструментов, использование которых позволяет привлечь к участию в эксперименте лиц, обладающих полномочиями в отношении перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС товаров.

Переходя к проблемным вопросам внедрения технологии электронного транзита, необходимо отметить, что в настоящее время переход транспортных компаний к декларированию таможенной процедуры таможенного транзита в электронной форме накладывает на данные организации определенный перечень дополнительных обязательств, связанных с необходимостью получения электронной подписи, формирования совместно с предварительной информацией дополнительного документа — электронной транзитной декларации. В ходе рабочих встреч перевозчиками отмечается наличие проблем с подачей транзитной декларации в электронной форме с использованием официального сайта ФТС России, связанных с имеющимися место недоработками технологии, отсутствием возможности формирования ЭТД на основе сведений, указанных в предварительной декларации на товары, значительных временных затратах, связанных с формированием ЭТД. Использование альтернативных программных продуктов для формирования ЭТД сопряжено со значительными денежными вложениями, обусловленными необходимостью приобретения и сопровождения данных продуктов.

В связи с вышеизложенным перевозчику более выгодно использовать в качестве транзитной декларации предварительную информацию и комплект уже имеющихся у него транспортных (перевозочных), коммерческих или иных документов, чем ЭТД.

Еще одним проблемным вопросом являются сложности с привлечением к технологии декларирования процедуры транзита в электронной форме иностранных перевозчиков, которые не имеют возможности получить в России электронную подпись. Использование данными компаниями института таможенных представителей в целях декларирования процедуры таможенного транзита в электронной форме ведет к дополнительным расходам, зачастую сопоставимым с расходами на подачу декларации на товары, что также отрицательно влияет на увеличение доли транзитных деклараций, поданных в электронном виде.

Перечень проблемных вопросов расширения практики применения ЭТД при помещении товаров под процедуру таможенного транзита приведен на рис. 2.

Кроме того, причинами, снижающими заинтересованность лиц в применении технологии электронного транзита, являются вопросы технического характера:

- отсутствие возможности использования сведений, содержащихся в электронной транзитной декларации, в качестве предварительной информации о товарах и транспортных средствах, перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза;
- не реализован функционал оперативного взаимодействия с декларантом процедуры в случае необходимости внесения изменений и дополнения сведений, заявленных в декларации, в том числе устранения выявленных должностным лицом ошибок, не являющихся основанием для отказа в регистрации декларации или выпуска товаров.

Решение указанных проблем также будет сопутствовать дальнейшему расширению практики декларирования товаров в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита с применением транзитной декларации, поданной в электронной форме. В числе перспектив развития технологии декларирования таможенной процедуры таможенного транзита необходимо отметить наличие административного и технического аспектов.

Административный путь развития состоит в представлении транспортным компаниям каких-либо преференций исключительно при использовании ЭТД. Так, учитывая значительный положительный опыт Выборгской таможни по помещению отдельными участниками ВЭД товаров под процедуру таможенного транзита с подачей ЭТД без предоставления соответствующего обеспечения, полагаем, что увеличению количества ЭТД в общероссийских масштабах будет способствовать внесение в приказ ФТС России от 30 сентября 2011 г. № 1992 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению реестра таможенных перевозчиков» изменений в части дополнения перечня условий для включения в реестр таможенных перевозчиков обязательством перевозчика осуществлять подачу транзитных деклараций в электронной форме при помещении товаров под процедуру таможенного транзита.

К техническому аспекту развития технологии декларирования процедуры транзита в электронной форме необходимо отнести сокращение сроков совершения таможенных операций при прохождении пограничных пунктов пропуска. Для решения данной задачи необходима реализация возможности использования электронной транзитной декларации в качестве предварительной информации для регистрации прибытия товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза, являющегося отдельной самостоятельной таможенной операцией.

Значительное снижение временных затрат участников ВЭД, связанных с декларированием таможенной процедуры таможенного транзита, возможно путем внедрения технологии сквозного процесса таможенного контроля, позволяющего объединить все существующие в современных реалиях таможенные операции: прибытие товаров на территорию ЕАЭС, помещение под процедуру таможенного транзита и ее завершение, размещение товаров на временное хранение, либо помещение под заявлен-

Рис. 2. Проблемы внедрения технологии декларирования транзита в электронной форме
Fig. 2 Problems of introduction of technology of electronic declaring of transit

ную таможенную процедуру. Упрощенная модель структурно-функциональной схемы сквозного процесса приведена на рис. 3.

Данная технология позволит формировать перечни документов и сведений из состава данных, поданных при регистрации предварительной декларации на товары, реализовать технологию однократного запроса у участника ВЭД сведений о наличии разрешительных документов, необходимых, в том числе, и для проведения иных видов государственного контроля в пунктах пропуска.

При подаче предварительной декларации сведения, указанные в данной декларации, могли бы быть использованы в качестве предварительной информации, а также электронной транзитной декларации. При этом данная информация содержала бы более полные сведения о товарах, позволяющих повысить эффективность применения системы управления рисками посредством анализа данной информации и разработки целевых профилей риска до момента ввоза товаров на таможенную территорию Таможенного союза в пограничном таможенном органе, либо их помещения под заявленную таможенную процедуру во внутреннем таможенном органе. К таким сведениям относятся: информация о полном коде товаров в соответствии с ТН ВЭД ТС, о наличии запретов и ограничений в отношении декларируемых товаров, о наличии разрешительных документов, необходимых для проведения иных видов государственного контроля. Сведения о номерах разрешительных документов в отношении товаров, подлежащих иным видам государственного контроля, в данном случае позволяют проводить анализ соответствия предоставляемых документов фактически перемещаемой продукции.

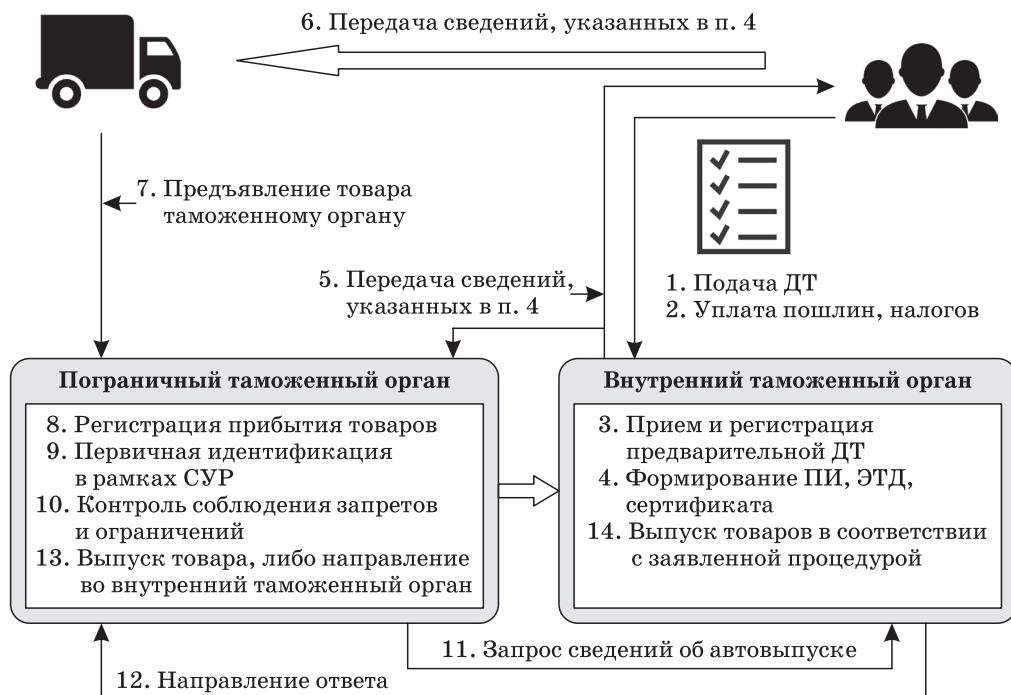

Рис. 3. Структурно-функциональная схема сквозного таможенного процесса
Fig. 3. Structural-functional scheme of through customs process

Также в случае оплаты таможенных пошлин, налогов по данной предварительной декларации, факт внесения денежных средств исключал бы возможность образования задолженности, связанной с недоставкой товаров, и может рассматриваться в ракурсе создания участникам внешнеэкономической деятельности благоприятных условий в виде отсутствия необходимости внесения обеспечения соблюдения таможенной процедуры таможенного транзита товаров.

Еще одним важным упрощением является возможность выпуска товаров в пограничном таможенном органе после проведения соответствующей идентификации товаров, в случае получения от внутреннего таможенного органа информации о выпуске декларации на товары в автоматическом режиме.

Литература

1. Гупанова Ю. Е. Управление качеством таможенных услуг: учеб. пособие. М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2013.
2. Макрусев В. В. Современные подходы к управлению деятельностью таможенных органов: монография / В. В. Макрусев, Д. Г. Зеркин, М. А. Месяц. М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2012.
3. Репин В. В., Елиферов В. Г. Процессный подход к управлению: моделирование бизнес-процессов. М. : Стандарты качества, 2009.

Об авторе:

Абрамов Александр Сергеевич, Таможенный пост МАПП «Брусничное», Выборгская таможня (Выборг, Российская Федерация). Заместитель начальника поста, abramovalr@mail.ru

References

1. Gupanova Yu. E. Quality management of customs services: manual. M. : Publishing house of the Russian customs academy [Izd-vo Rossiiskoi tamozhennoi akademii], 2013. (In rus)
2. Makrusev V.V. Modern approaches to management of activity of customs authorities: monograph / V.V. Makrusev, D.G. Zerkin, M.A. Mesyats. M. : Publishing house of the Russian customs academy [Izd-vo Rossiiskoi tamozhennoi akademii], 2012. (In rus)
3. Repin V.V., Eliferov V.G. Process approach to management: modeling of business processes. M. : Quality standards [Standarty kachestva], 2009. (In rus)

About the author:

Aleksandr S. Abramov, Customs post Multilateral Automobile Checkpoint Brusnichnoe, Vyborg customs (Vyborg, Russian Federation), Deputy Chief of the post, abramovalr@mail.ru

Нематериальное наследие и идентичность молодежи Санкт-Петербурга

Сосновская А. М.^{1}, Михайлов А. В.², Орлова О. Ю.²*

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *anna12012007@yandex.ru

²Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье представлены некоторые результаты и размышления текущего исследования нематериального культурного наследия Санкт-Петербурга, в том числе определения нематериальных характеристик объекта всемирного наследия ЮНЕСКО «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» (далее — Объект всемирного наследия).

Определено понятие «нематериальное наследие» и обозначена его роль в формировании городской идентичности петербуржца. Выявлены практики и ценности региональной идентичности подрастающего поколения.

В работе использованы социологические количественные и качественные методы: Интернет опроса, анализа документов, приведены результаты интервью и опросов молодежи по поводу самовосприятия, самоидентичности и восприятия города. Ответы проанализированы авторами с позиций индивидуальных габитусов жителей города, а также профессионалов смежных областей знаний (архитектура, культурология, филология, психология, социология, юриспруденция), включенных в городские проекты по популяризации культурного наследия города.

Ключевые слова: идентичность, аутентичность, практики, ценности, нематериальное наследие, Санкт-Петербург

Immaterial Heritage and Identity of Youth of St. Petersburg

Sosnovskaya A. M.^a, Mikhailov A. V.^b, Orlova O. Yu.^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation, anna12012007@yandex.ru

^b Committee on State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Landmarks (St. Petersburg, Russian Federation)

ABSTRACT

This article presents some results and reflections of the current study of the intangible cultural heritage of St. Petersburg, including the definition of the intangible characteristics of the UNESCO World Heritage Site “The Historical Center of St. Petersburg and related group of monuments” (hereinafter — World Heritage Site).

The concept of the “intangible heritage” is defined and its role in the formation of the city’s identity of St. Petersburg youth is indicated. Practices and values of the regional identity of the young generation are revealed.

The work used sociological both quantitative and qualitative methods: Internet survey, analysis of documents, interviews and examinations of young people’ self-perception, self-identity and their awareness of the city. The answers were analyzed by the authors from the standpoints of the individual habits of the city’s residents, as well as professionals from related fields of knowledge (architecture, cultural studies, philology, psychology, sociology, jurisprudence) involved in urban projects to popularize the city’s cultural heritage.

Keywords: identity, authenticity, practices, values, intangible heritage, St. Petersburg

Непротиворечивость транслируемой идентичности городского пространства — это актуальная проблема маркетинга территорий [1; 4; 7; 12; 13]. Территориальная идентичность в социологических работах определяется чаще всего через установки, которые являются ее следствием: «Региональная идентичность — это воля к жизни и развитию на данной территории... Если энергия — способность совершать работу, то идентичность, — это способность к социокультурной, гражданской и экономической активности. Региональная идентичность представляет собой самоотнесение индивида к определенному территориально ограниченному сообществу — региону, который характеризуется территориальной, историко-культурной, политико-правовой и языковой целостностью [12].

Бережное сохранение, реставрация и консервация исторических памятников, архитектурных и ландшафтных объектов, которые являются важной составляющей территориальной идентичности, — на повестке органов охраны памятников Петербурга.

В городе и области ведется большая работа по сохранению и консервации исторических объектов и культурных ценностей, по популяризации этих объектов, а также по разработке Плана управления объектом всемирного наследия.

При обсуждении Плана управления в Комитете по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (КГИОП) особое внимание уделяется определению, сохранению и воспроизводству нематериального наследия, а также использованию объектов не только как памятников, но и как анимационных пространств.

Как объект контактирует со своим контекстом и жизнью современных людей? Какой вклад тот или иной объект наследия вносит в социальную устойчивость и развитие города?

Культурные инициативы важны в долгосрочной перспективе, поскольку надежно привязывают объект к его контексту, способствуя долгосрочному сохранению объекта, а также развивают навыки сохранения объекта у местного населения.

Сосредоточение внимания на качестве жизни и благополучии как на конечных целях развития в глобальных и национальных программах развития предполагает, что такие аспекты, как творческий потенциал, духовная реализация, знания и красота, могут найти свое место в официальных статистических данных о социальной устойчивости, если «культура» и наследие будут признаны обоснованными и значительными составляющими устойчивого развития¹.

Особое внимание в документе уделяется аспектам идентичности и социальной сплоченности людей вокруг наследия.

Кроме того, возрастающее внимание уделяется вкладу, который наследие способно внести в устойчивое развитие города и социальную интеграцию населения.

Взросшие общемировые требования к управлению объектами наследия, путем формирования ценностного подхода к данным объектам, включают также требования охраны нематериальных активов на объектах (сообщества, культура и знания), обеспечение жизнеспособности сообществ, транслирующих нематериальные ценности.

Каким образом следует сохранять объекты культурного наследия, а также для кого и с привлечением каких участников?

Признаки выдающейся универсальной ценности² объектов всемирного наследия также могут быть материальными или нематериальными. В Руководстве по выполне-

¹ ЮНЕСКО. Управление объектами Всемирного культурного наследия: Информационное руководство. Париж, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/17_12_2014_1.pdf. С. 45 (дата обращения: 09.01.2018).

² Выдающаяся универсальная ценность означает культурную и/или природную значимость, которая является столь исключительной, что выходит за пределы национальных границ и представляет всеобщую ценность для настоящих и будущих поколений всего человечества (Руководство по выполнению Конвенции, § 49).

нию Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия указаны типы признаков, которые могут передавать выдающуюся универсальную ценность, а именно: форма и замысел; материалы и вещества; использование и функции; традиции, методы и системы управления; местоположение и окружение; язык и другие формы нематериального наследия; духовное и физическое восприятие. Эти признаки необходимо выявить, поскольку они чрезвычайно важны для понимания подлинности и целостности, а также являются объектом охраны, сохранения и управления¹.

Культурная ценность может относиться к нематериальным качествам, таким как социальная структура, экономические потребности и политический контекст, — в пространстве и во времени. Она может быть связана с известными событиями, лицами или произведениями искусства, литературы, науки или музыки.

Признаки могут представлять собой физические качества или материалы, но также могут являться и процессами, связанными с объектом, которые воздействуют на физические качества объекта и/или на восприятие людей, как, например, социальные программы или реконструкции.

В рамках городского проекта по популяризации Объекта всемирного наследия студенты РАНХиГС совместно с КГИОП в течение 2016–2018 гг. изучали нематериальное наследие города, собирая истории, наблюдения, интервьюируя горожан, работая методом включенного наблюдения на выбранных объектах исследования [8; 9]. Некоторые работы информационно сопровождались в СМИ Академии, а работа по восприятию научного Петербурга осмыслилась с социологической точки зрения в данном издании в прошлом году [6].

Все исследования наших студентов (более 20 работ) преследовали общую цель — уловить в восприятии горожан уникальный код города, который транслирует культуру, непротиворечивую идентичность, что и придает особую атмосферу и ценность пребыванию в культурной столице России.

КГИОП проводит большую работу по популяризации объекта всемирного наследия для подрастающего населения города, проводя образовательные и творческие проекты со школами и колледжами города и Ленинградской области. Согласно психоанализу Э. Эриксона, который выделил 8 этапов развития идентичности, именно подростковый возраст (11–20 лет) является ключевым для приобретения устойчивого чувства идентичности. Четвертая стадия развития идентичности, с 6 до 11 лет, предшествующая нашей аудитории, связана с овладением различными умениями. Овладевая основами знаний, дети начинают идентифицировать себя с представителями отдельных профессий, для них важным становится общественное одобрение их деятельности. На следующей, пятой стадии, подросток колеблется между положительным полюсом идентификации («Я») и отрицательным полюсом путаницы ролей [10, с. 12]. Перед подростком стоит задача объединения всего, что он знает о себе самом как сыне/дочери, школьнике, друге, жителе города, члене того или иного кружка, сообщества. Все это он должен объединить в единое целое, осмыслить, связать с прошлым и спроецировать на будущее [2; 3].

Не всем удается интегрировать и почувствовать непротиворечивую идентичность.

Э. Тоффлер, исследуя вопросы идентичности и самоидентификации, писал, что «миллионы людей занимаются поисками своей идентичности или какого-то магического средства, которое помогло бы им вновь обрести свою личность, мгновенно дало бы ощущение близости или экстаза, привело бы их к более «высокому» состоянию сознания» [12, с. 10].

Как отмечает американская исследовательница региональной идентичности Р. Флорида, место влияет на то, насколько мы счастливы: «...оно может быть островом

¹ ЮНЕСКО. Управление объектами Всемирного культурного наследия: Информационное руководство.

стабильности в море неопределенности и риска. Работа рано или поздно заканчивается. Взаимоотношения распадаются. Выбор правильного места может стать защитой от жизненных невзгод. Несравнимо легче вновь подняться на ноги, если место, где Вы живете, характеризуется энергичным развитием» [12, с. 6].

Санкт-Петербург, безусловно, является сильным местом для региональной идентичности, город постоянно привлекает большое количество туристов, в последние годы неизменно возглавляя туристические рейтинги европейских городов.

Иосиф Бродский говорил: «Камни или не камни, объясняйте это как хотите, но в Петербурге есть эта загадка — он действительно влияет на твою душу, формирует ее. Человека, там выросшего или, по крайней мере, проведенного там свою молодость, — его с другими людьми, как мне кажется, трудно спутать»¹.

Ю. М. Лотман называл Петербург театральным, нереальным, постановочным [5]. Каковы параметры аутентичности города и городской культуры? Согласно экономике впечатлений и теории аутентичности предложений, аутентичность воспринимается каждым человеком индивидуально. Если продукт, место или практика апеллируют к ценностям данного человека и соответствуют его образу себя, тогда объект, с которым контактирует человек, воспринимается как непротиворечивый, аутентичный и привлекательный. Таким образом, аутентичность любого места и мероприятия находится в умах людей, в умах целевой аудитории. Аутентичность переживается как соответствие, подлинность и непротиворечивость происходящего, определенная атмосфера комфорта и аура уместности [1].

Один из соавторов настоящей статьи в своей диссертации доказывает, что региональная идентичность связана с базовой потребностью в принадлежности к группе и дифференциации своей группы от других. Восприятие культурного наследия, прежде всего, связано с процессом исторической и личностной самоидентификации человека как элемента социальной группы, а также понимания роли своей социальной группы в окружающем мире. Процесс восприятия культурного наследия, формирование понимания его сохранения связан с процессом формирования отношения человека к истории: индивидуальной, родовой, истории общины, города, государства и мира в целом. Материальные объекты культурного наследия являются носителями нематериальной информации о народе и нации и обеспечивают ее самоидентификацию, без чего невозможно сохранение такой нации.

Примером объекта культурного наследия, в котором заключается больше нематериальной, чем материальной ценности, является комплекс, объединяющий места, связанные с защитой Ленинграда в период Великой Отечественной войны — «Зеленый пояс Славы», который одновременно является и компонентом № 540-036 Объекта всемирного наследия.

В данном объекте, кроме материальных предметов охраны, таких как местоположение объекта, состав, объемно-пространственная композиция, большая составляющая — нематериальная, связанная с сохранением памяти об истории Великой Отечественной войны, победе в ней и героями войны.

Определение и сохранение нематериальных составляющих объектов культурного наследия, в контексте упомянутых потребностей в идентификации, необходимо для формирования правильного представления о характеристиках объекта культурного наследия:

- 1) осознанного, правильного восприятия материальных элементов (в том числе «одушевление» материальных элементов путем включения их в единое информационное пространство);

¹ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/BRODSKIJ/wolkow.txt> (дата обращения: 30.01.2018).

- 2) создание единого информационного пространства, содержащего нормы, апеллирующие к ценностям группы;
- 3) идентификация уникальности объекта в целом, его компонентов и элементов по отношению к иным аналогичным объектам (позиционирование и дифференциация объекта);
- 4) формирование системы ценностных ориентиров у пользователей объекта (жители Санкт-Петербурга);
- 5) позиционирование жителя (пользователя) через формирование идентичности с окружающей его средой и, как следствие, формирование сильной региональной идентичности и бережного отношения к наследию;
- 6) обеспечение преемственной передачи информации (нематериального наследия), в том числе о материальном наследии.

Определение нематериальных атрибутов невозможно без понимания способов их сохранения, воспроизведения и трансляции. Передать некое внутреннее знание, а уж тем более ощущение аутентичности можно путем его оформления в виде текстов, практик участия и реконструкции, а следовательно, через его опосредованную материализацию. Дальнейшая работа над данной тематикой предполагает определение форм сохранения, воспроизведения и трансляции нематериальных составляющих, так называемых предметов охраны объектов культурного наследия, что соотносится с получившим широкое распространение в мире ценностным подходом в оценке культурного наследия в целом и объектов культурного наследия в частности. Это позволит осуществлять комплексную оценку культурной, экономической, социологической и иных составляющих ценности и, что чрезвычайно важно, осуществлять полную и правильную трансляцию этих ценностей в рамках популяризации, формируя объективное представление о культурном наследии нашего города, прежде всего у молодежи.

После нескольких лет сотрудничества и проектов со школами Петербурга мы решили провести промежуточный мониторинг самоидентификации школьников. Опрос был размещен в общедоступной интернет-среде, заполнить его могли все желающие, однако ссылка была рекомендована для заполнения школьниками школ-партнеров проектов КГИОП. Опрос носил также закрепляющую образовательную функцию — усвоена ли информация, которая доносилась в разных формах до учащихся. А именно, знают ли они, что объект «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО?

Открытые вопросы интернет-опросника для школьников: Что отличает Петербург от других городов мира? Кто такой петербуржец XXI в. и какие у него качества? Каков «дух Петербурга»? — являются проективными с точки зрения психологии, что дает возможность реконструировать практики и ценности респондентов. Вопрос об отличии апеллирует к нашему тезису, что идентичность связана с базовой потребностью в принадлежности к группе и дифференциации своей группы от других. Вопрос о духе города позволяет нам понять значимые практики места, т. е. реализуемые действия и функции именно молодого поколения. Вопрос о качествах идеального петербуржца отсылает к проективной идентификации, образу себя, саморефлексии и самоописанию. Нам интересно, есть ли существенные различия в восприятии самоидентичности и идентичности города молодых жителей города от предыдущих поколений, стереотипов и традиционных взглядов.

Британский социолог Э. Гидденс описывал самоидентичность как рефлексивный рассказ о себе в контексте множественного выбора с учетом абстрактных систем, выделив десять качественных характеристик такого самоописания. Будем отмечать данные характеристики в имеющихся самоописаниях респондентов.

- 1) «Я» есть рефлексивный проект, за который отвечает сам индивид; «мы являемся тем, что мы сами из себя создаем»;

- 2) «Я» разрабатывает траекторию своего развития, возвращаясь к прошлому и прогнозируя будущее; путешествие в прошлое дает эмоциональную свободу для предвидения и созидания грядущего, построение траектории «Я» базируется на идее многоэтапного жизненного цикла;
- 3) рефлексивность «Я» непрерывна. Искусство самонаблюдения заключается в том, что индивид постоянно задает себе вопросы: «Как я могу использовать этот момент, чтобы измениться?», «Что происходит прямо сейчас?», «Что я думаю?», «Что я делаю?», «Что я чувствую?», «Как я дышу?»;
- 4) самоидентичность проявляет себя как рассказ, в том числе и в регулярно ведущемся дневнике;
- 5) самоактуализация подразумевает контроль и управление временем;
- 6) рефлексивность «Я» охватывает и сферу телесности индивида, так как тело — это часть индивидуальной системы действий, а не ее пассивный объект;
- 7) самоактуализация индивида требует равновесия возможностей и риска, которое достигается благодаря эмоциональному преодолению прошлого и осмысленному прогнозированию будущего;
- 8) нравственная задача самоактуализации — это достижение аутентичности «Я», т. е. верности самому себе; этот процесс требует интерпретации прежнего опыта, отделения истинного «Я» от ложного;
- 9) жизненный цикл личности воплощен в последовательной смене этапов, которые, в отличие от традиционного общества, почти не имеют ритуальных меток или внешней обусловленности; движение от эпизода к эпизоду, воплощающее в себе баланс возможностей и риска, осуществляется благодаря «рефлексивной мобилизации траектории Я»;
- 10) развитие «Я», т. е. его жизненная траектория, обладает внутренней референтностью; единственно значимой «путеводной нитью» жизненной траектории выступает она сама [цит. по: 11, с. 14–15].

Вопрос о духе города, который «велик, могуч, сказочен, поэтичен, старомоден, многогранен, красив», позволил нам понять значимые практики места, т. е. то, что выделяет молодежь в качестве своих типичных, осмысленных и символических действий в городе: знать историю; гулять в белые ночи; в Питере — пить, жить (аллюзия и рефрен на песню группы «Ленинград»); любить поэзию, литературу; долго гулять по набережным, гулять по крышам; быть творческим. Приведем один пример полностью — в нем отражены практически все признаки самоидентификационного проекта по Гидденсу: «Нас всех объединяет Питер. Это не просто город, это целое явление, пространственный портал, межкультурная история, ни с чем несравнимая энергетика. Единожды окунувшись в воздух Питера, уже получаешь ВПЕЧАТЛЕНИЕ, и оно бесследно никогда не исчезнет, на чувственном уровне Питер отметится четко. Разговор о Санкт-Петербурге не замолкает во все его века, и любое его описание отражает ЧУВСТВО. Этот город являет собой выраженный коктейль природных особенностей, городской значимости и психической структуры жителя и гостя, эдакая „вещь-в-себе“, разбирать который берутся многие, и почти все попадают в ловушку такой многослойности, что пребывание в этом городе становится творчеством в чистом виде. Потому человек стремится побывать здесь хотя бы раз, потом зачастую возвращается сюда раз за разом, и все тут идут-бредут улицами, крышами, каналами, набережными, дворами, как будто здесь душе по умолчанию ближе к творческому восприятию и долгой прогулке» (11–13 лет).

В этом описании человека в среде ярко проявляется самоидентичность автора как жителя Петербурга. Перед нами нарративная конструкция с элементами самонаблюдения себя в прошлом, настоящем и будущем, самоконструированием на основе эмоционального преодоления трудностей восприятия. Текст эмоционален, значимые слова выделены графически «каплюком», что принято соотносить с кри-

ком. Автор передает свое чувственное восприятие пространства, свои аутентичные переживания, и некоторые повторения дают ощущение, что автор навязывает нам свою точку зрения. Мы понимаем его драйвы, внутреннюю мотивацию и мобилизацию к действиям. Присвоена групповая принадлежность: «нас всех объединяет Питер», что позволяет говорить от имени гипотетической группы и конструировать истории.

Вопрос о качествах идеального петербуржца отсылает к проективной идентификации, образу себя, саморефлексии и самоописанию. Молодой человек пишет: «Он ненавидит и никогда не употребляет слово „Питер“ и питерцы. Он будет публично стыдить того человека, кто так говорит. Надо говорить „Санкт-Петербург“ и даже „ленинградцы“ лучше, чем „питерцы“, поскольку это слово пролетарских окраин» (11 лет); согласно нашим респондентам, молодой петербуржец такой же серьезный, умный, интеллигентный, как и его старшие товарищи. Некоторые высказывания категоричны и принципиальны, содержат в себе оценку других, что может говорить о внутренней силе, четких образах и предпочтениях. А иногда и о некотором снобизме: «Свежий ветер, дующий с Финского залива, приносящий европейские новшества, которые приживаются на исторически интеллигентной и аристократической почве великого города» (13 лет).

Нам интересно, есть ли существенные отличия в восприятии самоидентичности и идентичности города его молодыми жителями от предыдущих поколений, стереотипов и традиционных взглядов.

Наше социологическое исследование представляет собой попытку выявления характерных черт и ценностей петербуржца XXI в. При этом данное исследование не ограничивается привязкой именно к местности, ведь человек, рожденный в другом городе, тоже может считать себя петербуржцем по своему внутреннему ощущению. Петербуржец — «человек, который живет в Питере, чувствует себя частью него». Именно на основе этих ощущений и неуловимого духа города и формируется особое отношение к городскому пространству. Как писал Сергей Довлатов, «национальность — ленинградец. По отчеству — с Невы».

Опрос содержал равное соотношение открытых и закрытых вопросов. Среди закрытых были такие, как дихотомический — «считаете ли вы себя петербуржцем?» и вопросы с ограниченным числом альтернатив — «Какой ваш родной город?». Содержание в опросе как закрытых, так и открытых вопросов дает выбор каждому в процессе заполнения анкеты, увеличивает количество респондентов, готовых пройти опрос и возможность получить большее число разных ответов. Конечно, опрос как метод получения общественного мнения имеет и свои минусы, с которыми мы столкнулись, например, это несовершенство ответов, которое может быть обусловлено ограниченным количеством времени респондента и его нежеланием отвечать на все вопросы, а также сложность обработки и структурирования открытых вопросов.

Также важно отметить, что опрос содержал один вопрос, включающий готовый ответ. Такой прием позволяет распространить информацию среди большого количества респондентов, не заставляя долго ее анализировать и искать. Это наш образовательный, закрепляющий и интегрирующий вопрос: «Вы знаете, что объект «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО». В большей степени респонденты могли ответить, что они точно это знают, поскольку сам вопрос содержал эту информацию и таких оказалось большинство — 64%. Остальная часть выбрала ответ: «Теперь знаю». Составление и включение данного вопроса в анкету преднамеренно и связано с желанием получить обратную связь по поводу наших просветительских проектов. В процессе работы мы часто сталкиваемся с низким уровнем знаний о всемирном наследии среди населения. Пола-

гаем, что в результате прохождения опроса более 120 респондентов повысили свой уровень знаний.

Немаловажной задачей опроса была популяризация знаний о городе, привлечение интереса учащихся к изучению и освоению городских пространств, поиску и осознанию своего места в Петербурге.

Все респонденты были поделены нами на три категории: от 7 до 10 лет (14,3%), от 11 до 13 (34,1%) и 14–18 лет (51,6%). Такое деление было связано с прохождением основных этапов школьного обучения (младшие, средние и старшие классы). Именно такой разброс детей от 7 до 18 лет позволит понять, как воспринимают город школьники, которые еще только начинают ходить в школу и изучать город в том числе, и как на город реагируют подростки, которые уже много читали про Петербург, ходили на экскурсии и искали свои собственные любимые места города.

Важно отметить, что опрос был предназначен абсолютно для всех школьников вне зависимости от того, где они родились. Однако, как показали результаты, более 85% опрошенных родились в Санкт-Петербурге. Остальные представляли такие города, как Омск, Пенза, Москва, Йошкар-Ола, Заозерск, Новый Уренгой и другие. При этом 95% из всех опрошенных считают себя петербуржцами. Это говорит о том, что, несмотря на место рождения, человек может назвать и ощутить себя «петербуржцем», основываясь на других критериях. Например, это могут быть такие критерии, как идентификация с местом работы, учебы, принадлежность к спортивному клубу, научные интересы, эстетические ценности красоты и понимание архитектурных особенностей пространства города, особые поэтические настроения, связанные с практиками кино- и фотосъемки, настроения и фантазии, связанные с героями и кумирами.

Идентификация является способом понимания другого человека через осознанное или неосознанное отождествление его с собой, попытка понять состояние, настроение, самооценку, отношение к миру, представив себя на его месте. Одной из составных частей идентификации является настроение, которое горожанин испытывает в городе. Через это преобладающее ощущение можно предположить, какой это город. Результаты опроса показали, что более 48% испытывают воодушевление в Санкт-Петербурге, более 30% — радость, 7,3% — депрессию. Такого рода результаты в большей степени показывают, что жизнь в данном городе комфортна для молодого поколения, что они вдохновлены городом, замотивированы им и редко переживают депрессивные чувства, которые в основном связаны с серой погодой и недостатком солнечного света.

Наши респонденты отмечали, что город воспитывает, поддерживает, вдохновляет, возвышает своего жителя до своего величественного уровня, предлагая жителю такое преимущество и отличие — быть носителем петербургской культуры и истории.

Примечательно, что люди, приезжающие из других городов, чаще всего в Северной столице испытывают грусть, апатию или депрессию. Причем большинство из респондентов связывало факт такого отрицательного настроения с погодными условиями города: дождями, сыростью, низким небом и ветрами. Как говорили главные герои знаменитого фильма «Питер ФМ»: «Погода в Питере меняется с космической скоростью, а вместе с ней, между прочим, и настроение».

С другой стороны, здесь закономерен вопрос, может это возраст влияет на настроение индивида в городском пространстве? Ведь респонденты до 18 лет в большей степени ощущают город как вдохновляющее и радостное пространство, в то время как молодежь постарше, как, например, студенты нашего вуза или других вузов города, с которыми мы также работаем в проектах, которым 20–25 лет, и они в гораздо большей мере ощущают грусть и депрессию. Вопрос требует дальнейшего изучения.

Город как среда очень разнообразен, и в разных аспектах выделяются соответствующие особенности функционирования жителей и возможности для формирования и усиления их территориальной идентичности. Можно выделить:

- 1) физическое пространство города, которое представляет рукотворный ландшафт, архитектуру и структуру пространства городских локаций;
- 2) информационное пространство города как пространство информационных потоков, включающее исторические знания и современные представления о самом городе;
- 3) социальное пространство — номинальные и реальные территориальные социальные группы, представляющие государственные структуры и гражданское общество.

Основываясь на этой классификации, был проведен анализ ответов на вопрос «Что отличает Петербург от других городов мира?». Большинство ответов респондентов показало, что то информационное пространство, в котором находится индивид, и формирует у него представление о городе. Так, превалирующее отличие Петербурга от других городов, по мнению юных жителей города, — это культура и красота. Также говорилось о том, что Петербург «является культурной столицей, о которой знают», город отличается «старинной памятью и красотой», город отличается «величием и гостеприимностью». «Петербург по меркам крупных европейских городов является относительно молодым — всего 315 лет. Но даже за эти 300 с лишним лет он пережил множество событий, о которых европейские города даже не слышали, вырастил и выпустил в свет великих людей, подарил миру величайшие открытия, создавшие современный научный и культурный мир».

Санкт-Петербург является мировым достоянием, которое молодежь характеризует такими эпитетами, как «город-герой», «город-символ», «культурная столица», «Северная Венеция». Это те неофициальные названия города, которые на слуху у каждого горожанина и гостя Северной столицы.

Если говорить о физическом пространстве города, то здесь молодые петербуржцы выделили «величие архитектуры», «достопримечательности», «мосты и музеи». Уникальная архитектура и структура городского пространства позволяют говорить о Петербурге, как о «городе-памятнике». Это еще одно неофициальное символическое название города, которое значимо для молодежи и является маркером дифференциации при анализе отличительных черт города в мировом пространстве.

Любопытно, что ребята уделили меньше внимания социальному пространству, т. е. тем людям, которые наполняют этот город, охраняют его и делают уникальным. Однако была отмечена «теплота людей», «отношение и поведение людей» и «доброта». Эти немногие интерактивные, коммуникативные психологические качества, которые проявились в восприятии наших респондентов, являются начальным этапом для определения и формирования портрета петербуржца XXI в.

Респонденты отмечают, что петербуржца можно узнать по манерам, по общению, по походке. Но все эти факты пока не дают нам точного представления о том, что это за человек, какие у него качества, уровень образования или может иные отличительные черты.

Исследуя и анализируя данные опроса, можно с уверенностью сказать, что в представлении молодых горожан петербуржец XXI в. — современный («человек, сидящий в телефоне», «модный интеллигент, ведущий здоровый образ жизни, совершающий утренние пробежки вдоль петербургских набережных, немного консерватор»), культурный, интеллигентный, воспитанный и эрудированный человек. Некоторые молодые люди в своих ответах отмечают даже уровень образования — что это в большей степени искусствоведы и архитекторы, те люди, которые больше и чаще всего соприкасаются с наследием. В частности, предложена такая характеристика: «тот, кто следит и ухаживает за своим городом, кто ему помогает, с ним разговаривает и тот, кто его защищает и не бросает». Таким образом, город ста-

новится не просто местом проживания этого индивида, но и еще объектом общения и самовыражения. Город как друг, город как часть личности: «Петербуржец XXI в. — человек, который связал свою жизнь с этим городом». Безусловными отличительными чертами петербуржца XXI в. являются уважение к красоте, к городу и тесная связь с наследием. «Это человек, который готов совершенствоваться. Культурный и приятный в общении, хранит глубоко внутри дух Петербурга XVIII–XIX вв. Он умен и начитан, его интересует город, и он готов открывать его с разных сторон. Настоящее кроется глубже, поэтому петербуржец может быть как крайне позитивным, так и грустен. Но главное — это родство с городом, которое он ощущает».

Таким образом, образ петербуржца XXI в. в глазах молодых людей в возрасте до 18 лет представляется как современный искусствовед или архитектор, интеллигентный и эрудированный, тонко чувствующий и переживающий за все городское пространство, человек, частью которого является город, человек с сильной региональной идентичностью, которая позволяет противостоять трудностям и превратностям судьбы и истории города и страны.

Проведенное исследование региональной идентичности молодежи Санкт-Петербурга позволило прийти к выводу, что непротиворечивость транслируемой идентичности городского пространства достигается совпадением с внутренней самоидентичностью горожанина.

Мы выделяем следующие составляющие такой идентичности: инкорпорированное физическое пространство города, в качестве образов и символов значимых сайтов и локаций; когнитивное и информационное поле — поле знаний, городских интроектов, установок и мифов, поле постоянных выборов, проявляющегося фокуса внимания, интереса и предпочтений; социальное пространство — поле значимых интеракций и коммуникаций, ощущение групповой идентичности и принадлежности к истории и судьбе города. Молодое поколение воспринимает город и себя в нем довольно консервативно и стереотипно, что отражается в обнаруженных в ответах нашего опроса, но что является достаточно известными паттернами в дискурсе изучения идентичности Петербурга и петербуржцев:

- 1) монументализация репрезентаций великого города. Отношение к городу с пиететом и весьма дистанционно. Так как город представляет собой фреймы и предьявляет требования соответствия, а это властная позиция и принуждение;
- 2) красота — всеобщее достояние жителей города. Сильны ценности эстетизации, городская композиция формирует определенный вкус;
- 3) знание референтных текстов российской культуры, поэтичность и интертекстуальность мышления;
- 4) романтичность и творческий настрой. Романтическое мировосприятие предполагает психологические крайности и полярности: полярные чувства — от депрессии и уныния к восторгу, предпочтения особых ощущений — экскурсии на крыши, кладбища, по дворам, поиск ощущения мистичности, волшебства, тайны.

Последнее составляющее исследуемой региональной идентичности — социальное поле — наименее осознаваемо нашими молодыми горожанами. Именно эта ипостась подразумевает и нематериальное наследие города, которое рассказывает о ценностях группы, о совместном прошлом опыте выживания и победы. Нематериальное наследие в форме рассказов, практик, визуальных нарративов легко инкорпорируется членами группы и становится солидным основанием для региональной идентичности. Идентичность связана с базовой потребностью в принадлежности к группе и дифференциации своей группы от других. Нам представляется серьезным упущением недоразвитость именно этой составляющей идентичности. Своей дальнейшей целью видим просвещение и привлечение внимания к нематериальному наследию города, социальным практикам и инициативам коммуникации с городом.

Литература

1. Гилмор Д., Пайн Д. Экономика впечатлений. Работа — это театр, а каждый бизнес — сцена. М. : Вильямс, 2005.
2. Голенко В. В., Киселев В. Н., Сосновская А. М. Научный Петербург. Взгляд молодежи // Управленческое консультирование. 2017. № 2. С. 65–78.
3. Гофман И. Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации собраний // Социология власти. 2014. № 2. С. 219–228.
4. Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13–23.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
6. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. СПб. : Искусство–СПб., 2002. С. 270–280.
7. Маскаев А. И., Чикарова Г. И. Городское пространство и профессиональная идентичность // Город, социум, среда: история и векторы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил, 2017.
8. Михайлов А. В. Основные направления эволюции потребности сохранения объектов культурного наследия. Сохранение нематериальных особенностей // Коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции «Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранения и развитие». СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017.
9. Орлова О. Ю. Роль молодежи в формировании городских инициатив в сфере сохранения культурного наследия города // Коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции «Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранения и развитие». СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 523–525.
10. Сосновская А. М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). СПб. : Роза мира, 2005.
11. Сосновская А. М. Семиотика и семантика рекламы и связей с общественностью. СПб., 2013.
12. Florida R. Who's your city? NY : Basic Books, 2008.
13. Yoon J. A conceptual model for city branding based on semiotics. Brunel University, 2010.

Об авторах:

Сосновская Анна Михайловна, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат филологических наук, доцент, anna12012007@yandex.ru

Михайлов Алексей Владимирович, заместитель председателя Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (Санкт-Петербург, Российская Федерация), аспирант кафедры реконструкции и реставрации архитектурного наследия СПбГАСУ

Орлова Олеся Юрьевна, специалист Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (Санкт-Петербург, Российская Федерация), аспирант факультета социологии СПбГУ

References

1. Gilmore J., Pine J. E. The Experience Economy: Work Is Theater and Every Business a Stage. M. : Williams, 2005. (In rus)
2. Golenko V. V., Kiselev V. N., Sosnovskaya A. M. Scientific St. Petersburg. Youth look // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 2. P. 65–78. (In rus)
3. Goffman E. Behavior in Public Place: Notes on the Social Organization of Gatherings // Sociology of the Power [Sotsiologiya vlasti]. 2014. N 2. P. 219–228. (In rus)
4. Krylov M. P. Regional identity in a historical kernel of the European Russia // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2005. N 3. P. 13–23. (In rus)
5. Lotman Yu. M. Conversations on the Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII — the beginning of the XIX century). SPb., 1994. (In rus)

6. Lotman Yu. M. Symbolic of St. Petersburg and problem of semiotics of the city // History and typology of the Russian culture [Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury]. SPb. : Art SPb., 2002. P. 270–280. (In rus)
7. Maskaev A. I., Chikarova G. I. City space and professional identity // City, society, environment: history and vectors of development. Materials of the Russian scientific and practical conference [Gorod, sotsium, sreda: istoriya i vektory razvitiya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii]. Nizhny Tagil, 2017. (In rus)
8. Mikhaylov A. V. Main directions of evolution of requirement of preservation of objects of cultural heritage. Maintaining immaterial features // Collective monograph on materials of the International scientific and practical conference “Natural and cultural heritage: cross-disciplinary researches, preservations and development” [Kollektivnaya monografiya po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdistsiplinarnye issledovaniya, sokhraneniya i razvitie»]. SPb. : Publishing house of Herzen University, 2017. 570 p. (In rus)
9. Orlova O. Yu. A role of youth in formation of city initiatives in the sphere of preservation of cultural heritage of the city // Collective monograph on materials of the International scientific and practical conference “Natural and cultural heritage: cross-disciplinary researches, preservations and development” [Kollektivnaya monografiya po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdistsiplinarnye issledovaniya, sokhraneniya i razvitie»]. SPb. : Publishing house of Herzen University, 2017. P. 523–525. (In rus)
10. Sosnovskaya A. M. Journalist: personality and professional (identity psychology). SPb. : Rose of the World, 2005. 206 p. (In rus)
11. Sosnovskaya A. M. Semiotics and semantics of advertising and public relations. SPb., 2013. (In rus)
12. Florida R. Who's your city? NY : Basic Books, 2008.
13. Yoon J. A conceptual model for city branding based on semiotics. Brunel University, 2010.

About the authors:

Anna M. Sosnovskaya, Associate Professor of the Chair of Social Technology of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philology, Associate Professor, anna12012007@yandex.ru

Alexey V. Mikhaylov, vice-chairman of Committee on State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Landmarks, (St. Petersburg, Russian Federation), graduate student of SPSUACE

Olesya Yu. Orlova, specialist of Committee on State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Landmarks (St. Petersburg, Russian Federation), graduate student of St. Petersburg State University

Подвиг ленинградской милиции в обороне города на Неве (1941–1944)

Гриднев В. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье на основе архивных материалов Санкт-Петербурга и Отдела специальных фондов и реабилитации Информационного центра ГУ МВД России по СПб и ЛО, музея истории милиции ГУ МВД России по СПб и ЛО, прессы анализируется многогранная деятельность сотрудников Ленинградской милиции в годы войны. Автор на конкретных примерах показывает организаторскую деятельность органов управления внутренних дел Ленинграда, мужество и героизм сотрудников милиции, их участие в сборе личных сбережений в Фонд обороны, шефстве над воинскими частями и госпиталями РККА.

Ключевые слова: НКВД по ЛО, сотрудник милиции, офицер милиции, личный состав, мужество, героизм, полк милиции, специальная стрелковая дивизия милиции

Feat of the Leningrad Militia in Defense of the City on Neva (1941–1944)

Gridnev V. P.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation, valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

In the article many-sided activity of staff of the Leningrad militia in the years of war is analyzed (on the basis of archival materials of St. Petersburg and Department of special funds and rehabilitation of Information center of Ministry of Internal Affairs of Russia in SPb and Leningrad Region, Museum of history of militia of the Ministry of Internal Affairs of Russia in SPb and Leningrad Region and the press). The author on concrete examples shows organizing activity of governing bodies of internal affairs of Leningrad, courage and heroism of officers, their participation in assembled of personal savings in Fund of defense, patronage of military units and hospitals of The Workers' and Peasants' Red Army.

Keywords: People's Commissariat for Internal Affairs in the Leningrad Region, the militia officer, staff, courage, heroism, a regiment of militia, special rifle division of militia

Трудно переоценить вклад личного состава милиции Ленинграда в оборону города в период Великой Отечественной войны. Вместе с бойцами и командирами Армии и Флота, рабочими и служащими мужественно выполняли свой долг перед Родиной сотрудники ленинградской милиции.

Круг обязанностей милиции в военное время значительно расширился, усложнилась ее работа. Наряду с основными задачами Великая Отечественная война выдвинула и ряд новых: всемерное содействие частям сражающейся Красной армии, организация охраны военных и хозяйственных объектов, рассредоточение населения в бомбоубежищах, обезвреживание шпионов и диверсантов, борьба с паникерами, дезертирами, мародерами, обеспечение организованной эвакуации населения, промышленных предприятий, борьба с хищениями грузов на транспорте и др.

Это потребовало проведения реорганизации деятельности милиции применительно к условиям и задачам военного времени. Суть этой перестройки состояла

в том, чтобы всю службу милиции максимально подчинить интересам фронта и укреплению тыла, подготовить личный состав к активному участию в боевых действиях против врага.

Для координации всей служебно-оперативной деятельности войск и органов НКВД в Ленинграде был учрежден 22 июня 1941 г. Оперативный штаб в составе: заместителя начальника УНКГБ по Ленинградской области старшего майора госбезопасности Огольцова¹, начальника Управления пограничных войск по Ленинградской области генерал-лейтенанта Г. Степанова, заместителя начальника УНКВД по Ленинградской области (далее — УНКВД по ЛО) старшего майора милиции Е. Грушко и начальника Управления пожарной охраны УНКВД ЛО полковника М. Серикова².

Вскоре, 26 июня, Огольцов и Степанов в связи с переходом на другую работу были освобождены от обязанностей членов Оперативного штаба. Начальником Оперативного штаба был назначен заместитель начальника УНКГБ по ЛО майор госбезопасности И. И. Иванов и членом — полковник Папченко³. 5 августа 1941 г. Оперативный штаб в связи с созданием единого УНКВД ЛО был расформирован⁴.

Чтобы вести боевые действия самостоятельно или совместно с войсками Красной армии по ликвидации десантов и регулярных частей противника, а также поддерживать общественный порядок в условиях войны были сформированы сводный отряд милиции УНКВД по ЛО в составе 12 батальонов численностью 6242 чел. (июль 1941 г.)⁵, 15 специальных частей милиции — батальоны в количестве 5864 чел. (август)⁶, Комсомольско-молодежный полк охраны порядка — 2429 человек (август-сентябрь), особый батальон Управления НКВД по Ленинградской области, насчитывающий 539 чел. (сентябрь) и специальная стрелковая дивизия милиции (декабрь 1941 г.)⁷.

Командиром Комсомольско-молодежного полка охраны порядка был майор милиции В. П. Бычков, комиссаром — лейтенант милиции Тимофеев, начальником штаба — старший лейтенант Денисовский. В полку в основном проходили службу юноши 16–17 лет и девушки 16–20 лет. Личный состав был распределен по отделениям милиции и в свободное от работы и учебы время днем и ночью нес службу⁸.

Несмотря на молодой возраст личного состава полка, было задержано семь грабителей, 54 вора, 6945 нарушителей торговли, 32 спекулянта, 4499 нарушителей правил уличного движения, выявлено и направлено на работу по очистке города 4700 уклонившихся от трудовой повинности и т. д.⁹

Летом 1942 г. ленинградская милиция была пополнена профессиональными сотрудниками, и полк в июне был расформирован, но 250 человек из его состава остались на службе в милиции¹⁰.

¹ Инициалы в документе не указаны — авт.

² Отдел специальных фондов и реабилитации Информационного центра ГУ МВД России по СПб и ЛО (далее — ОСФ и Р ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 482, 512, 518, 642.

³ Инициалы в документе не указаны — авт.

⁴ ОСФ и Р ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 482, 512, 518, 642.

⁵ Там же. Л. 588–596.

⁶ Подсчитано авт. по: Там же. Л. 309–312. Это численность 14 батальонов. Данных по одному из батальонов (14-му) нет.

⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 925, 1037–1052, 1168–1169. Архив Музея истории милиции ГУ МВД России по СПб и ЛО. Фонд Великой Отечественной войны. Отдельное дело (специальная стрелковая дивизия милиции). С. 1–44.

⁸ Инициалы не указаны — авт. Центральный государственный архив историко-политических документов СПб (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 10. Д. 17, л. 11; Д. 1417. Л. 1–3; Д. 1114. Л. 7–9.

⁹ ЦГАИПД СПб Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1417, л. 3; Д. 1114. Л. 7 об.–9.

¹⁰ Там же. Д. 1114. Л. 8, 9.

Командиром специальной стрелковой дивизии милиции был старший майор милиции Е. С. Грушко (начальник Управления милиции г. Ленинграда. — Авт.), начальником политотдела — старший лейтенант милиции В. В. Коротков¹, начальником штаба — старший лейтенант милиции С. А. Усоленко, дивизионным интендантом — капитан милиции Шварц². Стрелковая дивизия милиции насчитывала 5344 человека. Что она собой представляла организационно?

Дивизия состояла из управления (74 чел.), трех стрелковых полков (1 сп — 2037 чел., 2 сп — 1486 чел., 3 сп — 1566 чел.), кавалерийского эскадрона (123 чел.) и подразделений обеспечения: взвода связи (26 чел.) и автомобильной роты (32 чел.)³.

Все части милиции были включены в состав гарнизона и являлись важной частью его внутренней обороны.

Военная обстановка, естественно, изменила характер преступлений. В годы блокады увеличились такие виды правонарушений, как разбои, убийства, хищение продуктов, подделка продовольственных карточек, мошенничество, дезертирство.

Целенаправленная кропотливая работа Управления милиции, УНКВД по ЛО с личным составом обеспечила успешное выполнение им правоохранительных и боевых задач. Свидетельством тому служит их конкретная деятельность. Так, при раскрытии вышеназванных и других преступлений, совершенных в 1941 г., показали высокий профессионализм многие сотрудники милиции, в том числе старший лейтенант госбезопасности А. С. Дрязгов, лейтенант милиции Г. В. Волков, лейтенант милиции А. В. Хвалынский, лейтенант милиции А. Н. Кукушкин и др., о чем говорится в приказах начальника Управления НКВД по ЛО о поощрении личного состава⁴.

В феврале 1942 г. сотрудниками отдела по борьбе с бандитизмом младшим лейтенантом милиции В. А. Образцовым, сержантом милиции А. А. Медведевым и др. были раскрыты и задержаны две вооруженные банды, действовавшие на территории Выборгского и Ленинского районов. Во время обыска было изъято оружие и большое количество награбленных ценностей, вещей. За умело проведенную операцию пять сотрудников милиции было поощрено⁵.

Оперуполномоченный городского отдела уголовного розыска лейтенант милиции Н. П. Логинов в течение двух месяцев 1943 г. раскрыл сам лично 32 кражи и разыскал имущество на сумму 92 тыс. руб., а лейтенант милиции Д. С. Степанов — 20 краж и вернул похищенного имущества на 65 тыс. руб.⁶

В первом полугодии 1944 г. сотрудниками милиции в Ленинграде было ликвидировано 41 бандформирование⁷. За 3 года войны у преступников было изъято и сдано в доход государству разных ценностей, денег, продуктов и промышленных товаров на сумму свыше 300 млн руб.⁸

Более того, в результате активной работы ленинградской милиции общее количество уголовных преступлений в городе значительно снизилось, а их раскрываемость повысилась до 80,2%⁹.

¹ Позже — полковник милиции.

² Инициалы в документах не указаны — авт.

³ АМИМ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Фонд Великой Отечественной войны. Отдельное дело (специальная стрелковая дивизия милиции). С. 1–44.

⁴ ОФС и Р ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 302–306, 329, 375.

⁵ Там же. Д. 85. Л. 63.

⁶ Там же. Д. 94. Л. 102.

⁷ Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 6. С. 9.

⁸ *Аверкиев И.* Краснознаменная милиция города Ленина // Наркомвнуделец. 1944. 19 августа.

⁹ Там же.

В 1944 г. личный состав милиции и НКВД изыали у населения и собрали в местах прошедших боев 13 913 винтовок и автоматов, 831 пулемет, 23 021 шт. и 340 ящиков ручных гранат, более 2 млн патронов, 1937 кг и 72 ящика взрывчатых веществ и т. д.¹

Успешная борьба с правонарушениями во многом зависела и от деятельности участковых уполномоченных, ибо они первыми прибывали на место преступления, совершенного на участке, или пожара, разрушения, поддерживали порядок в очагах поражения, тушили пожары, охраняли места с неразорвавшимися снарядами и авиабомбами, оказывали помощь в отправке раненых, подбирали ослабевших от голода горожан на улицах и доставляли их в лечебные учреждения, осуществляли надзор за выполнением правовых актов, издаваемых органами государственной власти².

Вот отдельные примеры мужества и героизма участковых уполномоченных. Во время интенсивного налета вражеской авиации 20 ноября 1941 г. участковый уполномоченный Г. Я. Венедиктов, получив контузию и рискуя своей жизнью, извлек из-под обломков дома № 96 по Соляному переулку девочку и военнослужащего. На следующий день он же вынес из поврежденного бомбубежища десять человек. 4 апреля 1942 г. Венедиктов извлек из-под обломков дома № 9а по Соляному переулку тяжелораненого офицера, оказал помощь и отправил в медицинские учреждения 25 человек. Такую же самоотверженность при работе в очагах поражения проявили Соколов (12 отд. милиции) и Шадронов (16 отд. милиции) и многие другие. Все они были удостоены государственных наград: Соколов — медалью «За отвагу», Шадронов — медалью «За боевые заслуги», Иванова (ОРУД — отряд регулирования уличного движения) — «За боевые заслуги», Степанов (14 отд. милиции) — орденом «Знак почета»³.

Сотрудники милиции нередко спасали и утопающих. Так, например, 12 марта 1943 г. милиционер М. Р. Прохорцев (24 отд. милиции), находясь на посту, на берегу реки Невы заметил провалившуюся в воду гражданку. Он немедленно бросился на помощь и, рискуя своей жизнью, извлек из воды уже потерявшую сознание женщину, затем отправил ее в лечебное учреждение, после чего вернулся на свой пост и оставался на нем до конца смены⁴.

Отметим, что сотрудники ленинградской милиции, несшие свою нелегкую службу в блокадном городе, снабжались продуктами на общих условиях, по рабочим карточкам. В специальном донесении на имя начальника УНКВД по ЛО П. Н. Кубаткина 11 ноября 1941 г. начальник политотдела Управления милиции г. Ленинграда В. В. Коротков сообщал, что рядовой состав милиции в это время нес службу по 14–16 ч, а командный — по 18–20 ч в сутки. От недоедания и истощения ежедневно не выходило на службу в ОРУД 55–65 чел., в отряде речной милиции — 16–20 чел. Нередко были случаи, когда на посту умирали милиционеры от дистрофии⁵.

Центральные органы государственной власти и УНКВД по Ленинградской области понимали, что успех решаемых милицией задач во многом зависел от командного состава. За опытным, волевым, авторитетным офицером милиции рядовые сотрудники всегда охотно шли на выполнение самого сложного задания.

Одной из мер, способствовавших повышению авторитета начсостава, явилось введение Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1943 г. и при-

¹ Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 6. С. 8.

² ОСФ и Р ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 102–107 (так, например, милиция г. Ленинграда только весной 1943 г. осуществляла надзор за выполнением 36 действующих нормативно-правовых актов).

³ ЦГАИПД СПб Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1417. Л. 4–5; Д. 1114. Л. 6–13. Отдельные фамилии приводятся без инициалов — авт.

⁴ ОСФ и Р ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 279, 347.

⁵ ЦГАИПД СПб Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1114. Л. 9, 13.

казом НКВД СССР № 120 от 16 февраля 1943 г. новых специальных званий для начальствующего состава милиции.

Высшему начсоставу милиции присваивались специальные звания:

- комиссар милиции I ранга;
- комиссар милиции II ранга;
- комиссар милиции III ранга.

Старшему начсоставу милиции присваивались специальные звания:

- полковник милиции;
- подполковник милиции;
- майор милиции.

Среднему начсоставу милиции присваивались специальные звания:

- капитан милиции;
- старший лейтенант милиции;
- лейтенант милиции;
- младший лейтенант милиции.

Младшему начсоставу милиции присваивались специальные звания:

- старшина милиции;
- старший сержант милиции;
- сержант милиции;
- младший сержант милиции;
- ефрейтор милиции¹.

Необходимо отметить, что в условиях блокады города Управление милиции Ленинграда разрабатывает памятку для личного и служебного поведения офицера милиции, содержание которой сводилось к следующему.

Офицер милиции:

- одно из самых почетных званий в СССР;
- прежде всего должен быть требователен к себе, строгим к своим подчиненным, вежливым, предупредительным, тактичным в обращении с гражданами;
- должен постоянно воспитывать своих подчиненных, подчеркивая при этом высокое значение звания сотрудника НКВД СССР;
- должен иметь хорошо подогнанное и исправное снаряжение и оружие и др.

Кроме того, офицеру милиции запрещалось:

- появляться в театрах, кино и других общественных местах в плохо поглаженном обмундировании, не бритым, не причесанным;
- ношение смешанной формы одежды;
- носить в карманах формы громоздкие предметы, нарушающие подтянутость, бравый вид;
- держать руки в карманах;
- появляться на улицах города и в общественных местах (кроме вокзала) с большим багажом;
- приходить без служебной необходимости в форме на рынки, базары, стоять в очереди за спиртными напитками и т. д.

И последнее, что представляется в настоящее время актуальным для стиля работы начальствующего состава. Начальник, старший (офицер милиции) не должен делать замечаний и критиковать по службе младшего по специальному званию или

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1943 г. «О званиях начальствующего состава органов НКВД и милиции» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_9.02.1943_о_званиях_начальствующего_состава_органов_НКВД_и_милиции (дата обращения: 01.10.2017); Приказ НКВД СССР № 120 от 16 февраля 1943 г. «О званиях начсостава РКМ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomstva-uniforma.ru/normakt/mil/mil120-1943.html> (дата обращения: 01.10.2017).

должности офицера в присутствии подчиненных в форме, подрывающей его авторитет¹.

Управление милиции города Ленинграда рекомендовало начальникам райотделов и строевых частей милиции УНКВД по ЛО организовать работу со своими сотрудниками по изучению памятки и практическому ее выполнению, размножить памятку и вручить ее каждому офицеру².

Также отметим, что боевая подготовка личного состава ленинградской милиции в годы войны не прерывалась. От уровня подготовки, профессионализма и компетентности сотрудников милиции зависела результативность их служебной деятельности.

Особое внимание на протяжении всей войны уделялось огневой и физической подготовке личного состава милиции.

Подтверждением тому служат итоги огневой подготовки сотрудников милиции: если в 1942 г. из 51 подразделения милиции г. Ленинграда только 27 получили отличные и хорошие оценки, 20 — удовлетворительные и четыре — неудовлетворительные, то в 1943 г. из 56 подразделений — 55 показали отличные и хорошие результаты и только одно — удовлетворительные. Лучших результатов добились сотрудники 8-го отделения милиции (начальник — майор милиции В. И. Черепанов), 27-го (начальник — капитан милиции Л. Т. Тимофеев) и др.

Более того, в 1943 г. было подготовлено 3543 стрелка различной квалификации, изучены материальная часть ротного миномета и пулемета «ДП»³, 3310 человек выполнили упражнение стрельб из ротного миномета⁴.

Дальнейшей боевой выучке сотрудников милиции способствовали организованные по инициативе комсомольской организации военные кружки в районных отделах УНКВД по ЛО. В кружках было подготовлено из числа молодежи 424 ворошиловских стрелка первой и второй ступени⁵, 232 пулеметчика, 74 снайпера, 25 минометчика и др.⁶

Активно использовалась и такая форма подготовки личного состава милиции, как учебные сборы. Так, в мае 1943 г. прошли семидневные сборы младшего начальствующего состава: старшин, помощников командиров взводов, командиров отделений, где были отработаны вопросы противохимической обороны, тактической и огневой подготовки с выполнением стрельб (для этой цели каждому из них было выдано по 120 патронов), а в июне — с молодым пополнением.

В течение недели с ними были проведены занятия по 70-часовой программе, в частности, были отработаны следующие учебные дисциплины:

- текущая политика — 4 ч;

¹ ОСФ и Р ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 99. Л. 61–63.

² Там же. Л. 69.

³ ДП (Дегтярева пехотный, индекс ГАУ- 56-Р-321 — ручной пулемет, разработанный В. А. Дегтяревым. ДП стал одним из первых образцов стрелкового оружия, созданных в СССР [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ДП_\(пулемет\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/ДП_(пулемет)) (дата обращения: 01.10.2017).

⁴ ОСФ и Р ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 15, 195.

⁵ Положение о создании звания «Ворошиловский стрелок» было утверждено 29 октября 1932 г. Президиумом Центрального Совета Осоавиахима СССР и РСФСР, а сам значок «Ворошиловский стрелок» — 29 декабря 1932 г. Происхождение названия значка «Ворошиловский стрелок»: согласно одной версии, своим названием наградной значок обязан одной истории, произошедшей с Климентом Ворошиловым на зачетных командирских стрельбах летом 1932 г. Стрелки, которые выстроились у своих мишеней после проведенных стрельб, докладывали свои результаты нарком по военным и морским делам, председателю Реввоенсовета СССР Ворошилову. У одной, совершенно новой и чистой мишени, командир посетовал на плохой револьвер. Климент Ворошилов, взяв оружие у этого командира, отошел на рубеж для стрельбы. Потом проверили результат, и оказалось, что семью выстрелами нарком выбил 59 очков. Возвращая оружие тому командиру, Ворошилов сказал: «Нет плохого оружия, есть плохие стрелки». После этого рассказ об этом случае был напечатан в окружной газете и в последующем получил большую известность.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1158. Л. 4 об.

- специальная подготовка — 52 ч;
- огневая подготовка — 10 ч,
- строевая подготовка — 4 ч.

После окончания обучения выставлялись итоговые оценки и милиционеры допускались к несению службы¹.

В период Великой Отечественной войны широкое распространение среди сотрудников милиции получило патриотическое движение — сбор личных сбережений в Фонд обороны. Только комсомольцы сдали в этот фонд 197 520 руб.²

Значительным вкладом сотрудников УНКВД по ЛО в дело обороны Родины, Ленинграда явилась их единодушная подписка на Государственные займы. Поступления по трем Государственным займам (1942–1944 гг.) составили 58,4 млн руб., за счет которых было покрыто 10,7 процентов всех военных расходов страны³.

Кроме того, они взяли шефство над 13-й стрелковой дивизией и рядом госпиталей, отправили подарков для бойцов на сумму более чем 100 тыс. руб., пять библиотек, собрали для детей фронтовиков 87 тыс. руб., а также более 2 тыс. книг для жителей освобожденных районов Ленинградской области⁴.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на невероятно тяжелые условия Великой Отечественной войны, личный состав милиции города-героя с честью и достоинством выполнил свой профессиональный и гражданский долг.

Патриотизм, проявленный сотрудниками ленинградской милиции, был заслуженно отмечен Государственным Комитетом Обороны. В телеграмме И. В. Сталина, присланной в Ленинград, им объявлялась благодарность⁵.

Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1944 г. ленинградская милиция была награждена боевым орденом Красного Знамени, 242 человека отмечены орденами и медалями, до этого (1941–1943 гг.) 96 сотрудников милиции удостоились высших государственных наград, а весь личный состав — медали «За оборону Ленинграда»⁶, свыше 300 комсомольцев поощрены начальниками Управления милиции и НКВД, шесть — Ленсоветом, 36 награждены Почетными грамотами и более 800 объявлены благодарности⁷.

«Испытания, которые пришлось пережить ленинградцам, кроме советских людей, никто, пожалуй бы, не выдержал — говорил Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. — Жители города Ленина проявили величайшее мужество и стойкость» [1, с. 182–183].

26 января 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Ленинград был награжден орденом Ленина «за выдающиеся заслуги трудящихся Ленинграда перед Родиной, за мужество и героизм, дисциплину и стойкость, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в трудных условиях вражеской блокады...»⁸.

В ознаменование 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне Президиум Верховного Совета СССР 8 мая 1965 г. издал Указ «О вручении городу-герою Ленинграду медали «Золотая Звезда»⁹.

¹ ОСФ и Р ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 124–126.

² Подсчитано авт. по: ЦГАИПД СПб Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1114. Л. 9 об.

³ Подсчитано авт. по: Наркомвнуделец. 1944. 22 апреля, 13 мая.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1114. Л. 12 об.–13.

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1114. Л. 13.

⁶ *Аверкиев И.* Краснознаменная милиция города Ленина // Наркомвнуделец. 1944. 19 августа.

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1114. Л. 9, 13.

⁸ О награждении города Ленинграда орденом Ленина: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1945 г. // Пропаганда и агитация. 1945. № 2. С. 1.

⁹ О вручении городу-герою Ленинграду медали «Золотая звезда»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. №19. Ст. 269. С. 436; Правда. 1965. 9 мая.

В современных условиях сотрудники российской полиции продолжают традиции ветеранов, которые безупречными профессиональными и личными качествами, всей своей жизнью задали высочайшую планку служения Родине, как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин, поздравляя 10 ноября 2017 г. личный состав и ветеранов органов внутренних дел Российской Федерации с профессиональным праздником¹.

Литература

1. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. М. : Изд-во АПН, 1986. Т. 2.

Об авторе:

Гриднев Валерий Павлович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор, valerijgridnev@yandex.ru

References

1. Zhukov G. K. Memoirs and reflections: in 3 v. M. : APN publishing house, 1986. V. 2. (In rus)

About the author

Valery P. Gridnev, Professor of Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor, valerijgridnev@yandex.ru

¹ Путин В. В. поздравил сотрудников ОВД с профессиональным праздником [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4717233> (дата обращения: 10.11.2017).

Политическая оценка Октябрьского переворота 1917 года как начальный этап становления культа личности Сталина в эпоху пролетарской диктатуры

Ежов М. В.¹, Ежова Г. В.², Кудряшов В. С.^{2*}

¹Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

*kudvad88@yandex

РЕФЕРАТ

Вопрос об исходной точке восхождения И. В. Сталина к единоличной власти до сих пор является ключевым в историографии Октябрьского переворота 1917 г., оказавшего большое влияние на формирование И. В. Сталина как политика. Революция воспитала в нем целеустремленность, волю к победе, стремление не дать переиграть себя политическому противнику. Его роль в восстании весьма скромна. Но от выступления к выступлению на страницах советских средств массовой информации Сталин все более отчетливо подчеркивал свою близость к руководителю революции — В. И. Ленину, что было важно для создания образа одного из руководителей вооруженного восстания. Таким образом, восхождение к единоличной власти началось еще до 1921 г., когда Сталин стал Генеральным секретарем РКП(б).

Ключевые слова: вооруженное восстание, Октябрьский переворот, диктатура пролетариата, сталинизм, внутрипартийная борьба, национальная политика, мировая революция, классовая борьба, народный комиссариат, диктатура личности

Political Assessment of the October Revolution of 1917 as an Initial Stage in the Formation of the Personality Cult of Stalin in the Era of Proletarian Dictatorship

Ezhov M. V.^a, Ezhova G. V.^b, Kudryashov V. S.^{b*}

^aSaint-Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and law, Saint-Petersburg, Russian Federation

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

* kudvad88@yandex

ABSTRACT

The question of the starting point of the ascent of I.V. Stalin to unified authority is still the key in the historiography of the October Revolution of 1917, which had a great influence on the formation of I.V. Stalin as a politician. The revolution has fostered in him a sense of purpose, a will to win, a desire not to overturn a political opponent. His role in the uprising is very modest. But from the speech to the speech on the pages of the Soviet mass media, Stalin more and more clearly emphasized his closeness to the leader of the revolution — V.I. Lenin, which was important for creating the image of one of the leaders of the armed uprising. Thus, the ascent to individual power began even before 1921, when Stalin became Secretary-General of the RCP (B).

Keywords: armed uprising, October revolution, dictatorship of the proletariat, Stalinism, inner-party struggle, national policy, world revolution, class struggle, people's commissariat, personality dictatorship

Октябрьская революция 1917 г. — важнейшее событие отечественной и мировой истории. Подготовленная партией большевиков, она стала началом не только диктатуры пролетариата — класса, пришедшего к власти, но и началом борьбы внутри самой партии за утверждение власти, а затем и диктатуры личности Сталина.

Традиционно принято считать, что пост Генерального секретаря РКП(б), который Иосиф Виссарионович занял после X партийного съезда, открыл ему дорогу к власти, позволив в 1929 г. стать настоящим красным диктатором в СССР. Однако не стоит забывать о том, что на этом пути у Сталина было немало конкурентов с такими же авторитарными наклонностями. И на первое место необходимо поставить одного из действительных руководителей восстания в Петрограде Л. Д. Троцкого. Если В. И. Ленин разработал план восстания, то Л. Д. Троцкий приложил наибольшие усилия для его претворения в жизнь.

Тем не менее в борьбе за власть каждый из претендентов на лидерство использовал мотив важнейшей собственной роли в проведении Петроградского вооруженного восстания и наибольшей личной близости к лидеру большевистской партии В. И. Ленину. Конечно, доказательство особой приближенности к вождю пролетарской революции было в первую очередь адресовано молодежи, которую каждый из претендентов на власть стремился склонить на свою сторону. О том, что на самом деле происходило в большевистской верхушке рядовым коммунистам и комсомольцам, советским людям представители партийной элиты рассказывали со значительным завышением собственной значимости и принижением революционных заслуг своих конкурентов. Сам Ленин, хоть и разработал план восстания, но до последнего момента, выполняя решение партии, был вынужден скрываться на квартире у большевички М. В. Фофановой. В Смольный, где его с нетерпением ожидали товарищи, в том числе Троцкий, он прибыл лишь поздним вечером 24 октября.

Позднее каждый из участников восстания напишет свое повествование об октябрьских днях 1917 г., подчеркивая собственную роль в его осуществлении. И. В. Сталин так же не окажется чужд подобному творчеству. В первую годовщину Октября, 6 ноября 1918 г. на страницах главной большевистской газеты «Правда» появился его короткий рассказ «Октябрьский переворот. (24 и 25 октября 1917 г. в Петрограде)». В повествовательной форме в нем были изложены основные события и факты восстания. Примечательно, что это скромное повествование уже было составлено с определенной долей лукавства. Отмечая, что вдохновителем переворота был ЦК партии во главе с товарищем Лениным, он указывает, что Владимир Ильич жил тогда на конспиративной квартире в Петрограде, на Выборгской стороне. Вечером 24 октября он был вызван в Смольный для руководства восстанием. Сам собой напрашивается вопрос: кем он был вызван, и кто принял решение о начале восстания, руководить которым Ленин и был приглашен? [4, с. 154]. Известно, что никто Ленина в Смольный не вызывал, по решению ЦК РСДРП (б) он должен был скрываться от полиции до специального решения партии. Порыв идти в Смольный был вызван сообщением его связанного Эйна Рахья о том, что восстание в Петрограде уже началось [2, с. 387–388]. Путь в штаб революции оказался долгим и опасным вследствие того, что Временное правительство ввело в Петрограде чрезвычайное военное положение. Весь город патрулировали кадеты, юнкера, казацки разъезды. Часть пути Ленин и Рахья проделали отдельно, и маршрут Ленина до сих пор достоверно неизвестен. Несомненно, что в штаб революции Ленин прибыл в разгар революционного восстания. В Смольном Ленина уже ожидал Л. Д. Троцкий, который до этого момента фактически и выполнял роль единоличного координатора событий. Промедление в поездке в Смольный означало бы, что Ленин прибыл бы в штаб революции позднее, и как развивались бы события в дальнейшем можно было бы только догадываться. Этот эпизод, по-своему рассказанный Сталиным, должен был

высветить именно роль Ленина как решающего руководителя вооруженного восстания в Петрограде. В публикации практически отсутствуют имена: сыграв в восстании более чем скромную роль, И. В. Сталин пока высвечивает лишь одного его героя: В. И. Ленина. Однако именно то, что он рассказывает о восстании, должно было подчеркнуть его осведомленность в событиях 24–25 октября и в действиях Ленина, скрывавшегося от полиции, но, вместе с тем, нарушившего партийную дисциплину во имя возможности руководить вооруженным восстанием.

Объективности ради отметим, что почти сразу у Сталина появился мощный политический оппонент, стремившийся вообще вычеркнуть его имя из истории Октябрьского переворота — Л. Д. Троцкий. В своей книге «Уроки Октября», опубликованной в 1924 г., он вообще не упоминает Сталина среди участников вооруженного восстания. Справедливо ли это? 10 октября 1917 года на заседании ЦК партии большевиков для руководства подготовкой вооруженного восстания по предложению В. И. Ленина было избрано Политбюро ЦК, в которое вошли Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов.

16 октября 1917 г. на расширенном заседании ЦК в помещении Лесновско-Удельнинской районной думы, председателем которой был М. И. Калинин, с осуждением идеи восстания выступили Зиновьев и Каменев. Сталин примкнул к той части большевистского ЦК, которая критиковала каменевско-зиновьевскую позицию. Сталинская позиция может быть охарактеризована как позиция «осторожной критики», так как Иосиф Виссарионович настаивал на осторожности в ведении этой дискуссии с целью сохранения единства партии перед лицом решающей схватки с Временным правительством.

Тогда же на отдельном заседании ЦК был избран Военно-революционный центр, в который вошли Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. В его состав вошел созданный на пленарном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Военно-революционный комитет [2, с. 382–383].

Безусловно, Сталина нельзя было не заметить в общей картине подготовки Октябрьского переворота в Петрограде. Но также ее нельзя и преувеличивать. Преувеличение в период расцвета культа личности Сталина зашло весьма далеко. Например, в биографической хронике третьего тома его собраний сочинений, вышедшего в 1946 году, отмечалось: 24–25 октября В. И. Ленин и И. В. Сталин руководят Октябрьским вооруженным восстанием [4, с. 423].

Если же говорить об уроках, которые Сталин извлек из этой ситуации, то они очень серьезны. Придя к власти, он как политик, под лозунгом соблюдения единства партии не допускал присутствия противников ее генеральной линии и колеблющихся в ЦК партии.

Следующая «юбилейная», весьма объемная статья Сталина «Октябрьский переворот и национальный вопрос» была опубликована в двух номерах газеты «Правда» — № 241 и № 250 1918 г. Начиная статью со скромного утверждения, что национальный вопрос нельзя отнести к чему-либо самодовлеющему, автор завершает ее утверждением, что именно решение национального вопроса в многонациональной России наполняет «неопишуемым энтузиазмом» отношение международного сообщества трудящихся стран Востока и Запада к российскому пролетариату. Действительно, нельзя недооценивать значение национального вопроса для страны, на территории которой проживало более ста наций и народностей. Тем более, что именно Сталин, как знаток жизни национальных окраин и нравов их населения, был назначен Вторым съездом Советов Народным комиссаром по делам национальностей. Сталин рассматривает вопрос об освобождении от национального гнета в связи с участием трудящихся всех национальностей за социализм против национальных буржуазных советов и правительств, созданных в ряде областей еще до Октябрьского переворота (Дон, Кубань, Сибирь). Помимо этих буржуазных националистических советов

и правительств, отмечает он, существовали еще национальные рабочие и крестьяне, создавшие свои революционные Совдепы по образцу Совдепов в центре России, и никогда не разрывавшие своих связей со своими братьями на севере [4, с. 155–167]. Несомненно, такая глубокая картина взаимосвязи борьбы всех национальных отрядов рабочего класса и крестьянства за социализм была правомочна. Такая полномасштабная картина борьбы еще больше возвышала роль Сталина как первого комиссара по делам национальностей и как одного из координаторов действий многонационального отряда революционеров.

Однако для понимания логики восхождения к власти оценка вклада Сталина в дело революции не столь важна. Куда более значимым является вопрос о том, какое влияние на Сталина оказала революция, и как он далее разыгрывает карту Петроградского вооруженного восстания.

Сталин признавал, что многому он научился у Ленина в период революции. Даже признавать свои ошибки (!) [3, с. 316].

В своей речи на собрании в Московском комитете РКП (б) по поводу 50-летия со дня рождения В.И. Ленина 23 апреля 1920 г. Сталин отметил, что кроме него еще никто не отметил характерное для «великана русской революции» умение и мужество признавать свои ошибки. Как пример он привел эпизод из истории событий в Петрограде в сентябре 1917 г. Тогда было создано Демократическое совещание, меньшевики и эсеры строили новое учреждение — Предпарламент, которое должно было подготовить переход от Советов к Учредительному собранию. Тогда, сказал Сталин, «у нас в ЦК в Петрограде» было решено не разгонять Демократическое совещание и идти вперед по пути укрепления власти Советов, созвать съезд Советов, начать восстание и объявить съезд Советов органом государственной власти. По утверждению Сталина, находившийся в Петрограде в подполье Ильич не согласился с позицией ЦК и требовал немедленно разогнать и арестовать Демократическое совещание.

Далее Сталин позиционировал Ленина как одинокого оппозиционера, единственного, придерживающегося данной точки зрения. Себя самого — как представителя некоего реалистически мыслящего большинства. «Нам казалось, что дело обстоит не так просто...», «мы знали, что Демократическое совещание... в третьей своей части состоит из делегатов фронта», «нам казалось, что нам, практикам виднее...» и разгоном совещания мы можем только испортить дело и ухудшить отношения с фронтом, — говорил он. Ильич настаивал на своей точке зрения и требовал «взять быка за рога». «Мы же, практики, считали, что не выгодно было тогда так действовать...Несмотря на все требования Ильича, мы не послушались его, пошли дальше по пути укрепления Советов и довели дело до съезда Советов 25 октября, до успешного восстания», — говорил Сталин. Ленин был в то время в Петрограде. Улыбаясь и хитро глядя на сподвижников, он им сказал: «Да, вы, пожалуй, были правы». Эти слова поразили Сталина. Товарищ Ленин, заявил он, не боялся признать свои ошибки.

Передерживание фактов не вызывает сомнения. Автору идеи и плана вооруженного восстания в Петрограде Сталин отказывает в приоритете этой идеи. Ему он противопоставляет некое сообщество «практиков» (а Ленин — только теоретик, долгое время оторванный от российских реалий и приехавший из швейцарского рая?), которое якобы не по воле Ленина, а вопреки ему вело партию большевиков к вооруженному восстанию.

За скобками остается вопрос о доминировании самого Сталина в группе, готовившей вооруженное восстание в Петрограде, ибо начинает он свое повествование с того, что больше никто из участников собрания, посвященного 50-летию Ленина, об этом эпизоде рассказать не осмелился [3, с. 316–318].

Примечательным документом является выступление И.В. Сталина на заседании Бакинского Совета 6 ноября 1920 г. «Три года пролетарской диктатуры». Скупой на

слова и обладавший весьма скромным ораторским даром, Сталин представляет революцию не как явление, а как процесс, состоящий из трех периодов — первого: периода подготовки и проведения восстания; второго: периода Гражданской войны и иностранной военной интервенции и третьего: периода современного перехода от Гражданской войны к хозяйственной жизни, должествующего превратить Советскую Россию в самую мощную державу мира. Есть в статье и весьма интересный раздел — «Перспективы».

В первом разделе, давая характеристику этапа подготовки вооруженного восстания, Сталин отметил скромную численность большевистской партии — «маленькой кучки большевиков», решившей взять власть в свои руки и передать ее собравшемуся тогда второму съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Справедливо автор отмечает, что в тот момент «многие на нас смотрели, в лучшем случае, как на чудаков, в худшем — как на агентов германского империализма» [4, с. 383]. Вероятно, это был намек на то, что Временное правительство объявило германскими шпионами большевиков, вернувшихся в апреле 1917 г. с разрешения Германии и ее материальной помощи, в спецвагонах, пользовавшихся правом экстерриториальности. Сам Сталин находился в России, и к числу шпионов не принадлежал.

Далее, в разделе «Перспективы», обозревая прошлое советской власти, Сталин вспоминал «вечер 1917 г., 25 октября... когда мы, маленькая группа большевиков, во главе с товарищем Лениным... имея в своем распоряжении всего-навсего маленькую, не вполне еще сколоченную коммунистическую партию... сняв с власти представителей буржуазии, передали власть второму съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов...».

Конечно, слушателю становилось ясно, что именно докладчик был ближе всех к Ленину и многим рисковал в своей революционной борьбе. По сути, два участника вооруженного восстания были таким образом персонифицированы — Ленин и Сталин.

Далее, идя к власти, в 1920–1930-е годы, Сталин из истории революции вычеркивает целый ряд имен, запрещая их даже упоминать. Исследуемое нами время 1918–1920 гг. — это период от его первых оценок Петроградского вооруженного восстания Октября 1917 г., и от глубокой откровенной фальсификации событий Октября 1917 года, Сталина отделяют несколько лет.

Так, Октябрь 1917 г. оказал решающее воздействие на политическую биографию Сталина и формирование качеств, сделавших его впоследствии красным диктатором. По признанию самого Сталина, близость к Ленину он использовал для того, чтобы учиться. Ленин не был пророком революции, он мог ошибаться в своих прогнозах событий. Но из каждой ситуации он извлекал необходимые уроки. И важнейшими уроками для Сталина стали ленинская целеустремленность и умение сконцентрироваться на осуществлении главного замысла, направив все усилия на осуществление своей цели; непоколебимая уверенность в своей правоте и решимость одержать победу над сильнейшим противником.

По образному выражению английского историка, Сталин пришел к власти в результате настоящей революции. Однако не он вершил эту революцию и не он создал партию, осуществившую ее. Основной фигурой этих процессов был Ленин. Поэтому Сталин страдал комплексом преодоления величия своего предшественника, и это составляло важнейшие моменты его жизни и деятельности [1, с. 83].

Если говорить о дальнейшем развитии данной темы, можно отметить: Климент Ефремович Ворошилов, в дни Октября 1917 г. бывший комиссаром Петроградского военно-революционного комитета (по градоначальству) в своем выступлении в сборнике, посвященном 60-летию со дня рождения И. В. Сталина, так характеризовал его роль в вооруженном восстании: «Вместе с Лениным Сталин подготовил с исключи-

тельной четкостью, твердой рукой Октябрьский вооруженный штурм и непосредственно руководил всеми операциями великого переворота...». Иная точка зрения уже не предусматривалась [5, с. 34].

Литература

1. Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск : Русич, 1994.
2. Владимир Ильич Ленин. Биография. Издание шестое. М. : Изд-во политической литературы, 1981.
3. Сталин И. В. Речь на собрании в Московском комитете РКП (б) по поводу 50-летия со дня рождения В.И. Ленина. 23 апреля 1920 года // 50-летие Владимира Ильича Ульянова-Ленина. М. : ОГИЗ, 1920.
4. Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1947.
5. Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М. : Правда, 1940.

Об авторах:

Ежов Михаил Викторович, Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права (Санкт-Петербург, Российская Федерация), проректор по научной работе, доктор исторических наук, petrosovet@mail.com

Ежова Галина Васильевна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, galae-jova@gmail.com

Кудряшов Вадим Сергеевич, доцент кафедры экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, kudvad88@yandex.ru

References

1. Bullock A. Hitler and Stalin. Life and power. Smolensk : Rusich, 1994. (In rus)
2. Vladimir Ilyich Lenin. Biography. Edition sixth. M. : Publishing house of political literature, 1981. (In rus)
3. Stalin I. V. The speech at a meeting in the Moscow committee of RCP(b) concerning the 50 anniversary since the birth of V. I. Lenin. On April 23, 1920 // Vladimir Ilyich Ulyanov-Lenin's 50th anniversary. M. : OGIZ, 1920. (In rus)
4. Stalin I. V. Compositions. V. 4. M. : OGIZ, 1947. (In rus)
5. Stalin. To the sixtieth anniversary since birth. M. : Truth, 1940. (In rus)

About the authors:

Mikhail V. Ezhov, Saint-Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and law (Saint-Petersburg, Russian Federation), Vice-Rector on Scientific Work, Doctor of Science (History); Professor, petrosovet@mail.com

Galina V. Ezhova, Professor of Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); galae-jova@gmail.com

Vadim S. Kudryashov, Associate Professor of Chair of Economics and Finance of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; kudvad88@yandex

История российской театральной журналистики XVIII — начала XIX вв. и журнал «Драматический вестник»

Лыткина Л. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, lvytkina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию этапов развития российской театральной периодики XVIII — начала XIX вв., истории создания журнала «Драматический вестник», его форматным и жанровым характеристикам.

Ключевые слова: журнал, театр, формат, жанр, медиатекст

History of the Russian Theatrical Journalism in XVIII — begining of XIX centuries and the Journal “Drama Vestnik”

Lytkina L. V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation, lvytkina@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to a research of stages of development of the Russian theatrical periodical press during XVIII — the beginning of the XIX centuries, stories of creation of the journal “Drama Vestnik”, to its format and genre characteristics.

Keywords: magazine, theatre, format, genre, media text

Актуальность предпринятого исследования видится в недостаточной разработанности вопроса о путях формирования и эволюции российских специализированных, в том числе и театральных журналов.

Суждения об этапах становления русской театральной периодики мы обнаруживаем в исследованиях по истории отечественной журналистики А. В. Запалова, Б. И. Есина, Л. П. Громовой, А. А. Ивина и др. [9, 10, 12–14]. Российская театральная протожурналистика и первые театральные журналы получили оценки в работах театроведов [12, 15–17]. История национальной театральной журналистики освещена в диссертации В. Борзенко «Российская театральная журналистика 1808–1990-х годов: историко-типологическое исследование» (2008). Оценкам первого российского театрального журнала посвящены работы С. Бабинцева [2, с. 12–34], А. Измайлова [12], Д. Королева [15] и др.

На сегодняшний день нет исследования, в котором бы, во-первых, была прослежена эволюция русского театрального журнала XVIII — нач. XIX вв.; во-вторых, специально рассматривались формат и жанровые особенности первого российского театрального журнала «Драматический вестник».

«Драматический вестник» (1808), создававшийся людьми творческими, не обошел вниманием первые опыты российских театральных журналистов. Большинство из них сами были актерами или драматургами. Это помогло им верно осмыслить процессы, происходившие в русском театре конца XVIII — нач. XIX вв.

Поэтому представляется значимым обратиться к историческому аспекту российского театрального дела и ранней периодике об отечественном театре.

В 1672 г. специальным Указом царя Алексея Михайловича был создан придворный театр. Затем появляются публичный театр на Красной площади, театры — балаганы, школьные театры в Москве. Вскоре открываются первые провинциальные театры в Казани, Ярославле, Иркутске, Пензе, Саратове, Воронеже и других городах [4].

При Петре I актеры из подъячих и посадских людей обучались сценическому искусству у Иоганна Христиана Куншта, а затем, с 1703 г. — у Артемия Фиршта. Их называли «ученики-комедианты» [22].

Но в 1707 г., по утверждению исследователя русского театра С. Светлова, собственно русский театр прекратился. Возродится он смог лишь через 50 лет, в царствование императрицы Елизаветы Петровны. Произошло это в стенах кадетского шляхетного корпуса. Именно оттуда вышли первые русские актеры Федор и Григорий Григорьевичи Волковы, Иван Афанасьевич Дмитревский, Попов и др. Кроме них в труппу вошли несколько человек из молодых придворных певчих, «спавших с голоса» [22, с. 30–40].

В 1756 г. был издан царский указ об организации «Императорского профессионального русского театра». В 1760-е годы в России появляется еще ряд документов о театре.

Через 20 лет, в 1783 г., была основана театральная школа, позднее переименованная в театральное училище. Оно располагалось в Санкт-Петербурге между Миллионной и Мойкой, около Зимнего Дворца. В училище впервые был составлен план обучения русских актеров. В нем получили актерскую профессию 64 ученика и ученицы.

Театральное училище окончили и стали известными актерами Мария и Настасья Айвазовы, Яков Степанович Воробьев, Андрей Дмитриевич Каратыгин (отец Василия и Петра Андреевичей Каратыгиных), Елизавета Семеновна Сандунова, Лукьян Камушков, Василий Шарапов и др.

Организационная деятельность российского правительства по созданию национального театра подвела к необходимости предоставления публике театральной информации.

Как указывает В. Борзенко, первая театральная публикация появилась в 1729 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях». По жанру это была заметка, содержащая превентивную информацию («При сем чинится известно, что здешние французские комедианты заутро, то есть в среду 17 дня сего месяца, ради щастливого рождения тамошнего Принца безденежно играть будут») и краткий анонс спектакля («Во оной комедии будут представлены ле Педан скрупулез, или совестливый школьный мастер, а по комедии будет представлен обманутый охотник»)¹.

В 1730–40-х годах в «Примечании на Ведомости» — первом российском научно-просветительском издании — появилось несколько публикаций о русском театре, например, «О позоришных играх, или Комедиях и трагедиях»².

Во второй половине XVIII в. в сериальных изданиях России начали появляться публикации универсального театрального содержания. Как отмечает Д. Г. Королев, они «отличались редакционной программой и выходящими за узкие производственные рамки творческими планами» [15, с. 19].

В октябре 1784 г. актер Петербургского немецкого театра Р. Зауервейде получает разрешение на издание театрального органа на немецком языке «Russische Theatralen» («Русский театрал»). Р. Зауервейде, проживший в России более 20 лет,

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1729. № 74.

² Примечания на «Ведомости». 1773. Ч. 44–46.

исполняя на театре роли простаков и комических стариков, задумал издавать журнал для немецкого читателя в России и Германии¹.

Д. Королев в 1999 г. высказал предположение, что это повременное издание возникло не без поддержки Екатерины II.

Журнал «Русский театрал» имел серебристую обложку и состоял из 8 отделов: театрално-официальный, драматический, теоретический, исторический, общий обзор деятельности четырех театральных трупп немецкого театра, корреспонденции, театральной смеси, организационных недостатков театральных предприятий [15, с. 19].

В теоретическом отделе речь шла, в частности, о понятии «комедиант»; в историческом — представлялась история немецкого театра в России.

Редактор-издатель планировал выпускать по одной книжке журнала ежемесячно, а три выпуска составили бы том. Но журнал расходился плохо и в России, и в Германии. Поэтому вышло всего три номера.

Исследователи ранней русской театралной журналистики А. Сиротинин², Э. Баскин [3, с. 145], Р. Данилевский [8, с. 76–78] именно это издание считали первым российским театральным журналом.

Аргументы ученых достаточно убедительны. Но все же признать «Российский театрал» первым специализированным театральным изданием для России едва ли возможно.

«Русский театрал» сделал попытку осветить лишь крошечный сегмент культурной жизни России второй половины XVIII в., кратко рассказав историю немецких театральных трупп в Петербурге.

Кроме того, отечественный читатель практически не имел доступа к изданию (основную часть тиража предполагалось распространять за рубежом).

Последнее десятилетие XVIII в. — период переломный для России. В это время происходит формирование новой концепции искусства и его восприятия. Театр становится знаковой частью общества. В литературе доминируют драматургические жанры.

В 1787 г. впервые в России был опубликован «Драматический словарь».

К предшественникам российского собственно театрального журнала следует отнести многотомное издание, выходившее в 1786–1791 и 1793–1797 гг. при Академии наук и под наблюдением Е.Р. Дашковой. Это был сборник «Российский феатр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений».

Современный исследователь истории русской журналистики А. Ивин так пишет о цели издания: «...собрать воедино как печатные, так и оставшиеся в рукописях театральные пьесы» [10, с. 109].

Своеобразный репертуарный сборник выходил ежеквартально, публиковал пьесы М. Ломоносова, В. Тредиаковского, М.Хераскова, А.Аблесимова, А.Сумарокова, Я. Княжнина, И. Клушина. Издание имело 43 части; было опубликовано 175 оригинальных и переводных пьес.

В традициях сборника «Российский феатр» в Москве в 1790 г. было подготовлено к изданию «Собрание некоторых сочинений, с успехом представленных на Московском Публичном театре» [4], а также журнал «Театральный собеседник» (1804) [10].

Одним из первых российских журналов европейского типа стал «Московский журнал» Н.М. Карамзина. В 1791–92 гг. издание имело раздел «Известия о театральных пьесах».

Заслуживает упоминания и журнал «Зритель», выходивший в Санкт-Петербурге с февраля по декабрь 1792 г. Участником издания был актер, режиссер, перевод-

¹ Russische Theatralen. 1784. № 1.

² Сиротинин А. Первый театральные журналы в России // Артист. 1890. № 7. С. 44–47.

чик, театральный деятель И. А. Дмитревский. Он входил в труппу первого постоянного публичного театра под руководством А. П. Сумарокова. Активным автором «Зрителя» был Александр Иванович Клушин — критик, театральный деятель и писатель. Петр Андреевич Плавильщиков — известный петербургский актер, драматург, режиссер публиковал в «Зрителе» статьи о театре. Они, по мнению Б. Асеева, могут быть определены как декларация прав русского национального театра [1, с. 324].

В это же время И. А. Дмитревский пишет историю русского театра. И. Крылов в «Почте духов» практически во всех письмах к Маликульмульку говорит о современном ему театре.

К прообразам русской театральной периодики В. Борзенко относит и афиши. С 1792 г. они печатались в типографии императорских театров и рассылались подписчикам. Афиши представляли собой анонс — вид заметки, извещавшей о предстоящих спектаклях с указанием действующих лиц и исполнителей [4]. Таким был начальный этап российской прототеатральной журналистики.

Второй этап — журналистика Александровской эпохи была, как отмечал Н. К. Пиксанов, не весьма высокого качества [18, с. 45]. Развитие ее направлял «Устав о цензуре», подготовленный Министерством народного просвещения и вступившим в силу 9 июля 1804 г.

В «Отделении I. О цензуре вообще» п. 10 гласил: «...рукописные пьесы, представляемые на всех, не исключая и придворных, театрах, как в столицах, так и в других городах, до представления оных, рассматриваются Цензурными Комитетами, а где нет Комитетов, Директорами народных училищ, под надзором местного начальства» [21, с. 97]. Этим пунктом регламентировалась возможность публикации репертуарных сборников пьес. Их выход был затруднен.

Специальный раздел «Устава о цензуре» был отведен театральным афишам (п. 11): «Рассмотрение и позволение к напечатанию театральных афишек и подобных тому объявлений и известий, зависит от гражданского начальства» [21, с. 97].

В 1811 г. было учреждено Министерство полиции, которому и была теперь предписана «цензура новых театральных сочинений, отдельных ежедневных листов, содержащих какие-либо частные или публичные объявления (афиши)» [21, с. 110].

Цензурные ограничения, хотя и затрудняли выход театральной периодики, все же не были призваны остановить ее развитие. Большинство литературно-художественных журналов 1810-х годов («Вестник Европы» Н. М. Карамзина, «Московский Меркурий» П. И. Шаликова, «Периодическое издание» В. В. Попугаева, «Северный вестник» И. И. Мартынова, «Корифей, или Ключ литературы», «Московский зритель», «Патриот») отдавало свои страницы театральной тематике. Так постепенно в российском обществе рос интерес к истории и теории театра.

Первые годы царствования Александра I были временем, наполненным «конституционными разговорами, проектами, даже государственными актами» [9, с. 51].

Атмосфера ожидания реформ нашла выражение в обращении театра к новым темам, новым героям, поискам оригинальных художественных средств. Это было время становления российской театральной критики — теоретичной, тяготеющей к обобщениям, актуальной.

Первыми серьезными критиками театра начала XIX в. были Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, А. Беницкий, А. И. Тургенев, Н. Брусилов. Писатели и драматурги сами стремились к объективной оценке театральных постановок (Н. Ильин, Л. Невахович, Ф. Иванов, А. Писарев, А. Шаховской, К. Батюшков, В. Жуковский, В. Измайлов, А. Измайлов, Г. Державин).

Одной из бытовавших в то время форм организации дружеских литературных обществ были Вольные общества и кружки. С 1801 г. в Санкт-Петербурге существовало Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (первоначаль-

чальное название «Дружеское общество любителей изящного»). За ним появились и другие: «Вольное общество соревнователей просвещения и благотворения», «Вольное общество любителей российской словесности», «Беседа любителей русского слова».

Активностью в обсуждении театральных событий отличались кружки «Дружеское литературное общество», «Пятницы» А. Башуцкого, «Вечера» Г. Р. Державина, «Субботы» В. Жуковского. Несколько позднее появляются литературные вечера у Ф. Иванова и Ф. Кокошина, литературное общество «Арзамас».

Существовал в Петербурге и кружок театралов — завсегдадаев, или «Оленинский кружок». Он получил название «Общество любителей словесности, наук и театра». Кружок собирался у А. Н. Оленина. Активными его участниками были И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, П. И. Катенин, А. А. Жандр и др. На заседаниях кружка и возникла идея выпускать повременное издание о театре. Так в 1808 г. появился журнал «Драматический вестник». Главным редактором стал князь А. А. Шаховской.

Современники оставили воспоминания и о знаменитом «чердаке» Шаховского, месте, где собирались актеры, писатели, журналисты. Здесь формировались театральные концепции, которые затем излагались на страницах «Драматического вестника» [17, с. 66].

Исследованию первого российского театрального журнала посвящены десятки работ. Так, Н. И. Полевой в «Очерках русской литературы» (1839) лишь упоминает о «Драматическом вестнике» [19].

Е. С. Некрасова в статье «Первый русский журнал, посвященный театру», сообщает историю создания журнала, дает общую характеристику содержания¹.

А. А. Измайлов отмечает место «Драматического вестника» в эволюции российской театральной журналистики [12, с. 24–26].

В словарной статье «Драматический вестник», помещенной в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона говорится следующее: «Драматический вестник» — журнал посвящен театру и издавался в СПб в 1808 г., еженедельно, предпринят был кн. А. А. Шаховским при сотрудничестве А. А. Писарева, Д. И. Языкова, И. А. Крылова. Журнал издавался с целью составить оппозицию, с одной стороны, немецкому влиянию, выразившемуся в успехе на сцене так называемой мещанской трагедии или драмы, с другой стороны — сентиментализму, который в лице Озерова проник в классическую трагедию. «Драматический вестник» напоминал псевдоклассический устав, печатал избранные места из французских теоретиков, преимущественно Вольтера. Положительная заслуга журнала в том, что он развил театральную критику².

Более богатой фактами оказалась словарная статья о «Драматическом вестнике» в «Театральной энциклопедии». В частности, было уточнено количество вышедших номеров журнала; сообщалось о ежемесячных «Прибавлениях, относящихся до наук, словесности и художеств вообще»; о жанровой специфике издания (статьи, заметки, хроника)³.

Из наиболее значимых работ советских и российских исследователей журнала следует упомянуть имена В. Е. Вишневого [6], С. М. Бабинцева [2, с. 257–268], И. П. Смирнова-Сокольского [23, с. 225, 226, 228, 282], А. А. Гозенпуда [7], Г. А. Лапкиной [16], А. Я. Альтшуллера [17], Д. Г. Королева [15], В. В. Борзенко [5] и др.

Характеристику «Драматическому вестнику» мы находим и в учебной литературе по истории русской журналистики XIX в. [9; 11; 13; 14].

¹ Некрасова Е. Первый русский журнал, посвященный театру // Артист. 1890. Кн. 6. С. 24–33.

² Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907. Т. 2. С. 102.

³ Театральная энциклопедия. М., 1961–1967. Т. 2. Стб. 521.

В 2000 г. Российская национальная библиотека начала выпуск многотомного «Сводного каталога сериальных изданий России», поместив во 2-м томе роспись содержания журнала «Драматический вестник».

Итак, первый российский театральный журнал «Драматический вестник» исследовали историки журналистики, литературоведы, театроведы. Благодаря их изысканиям стала известна история создания журнала; цели и задачи редакции; структура журнала; идейно-эстетическая направленность публикаций; раскрыты имена авторов статей, помещенных в журнале анонимно или под криптонимами; охарактеризована деятельность главного редактора издания — кн. А. А. Шаховского — «драматурга, теоретика и театрального чиновника» (А. Гозенпуд); определено место и роль «Драматического вестника» в эволюции российской специализированной (театральной) периодики.

Но на сегодняшний день недостаточно разработанными остаются проблемы, связанные с форматом журнала и жанровой спецификой «Драматического вестника». О рецензии, статье, хронике упоминается в «Театральной энциклопедии». Глубокий анализ содержания публикаций А. Шаховского дает Г. Лапкина, называя их статьями.

В «Очерках истории русской театральной критики. Конец XVIII — первая половина XIX в.» (1975) вопросы жанра затрагиваются в самом общем виде: есть заявки к «разбору пьесы», «суждениях» или «статье», рецензии, «общих проблемах актерского творчества», «анекдотах» или «рассказах об актерам», заметках.

Д. Королев по-своему обращается к жанровой проблеме «Драматического вестника». Исследователь отмечает: «В публикациях, непосредственно касавшихся театра, журнал давал материал трех типов: информационно-исторические, рецензионные, теоретические» [15, с. 21].

На сегодняшний день существует лишь одно исследование, рассматривающее жанры журналистики XIX в. Это книга Н. П. Емельянова «Русская журналистика XVIII–XIX вв. (из истории жанров)» [20]. Но автор не уделяет специального внимания жанровой характеристике «Драматического вестника». Поэтому представляется целесообразным обратиться к проблеме генологии издания.

Научная новизна исследования видится в том, что в нем впервые предпринята попытка дать характеристику первому российскому театральному журналу по принципу жанрового соответствия. «Драматический вестник» как первооткрыватель этого специализированного направления в русской журналистике на своих страницах поместил совсем не много оригинальных критических работ, посвященных российскому театру, его актерам и организаторам театрального дела. По большей части это были переводные сочинения, но значения их нельзя преуменьшать. Они учили русских журналистов методам оценки театральных спектаклей, игры актеров, режиссерских решений.

Цензурное разрешение на издание журнала последовало 17 января 1808 г. На титульном листе первого номера под заголовком был помещен эпиграф, отражающий намерение авторов создать журнал, не развлекающий, а просвещающий и наставляющий читателей: «*Le critique est aisee, et l'art difficile*» («Хоть критика легка, но мудро искусство»).

В «Уведомлении» издатели сообщали о цели и раскрывали содержание издания: «Мы будем стараться представить в оном [журнале] читателю беспристрастное суждение о пьесах, играемых на здешних театрах; переводить и извлекать из лучших иностранных писателей драматические правила и историю великих людей, ... изыскивать со тщанием в древних сочинениях все, касающееся до художеств, и будем всеми средствами споспешествовать к отвращению дурного вкуса, который, царствуя в наших иностранных творениях, развращающих ум и сердце, угрожает заразить и нашу словесность... Выдавая сей журнал два раза в неделю, мы

желаем доставить удовольствие нашим писателям, которые, присылая в него мелкие свои сочинения, могут через два дни видеть их напечатанными»¹. Кроме того, было внесено и такое дополнение, касающееся типологических аспектов издания: «Угождая желанию многих почтенных людей, любящих науки, издатели “Драматического вестника” вознамерились распространить содержание своего журнала и часть одного посвятить наукам, словесности, свободным ремесленным художествам вообще»².

В первом номере журнала вслед за «Уведомлением» было помещено «Вступление». Для него была выбрана статейная форма. Его автор (можно предположить, что автором был сам редактор кн. А. Шаховской) анализирует состояние тогдашнего российского общества, предоставляя доказательства того, что театр постепенно входит в жизнь различных сословий. А это указывает на актуальность издания, его релевантность.

Указание на жанр публикации видится в исследовании автором «части целого» (articulus). Российская действительность взята под углом зрения ее культурологических, точнее, театральных интересов: «Жители больших городов разделяются на два рода: одни, государственною или семейственною должностью принуждены ко всегдашним трудам; другие, праздною и изобилием доводятся часто до уныния. Театр служит для тех и других убежищем: первые находят в нем приятное вдохновение после полезных занятий, вторые — нетрудное занятие, прогоняющее тоску»³.

Автор статьи обращается к анализу актуальных общественных процессов. Во-первых, он отмечает: «Театральные зрелища... тем приносят пользу обществу, что привлекая к себе людей разных сословий, заставляют их проводить праздное время в забавах, не вредных для общественного спокойствия»⁴. Во-вторых, автор приходит к заключению об изменениях, произошедших в современных ему нравах: «Усовершенствование нашего театра нечувствительно переменяло образ мыслей наших ремесленников: тот из них, который за несколько лет назад перед сим, имея излишние деньги, пошел бы в буйстве убивать и время и здоровье, идет теперь в театр»⁵. В-третьих, публицист находит доказательства роста патриотизма в российском обществе. Его представители, «приученные иностранными воспитателями глядеть с некоторым презрением на отечественные произведения ума», побывав на представлениях русского театра, «начинают насмехаться над слепыми обожателями иностранного»⁶.

Автор «Вступления» отмечает и то, что высший свет начинает понимать «красоту того языка, который они прежде презирали»⁷. Это происходит, по мнению автора публикации, благодаря «красоте драматического творения», выражаемой искусством русских актеров.

Еще одно проявление в жизни россиян Александровской эпохи (в большей степени москвичей и петербуржцев), связанное с театром, отмечается автором статьи: «...наш театр занимает своими успехами общество не только в одни часы представления, но даже на обедах и вечерних собраниях, где суждение об авторах и актерах бывает часто предметом разговора»⁸.

Таким образом, обращение к жанру статьи позволило издателям «Драматического вестника» выстроить систему доказательств, убеждающих читателей

¹ Драматический вестник. 1808. Т. 1. С. 7–8.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 5–6.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 7.

и цензурные власти в необходимости выпуска специализированного журнала о театре.

Кроме того, во «Вступлении» имплицитно подчеркнута преемственная связь «Драматического вестника» с российской журнальной периодикой XVIII в., в частности, с одним из первых российских научно-просветительских журналов «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Его создатели Г. Миллер и М. Ломоносов в заголовке издания точно указали на характер публикуемых материалов. Тот же прием предлагали издатели «Драматического вестника»: «...мы будем после разбора классической пьесы говорить с легкостью и шуткою о творении, не заслуживающем особого внимания; после исторического повествования о древнем или новом театре или актере, расскажем какое-нибудь забавное происшествие; и словом, как говорится, будем мешать дело с безделием»¹.

Приведенное суждение говорит о внимании издателей к читательской аудитории и о тщательно продуманном подходе к архитектонике журнала, логике расположения материалов.

Итак, «Драматический вестник» выходил в течение 1808 г. два раза в неделю. Главным редактором был А. А. Шаховской.

Как указывается в «Своде», цензурное разрешение на подготовку первого номера было получено 17 января 1808 г. Билет на выпуск 1-го листа (№ 1 и 2) выдан 4 февраля 1808 г. Последние номера вышли в апреле 1809 г. Планировалось, что журнал будет выходить и в 1810 г., но этим планам не удалось осуществиться. Подписчики не получили 11 номеров.

Содержание журнала слагалось из нескольких тематических разделов. Во-первых, «Драматический вестник» публиковал художественные произведения: басни И. Крылова, стихи Г. Державина, С. Марина, А. Буниной, П. Кобякова, И. Виноградова, Н. Остолопова, Д. Хвостова, А. Беницкого и др., пьесы А. Шаховского.

Во-вторых, значительная часть каждого номера была отдана переводным статьям о драматическом искусстве: Вольтер «О комедии», «О правилах трех единств», «О подражании древним в драматических сочинениях», «О трагедии» и др.; П. Корнель «О правилах театра»; П. Лагарп «О латинской комедии»; А. Лекен «О драматическом искусстве» и др.

В-третьих, страницы журнала были отданы оригинальным публикациям (рецензии, статьи, заметки) русских писателей, драматургов, критиков о театральные постановках, проблемах перевода пьес: А. Шаховской «Суждение о «Модной лавке», «Король Лир», «О театре древних народов», «Опыт перевода Расиновых трагедий»; А. Лукницкий «О начале театра в России».

В-четвертых, журнал содержал статьи, рецензии, комментарии об игре российских и зарубежных актеров: И. Дмитриевский «Краткие известия из жизни Федора Григорьевича Волкова», А. Писарев «Мистрис Робинсон, английская актриса», «Барон, французский актер», «Мисс Беллами, английская актриса»; П. Кобяков «Дебют г-жи Жорж», «Краткое известие о жизни Гарика, славного английского актера»; А. Шаховской «Дебют г-жи Лисициной».

Собственно театральная критика «Драматического вестника» (а она составляла самую значимую часть издания) достаточно глубоко и полно исследована театроведцами. Но за рамками искусствоведческого анализа, на наш взгляд, остались публикации участников журнала, посвященные вопросам развития русского театра, его репертуара, игры актеров. Таких работ в «Драматическом вестнике» немного. Но их оценка позволила бы дополнить картину российской журнальной критики 1810-х годов.

¹ Там же. С. 8.

В первом номере журнала А. Шаховской публикует «Суждение о «Модной лавке», комедии в трех действиях, соч. И. А. Крылова»¹. Перед нами мини-рецензия с элементами обзора. Это синтетический, осложненный жанр, сочетающий возможности информации и аналитики. Основная задача публикации — это, во-первых, проинформировать читателя о состоявшейся постановке; во-вторых, сообщить о впечатлении, полученном автором при знакомстве со спектаклем. В тексте присутствует валюативная информация: «Наши журналы мало или совсем ничего не говорили о сей комедии, которая достойна особого внимания»; «...все любители театра... находят хор, комическую цель, заявку и слог пьесы достойными похвалы»; «... комическое положение последнего явления... заслуживает немолкаемые рукоплескания»; «одна из лучших наших комедий».

Основное содержание рецензии составляет подробно пересказанный сюжет комедии «Модная лавка». Обращение к такому приему обосновано в тексте: «Прежде чем приступить к сужению о сей пьесе, надобно познакомить с содержанием оной тех наших читателей, которые ее не видели». Тем самым внесено уточнение в предметно-тематическую область формата издания.

После представления сюжетных линий пьесы автор публикации делает краткий обзор имеющихся критических отзывов на произведение И. Крылова: «...находят, что характер молодого человека не довольно любезен»; «...желали бы, чтобы и в самой его ветренности видно было доброе сердце и хороший нрав»; «...ругательства, которыми очерняют друг друга француженки, иногда выходят из-за границы пристойности»; «...строгие наблюдатели не хотят простить автору двусмысленных слов, которые Маша говорит во втором действии». Обзор завершает общая положительная оценка пьесы (два последних абзаца), передающая лишь авторские впечатления, но не предлагающая доказательств.

Итак, перед нами модификация заметки — мини-рецензия, осложненная обзором (подборкой критических суждений). Это дает основания к заключению о том, что создатели журнала учитывали возможности формата, допускающие сочетание информационного и аналитического способов отображения предмета исследования.

Шестой номер «Драматического вестника» открывается публикацией «О начале театра в России (Из записок, принадлежащих к истории русского театра)». Вопрос об авторстве материала остается спорным. Текст, возможно, принадлежит А. Лукницкому. Существует мнение (его высказали составители «Сводного каталога»), что И. А. Дмитревский много лет работал над подобной рукописью. Существует предположение, что автором материала мог быть А. Шаховской.

Публикуемое произведение содержит изложенные в хронологическом порядке основные этапы формирования русского театра: театральные зрелища при царе Алексее Михайловиче, ставившиеся под началом боярина Артамона Сергеевича Матвеева; представления духовных трагедий и переведенных с французского комедий при «малолетстве Петра»; постановка пьес, сочиненных царевной Софьей Алексеевной; приглашение в Россию в 1701 г. «Ягана Куншта и начало немецкого театра в Москве»; итальянские и немецкие труппы при дворе Анны Иоанновны; организация спектаклей А. П. Сумароковым в Санкт-Петербурге в «счастливое царствование Елизаветы Петровны».

Перед нами краткий обзор истории российского театра XVII–XVIII вв. Его автор вводит большое количество фактографической информации. Мы узнаем, что царь Алексей Михайлович выписал из немецкой земли комедиантов, музыкантов, танцовщиков. В текст обзора включена запись из «розрядных книг 1676 г.». Она содержала сообщения о дате проведения, жанре, названии спектакля: комедия «Как Олоферну отрубила голову Юдифь», «Как Артаксеркс велел повесить Амана». Кро-

¹ Там же. С. 9–15.

ме того, автором обзора было высказано предположение, что «люди боярина Матвеева обучались у немцев», но на каком языке и как играли — неизвестно. С документальной точностью рассказано о построении, по указу Петра, в Кремле на Красной площади деревянного театра «длиною в 20 сажень, шириною в 12, а высоту до потолка в 6 сажень»¹ для немецкой труппы, выписанной из Гданьска.

Сообщено также о постановках русских сказок («Финисто ясно соколово перышко», «Яга баба» и др.) для императрицы Анны Иоанновны. Более подробно автор обзора говорит о развитии театрального дела во времена царствования Елизаветы Петровны. Рассказ о труппе Кадетского корпуса и комнатном придворном театре дополнен сообщением о выдающихся актерах и актрисах того времени: Федоре Волкове, Иване Дмитриевском, «знаменитом своими знаниями об искусстве»; Попове, «игравшем прежде роли молодых любовников, потом благородных отцов»; Соколове, «представлявшем комических стариков»; Шумском; первом комике Черникове, «игравшем с равным успехом роли первых слуг и Криспинов»; Крутицком, «которого естественная игра восхищала публику во всех комических ролях и наиболее в Мольеровских комедиях»; Татьяне Михайловне Троепольской, «которая соединяла красоту и благородство с приятнейшим голосом и редкою чувствительностью»; Авдотье Михайловне Михайловой, «игравшей в молодости своей служанок и... комических старух с редким искусством, истиною и веселостью»².

Очерк истории русского театра представлен его автором в жанре обозрения³. Перед нами синтез наглядного освещения (обилие иллюстративного, фактографического материала, подтверждающего эволюцию русского драматического искусства) и оценок, отдельных замечаний обозревателя о деятелях национального театра. И хотя позиция журналиста выявлена лишь на уровне валютивной информации, его точка зрения может быть прочитана достаточно определенно. Автор сумел возбудить интерес читателей журнала тем, что рассказал — последовательно и в меру подробно — о событиях российской театральной жизни XVIII — нач. XIX вв., вписав ее в контекст общественных процессов времени и этим способствуя прогрессу и совершенствованию одного из видов искусства, его практическому развитию.

Казалось бы, «О начале театра в России» предлагает читателю лишь общие сведения, отмечает видимые тенденции движения театрального дела в стране, внешне обозревает определенный период бытия одной из подсистем российской культуры. Но задача автора сложнее. Он стремится подвести итог начального этапа развития национального театра. Этим объясняется его внимание жанру обозрения. Публицист не стремится выявить причинно-следственные связи явлений, не делает остановок в сюжете для сравнений событий театральной жизни XVIII в. в России и за ее рубежами.

Автор анализируемого материала строго придерживается канонов жанра обозрения. С помощью представления и оценки значительной совокупности фактов, связанных между собой временной дистанцией, местом действия, он знакомит аудиторию с происходящими в российском обществе культурными процессами, вызванными началом Александровых реформ. Обращаясь к конкретным примерам, деталям существования и развития русского театрального дела, публицист подводит читательское внимание к проблемам, общезначимым для России нач. XIX в., подсказывая ей направление движения в будущем.

Обнаруживается и еще один немаловажный маркер жанра. Речь идет о специализации автора обозрения, уровне его компетентности в теме, предлагаемой на

¹ Драматический вестник. 1808. Т. 6. С. 50.

² Там же. С. 52–53.

³ Тертычный А. Жанры периодической печати. М., 2006. С. 179–185.

суд читателей. Из потока разрозненных фактов, одновременных событий он сумел найти и выделить знаковые, симптоматичные явления российской действительности периодов царствования Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I и Александра I. Публицист смел так организовать повествование, что аудитория смогла сама, без подсказки автора, понять причины появления русского театра, их значимости для прогресса страны, их влияния на разнообразные стороны жизни русского человека, их воздействие на процессы культурной эволюции России в XIX в.

Журнал «Драматический вестник» продемонстрировал интерес к жизни и творчеству первых русских драматургов и актеров. Небольшие портретные очерки о Ф. Волкове и Я. Княжнине были опубликованы в 8-м и 67-м номерах журнала.

«Краткое известие о жизни Ф. Г. Волкова, первого актера и основателя русского театра», возможно, было написано И. Дмитриевским, но в журнале передано в пересказе А. Шаховского. Оно представляет собой повествование о короткой (1729–1763), но богатой событиями жизни одного из первых русских талантливых актеров и организаторов театрального дела. Но за сухой хроникой событий жизни Ф. Волкова угадывается авторское отношение к человеку, имевшему «страсть к драматическому искусству». Мы узнаем, с каким вниманием и тщательностью Ф. Волков изучал игру итальянской труппы в Петербурге, как став «первым актером, архитектором, живописцем и машинистом»¹, устраивал свой театр в Ярославле, какие пьесы ставил как режиссер и какие роли исполнял в придворном театре Елизаветы Петровны, как в 1759 г. открывал театр в Москве.

Публикацию завершает такое суждение: «...редкие дарования и достоинства сего превосходного актера останутся навсегда в памяти любителей Русского театра»².

А. А. Писаревым был подготовлен материал «Жизнь Якова Борисовича Княжнина». Основные вехи биографии писателя («учеба языкам и другим отвлеченным наукам», служба у Бецкого, преподавание в Первом кадетском корпусе, Императорской Академии художеств, Российской Императорской академии) дополнены подробным перечнем всех его драматических и художественных произведений: трагедий, исторических драм, мелодрам в стихах и прозе, од, сказок, басен, переводов поэтических произведений и романов, критических работ.

Сухой перечень из дат, видов деятельности и названий произведений Я. Б. Княжнина автор публикации расцвел рассказом о человеческих качествах драматурга: «...пример его скромности к собственным своим дарованиям: однажды после представления трагедии «Дидоны»... зритель с жаром сравнивал его с Расином... «Ради Бога, потише говорите, — отвечал сочинитель трагедии. — Кто-нибудь Вас услышит»³.

«Краткое известие о жизни Ф. Волкова» и «Жизнь Якова Борисовича Княжнина» были созданы в жанре заметки. Авторы произведений познакомились и представили читателям результаты изученных ими биографий актера и драматурга. Они не дали ссылок на источники информации, не сообщили о своих интервьюерах, а лишь кратко изложили итоги изучения предмета. Авторы проинформировали читателей о жизни и творчестве пионеров театрального дела в России. Но это стало новостью; еще не известным широкой аудитории сообщением. В текстах ведущей была фактографическая информация, достоверность которой подтверждается реальностью существования героев материалов, их деятельностью на благо российского театра.

¹ Там же. С. 68.

² Там же. С. 69.

³ Там же. Т. 67. С. 108.

Жанровую модификацию заметок можно определить как портретно-событийную¹. В них содержатся краткие хронологически выстроенные сведения о жизни и творчестве Ф. Волкова и Я. Княжнина. Они вписаны в контекст исторических событий, а также минимально дополнены авторскими впечатлениями о личностях актера и драматурга.

Журнал «Драматический вестник» — первое российское издание о театральном искусстве — своей концептуальностью, содержательными тематическими разделами, стремлением в различных жанровых видах осветить русское и европейское театральное дело XVIII — нач. XIX вв. заслуживает внимания и плане оценки его формата. Цель журнала была точно сформулирована его создателями: «Мы будем стараться представить ...читателю беспристрастное суждение о пьесах, играемых на здешних театрах; ...изыскивать с тщанием в древних сочинениях все, касающееся до художеств, и будем всеми средствами споспешествовать к отвращению дурного вкуса»². Она получила реализацию в предметно-тематической области издания, ориентированного на широкую публику: жителей больших городов и провинции, не равнодушной к театральным зрелищам.

Особенности отображения действительности в публикациях журнала базировались на строгой информативности, но сочетались со стремлением к аналитическому прочтению, оценке описываемых событий и деятельности героев. Издатели и авторы журнала использовали в основном некоммуникативные методы отображения действительности (работа с архивами, знакомство с публикациями в периодической печати, личные наблюдения за игрой актеров, чтение пьес).

Жанровая палитра журнала складывалась из органичного сочетания информационных (событийные и портретные заметки, анонсы, мини-рецензии) и аналитических (обозрение, статья, комментарий) журналистских жанров, а также жанров художественной литературы (стихи, басни, оды, драмы, комедии, трагедии).

Последующие театральные издания или околотеатральные журналы («Русская талия», «Журнал драматической», издания кн. П. И. Шаликова и др.) стремились продолжить традиции, заложенные «Драматическим вестником». Но, по мнению исследователей (Г. Лапкина, А. Альшуллер), не смогли подняться до уровня первого российского театрального журнала, который «не только информировал читателей о новинках русской сцены, ... но главную задачу видел в широком освещении круга проблем, важных для театра» [17, с. 70].

Литература

1. Агеев Б. Русский драматический театр XVII–XVIII веков. М., 1958.
2. Бабинцев С. Драматический вестник // Книга: исследования и материалы. М., 1959. С. 12–34.
3. Баскин Э. История русского театра. М., 1928.
4. Борзенко В. Русские театральные журналы и газеты XIX в. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/001700.php (дата обращения: 19.09.2017).
5. Борзенко В. Российская театральная журналистика 1808–1991 гг.: историко-типологическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.
6. Вишневский В. Театральная периодика 1774–1914. М., Л., 1941.
7. Гозенпуд А. А. Шаховской // Шаховской А. А. Комедии и статьи. М., 1961. С. 3–8.
8. Данилевский Р. Немецкие журналы Санкт-Петербурга в 1770–1810-х гг. // Русские источники для истории зарубежной литературы: сб. исследований и материалов. М., 1980. С. 76–78.
9. Есин Б. История русской журналистики XIX в. М., 2008.
10. Ивин А. История российской журналистики XVIII в. Иваново, 2005.

¹ Тертычный А. Жанры периодической печати. С. 63, 68.

² Драматический вестник. 1808. Т. 1. С. 4.

11. *Ивин А.* История российской журналистики первой трети XIX в. Иваново, 2006.
12. *Измайлов А.* К истории театральной журналы в России // *Театр и искусство.* 1906. № 2.
13. *История русской журналистики XVIII–XIX вв.* / под ред. А. В. Западова. М., 1973.
14. *История русской журналистики XVIII–XIX вв.* / под ред. Л. П. Громовой. СПб., 2011.
15. *Королев Д.* Очерки из истории издания и распространения театральной книги в России в XIX — начале XX вв. СПб., 1999.
16. *Лапкина Г.* История русской театральной критики. Вып. 1. Л., 1975.
17. *Очерки истории русской театральной критики.* Конец XVIII — первая половина XIX в. / под ред. А. Я. Альтшуллера. Л., 1975.
18. *Пиксанов Н.* Публицистика Александровской эпохи // *История русской литературы XIX в.* / под ред. Д. С. Овсяннико-Куликовского: в 3 т. М., 1908. Т. 1.
19. *Полевой Н.* Очерки русской литературы. СПб., 1839.
20. *Русская журналистика XVIII — XIX вв. (из истории жанров)* / отв. ред. Н. П. Емельянов. М., 1969.
21. *Русская журналистика в документах: история надзора* / сост. О. Д. Минаева; под ред. Б. И. Есина, Я. Н. Засурского. М., 2003.
22. *Светлов С.* Театральное училище в XVIII столетии // *Библиотека театра и искусства.* 1902. Т. III. Вып. 1. С. 30–40.
23. *Смирнов-Сокольский Н.* Рассказы о книгах. М., 1959.

Об авторе:

Лыткина Лариса Владимировна, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук, доцент, lvytkina@yandex.ru

References

1. Ageev B. Russian drama theatre of the XVII–XVIII centuries. M., 1958 (In rus).
2. Babintsev S. Dramaticheskii vestnik // Book: researches and materials. M., 1959. P. 12–34 (In rus).
3. Baskin E. History of Russian theatre. M., 1928 (In rus).
4. Borzenko V. Russian theatrical magazines and newspapers of the XIX century [Electronic resource]. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/001700.php (date of access: 19.09.2017) (In rus).
5. Borzenko V. Russian theatre journalism 1808–1991.: historical and typological research: the Diss. abstract. Voronezh, 2008 (In rus)
6. Vishnevskiy V. Theatrical periodicals 1774–1914. M., L., 1941 (In rus).
7. Gozenpud A. A. A. Shakhovskoy // *Shahovskoy A. A. Comedy and articles.* M., 1961. P. 3–8 (In rus).
8. Danilevsky R. German magazines of St. Petersburg in 1770–1810 // *Russian sources for the history of foreign literature: Sat. research and materials [Russkie istochniki dlya istorii zaru-bezhnoi literatury: Sbornik issledovaniy i materialov].* M., 1980. P. 76–78. (In rus)
9. Esin B. History of Russian journalism of XIX century. M., 2008 (In rus).
10. Ivin A. History of Russian journalism XVIII century. Ivanovo, 2005 (In rus).
11. Ivin A. History of Russian journalism of the first third of the XIX century. Ivanovo, 2006 (In rus).
12. Izmailov A. History of theatrical journal in theatre and the arts. 1906. N 2 (In rus).
13. *History of Russian journalism XVIII–XIX centuries* / ed. A. V. Samadov. M., 1973 (In rus).
14. *History of Russian journalism XVIII–XIX centuries* / ed. L. P. Gromov. SPb., 2011 (In rus).
15. Korolev D. Essays on the history of the publication and dissemination of theatre books in Russia in the XIX — early XX century. SPb., 1999 (In rus).
16. Lapkina G. History of Russian theatre criticism. Vol. 1. L., 1975 (In rus).
17. Essays on the history of Russian theatre criticism. The end of XVIII — first half XIX century / ed. by A. Y. Altshuller. L., 1975 (In rus).
18. Piksyanov N. Journalism of Alexander's era // *History of Russian literature of the XIX century [Istoriya russkoi literatury XIX v.]* / ed. by S. D. Ovsyaniko-Kulikovskii: in 3 vol., 1908. Vol. 1 (In rus).
19. Polevoy N. Essays on Russian literature. SPb., 1839 (In rus).

20. Russian journalism of XVIII–XIX centuries (from the history of genres) / ed. N. P. Emelyanov. M., 1969 (In rus).
21. Russian journalism in the documents: history of supervision / Comp. O. D. Minaeva; ed. B. I. Esin, J. N. Zasursky. M., 2003 (In rus).
22. Svetlov S. Theatre school in the XVIII century // The Library of theatre and the arts [Biblioteka teatra i iskusstva]. 1902. Vol. III. 1-st ed. P. 30–40 (In rus).
23. Smirnov-Sokolsky N. Stories about books. M., 1959 (In rus).

About the author:

Larisa V. Lytkina, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philology), Associate Professor, lvlytkina@yandex.ru

К вопросу об определении феномена диаспоры (на примере армянской диаспоры Российской Федерации)

Тирабян К. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, tirabian-kk@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается роль диаспоры в политических процессах государства. В качестве примера приводится армянская диаспора, находящаяся на территории Российской Федерации. Рассматриваются основные подходы определения феномена «диаспора» известными отечественными и зарубежными учеными. Приводятся ключевые характеристики классических и современных диаспор, а также современные подходы определения феномена «диаспора»: социологический, политический и этнический. Автор статьи анализирует причины переселения армян из исторической родины. Выделяются основные периоды формирования армянской диаспоры в России. Автор определяет этапы становления и развития армянской диаспоры в России. Подчеркивается роль армянской диаспоры на современном этапе. В исследовании раскрываются основные направления и задачи армянской диаспоры. Отмечается роль Епархии Армянской Апостольской церкви в жизнедеятельности армянской диаспоры в Российской Федерации.

Ключевые слова: диаспора, армянская диаспора, политические процессы, общественные организации, церковь, миграция, рассеяние

On a Question of Definition of a Phenomenon of Diaspora (on the Example of the Armenian Diaspora of the Russian Federation)

Tirabian K. K.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation, tirabian-kk@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article examines the role of the diaspora in the political processes of the state. As an example, the Armenian Diaspora is located on the territory of the Russian Federation. The main approaches to determining the phenomenon of «diaspora» by well-known domestic and foreign scientists are considered. Key characteristics of classical and modern diasporas, as well as modern approaches to the phenomenon of «diaspora»: sociological, political and ethnic, are presented. The author analyzes the reasons for the resettlement of Armenians from their historical homeland. The main periods of formation of the Armenian diaspora in Russia are outlined. The author defines the stages of formation and development of the Armenian diaspora in Russia. The role of the Armenian Diaspora at the present stage is highlighted. The research reveals the main directions and tasks of the Armenian Diaspora. The role of the Diocese of the Armenian Apostolic Church in the life of the Armenian Diaspora in the Russian Federation is noted.

Keywords: diaspora, Armenian diaspora, political processes, public organizations, the church, migration, dispersion

Во все время на рост миграционных процессов оказывали влияние такие факторы, как война, геноцид, низкое социально-экономическое развитие, внутренняя и внешняя политика государства и др. Однако в XXI в. к вышеизложенным факторам, усиливающим миграционные потоки и стирание границ, присоединилась глобали-

зация. Стремительное увеличение численности миграционных потоков идет параллельно с консолидацией иммигрантских этнических сообществ. Пребывая на новой территории, переселенцы для сохранения и поддержания национальной идентичности (обычаи, традиции, культура, язык и др.) стремятся объединиться. Таким образом, происходит процесс образования диаспор. На современном этапе диаспора приобрела новое значение во внутренней политике государства пребывания. Но в силу трансформации значения термина «диаспора», сегодня нет теоретических и методологических ориентиров для осмысления этих сообществ как самостоятельных акторов, что и обуславливает актуальность исследуемой темы.

Историческое происхождение термина «диаспора» начинается с древнейших времен и с греческого языка переводится как «рассеивать(ся), рассыпать, раздавать, расточать». Большинство научных словарей определяют диаспору как «расселение евреев со времени Вавилонского плена в VI в. до н. э. вне Палестины»¹. Но, тем не менее, отмечается, что со временем термин «диаспора» стал применяться к другим религиозным и этническим группам, живущим в новых территориях своего пребывания.

На современном этапе нет общепризнанного и однозначного термина, определяющего феномен «диаспора». Существует множество концептуальных подходов и определений, характеризующих данное явление [см., например: 2; 7 и др.]. Рассмотрим основные концептуальные подходы определения термина «диаспора» в классическом и современном периодах отечественными и зарубежными исследователями.

В своих многочисленных научных трудах по проблематике феномена «диаспора» Г. Шеффер подчеркивает, что в 1980-е годы, в самом начале обсуждений по тематике диаспора, отправной точкой практически для всех исследователей служила еврейская диаспора. Исходя из такого подхода определения феномена «диаспора», другие национальные образования, сформированные вне ареала своей исторической родины, относятся к этническим группам или меньшинствам.

По мнению исследователей С. А. Арутюнова и С. Я. Козлова, «евреи являются уникальным примером „диаспорического“ народа». Однако они подчеркивают тот факт, что еврейская диаспора недостаточно унифицированная модель, это основано на том, что еврейские диаспоры в разные периоды времени и в разных точках мира имели и имеют отличительные друг от друга характерные черты [1].

Например, исследователь В. Д. Попков, считает, что к настоящему времени диаспора приобрела новое широкое значение и любые пересечения государственных границ людьми необходимо рассматривать с точки зрения процессов диаспоризации. Диаспора — это любые этнические сообщества, по каким-либо причинам на территории другого государства. Такое трактование приводит к частичному отказу от классической интерпретации данного феномена и более широкому толкованию термина, который в специальной литературе стали называть «новой» или «современной» диаспорой. Но при этом Попков отмечает, что «ни одну из «новоиспеченных» диаспор нельзя соотносить в одну линию с армянской, греческой или еврейской, хотя в их практике и присутствуют некоторые признаки классической диаспоры». Основной проблемой является определение места в обществе на современном этапе и соотношение диаспоры с классическим пониманием данного термина [3, с. 15–20].

В научный оборот Р. Брубейкером был введен новый термин «диаспора катаклизма», которой образовался вследствие распада государственных территорий, приводящих к изменению политических границ. Согласно идее Брубейкера, «диаспора катаклизма» возникает резко, в результате мгновенного изменения политического

¹ Diaspora // Encyclopedia Britannica, 2006 // <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/161756/Diaspora>.

устройства государства и независимо от желания народа. Такие диаспоры более сплоченны, нежели диаспоры, образованные вследствие трудовой миграции [6].

Помимо вышеперечисленных определений феномена «диаспора» в классическом и современном периодах, ниже рассмотрим три наиболее актуальных подхода к исследованию: социологический, политический и этнический.

Важнейшим фактором определения феномена «диаспора» в социологическом подходе является наличие в них социальных институтов, дающим право этническим и религиозным группам, проживающим за пределами своей исторической родины, относиться к ним (рис. 1).

К сторонникам социологического подхода относятся такие исследователи данной проблематики, как Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова. В своей статье «Диаспора как объект социологического исследования» дают такое определение: «диаспора — это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая вне ареала расселения своего народа и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности» [5, с. 33].

Нахождение этнического общества за пределами исторической родины является ключевым признаком диаспоры, без которого просто бесполезно говорить о сущности данного феномена — считают Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова.

Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова также выделяют, что диаспора — это не только этническая общность, находящаяся на территории другого государства, а также имеет ключевые характеристики национальной идентичности своего этноса, сохраняя и передавая из поколения в поколение (язык, культура, сознание). Диаспорой нельзя назвать группу лиц, представляющих определенный народ, но вступивших на путь исчезновения (ассимиляция) [5, с. 34–35].

Основным признаком, позволяющим считать ту или иную этническую группу диаспорой, является «наличие у этнической общности определенных организационных форм ее существования, начиная от такой формы, как землячество, и заканчивая наличием общественных, национально-культурных и политических организаций». При всем этом у этнической группы должна быть потребность к самосохранению (наличие социальной защиты). С учетом наличия способности к самосохранению и самоорганизации диаспора сможет функционировать длительное время и при этом сохраниться как самодостаточный организм.

В своей концепции авторы указывают, что только устойчивые к ассимиляции этносы способны создавать диаспору.

Считается, что устойчивость диаспоры достигается за счет организации диаспоры (органы самоуправления, учебные, культурные, политические и другие организации), что тем самым позволяет диаспоре сохранить этническую особенность и не позволяет ей раствориться в другой этнической среде.

Согласно мнению Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыковой, «Судьба каждой диаспоры неповторима и своеобразна в такой же мере, в какой необычна и индивидуальна жизнь каждого человека. Помимо того в деятельности диаспор немало общих функций. Они присущи как «старым», так и «новым» диаспорам, как точечным, так и дисперсным, как малочисленным, так и многочисленным национальным сообществам» [5, с. 37–39]. Однако объем, насыщенность и полнота этих функций могут серьезно отличать одну диаспору от другой (рис. 2).

Представители политического подхода характеризуют диаспору через понятия «родина» и «политическая граница», — ввиду того, что в их понимании диаспорами являются только те этнические группы, которые располагаются за пределами государства происхождения.

Согласно концепции В. А. Тишкова — директора Института этнологии и антропологии РАН, известного сторонника политического подхода — понятия «историческая родина» и «родина» являются основополагающими [4, с. 17].

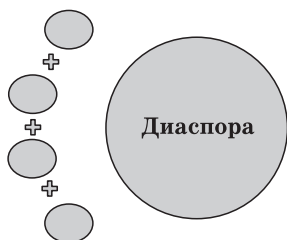

Рис. 1. Схема формирования диаспоры через социальные институты
Fig. 1. Scheme of diaspora formation through social institutes

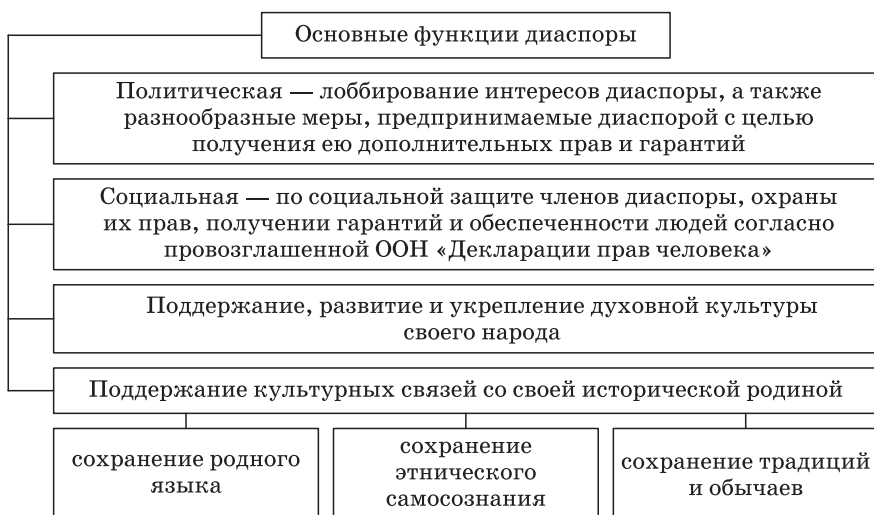

Рис. 2. Иллюстрация основных функций диаспоры
Fig. 2. Illustration of the diaspora main of function

Понятие «историческая родина» В. А. Тишков определяет как регион или страну, где возник историко-культурный облик этнической группы.

Однако В. А. Тишков отмечает, что понятие «идеальная родина и политическое отношение к ней могут сильно отличаться» в связи с чем «возвращение» интерпретируется как восстановление утраченной нормы или сведение нормы к идеальному образу (норме).

Характерные признаки диаспоры:

- наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о «первичной родине» («отечестве» и пр.), которые включают географическую локацию, историческую версию, культурные достижения и культурных героев;
- романтическая (ностальгическая) вера в родину предков как подлинный, настоящий (идеальный) дом и место, куда представители диаспоры или их потомки должны рано или поздно возвратиться;
- убеждение, что ее члены должны коллективно служить сохранению и восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности... Фактически отношения в самой диаспоре строятся вокруг «служения родине», без чего нет самой диаспоры.

Основываясь на вышеизложенных постулатах, по мнению Тишкова, понятие «„диаспора“ — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность. Данным явлением диаспора отличается от других повседневных миграций. Ключевым фактором образования диаспоры является “национальное государство”. Культурная отличительность диаспоры может исчезнуть, но диаспора сохранится, поскольку в ней объединено нечто большее, чем просто культура. Диаспора как политический проект и жизненная ситуация выполняет миссию служения, сопротивления, борьбы и реванша» [4, с. 18–20].

Сторонниками «этнического» подхода определения понятия «диаспора» являются такие исследователи, как С. А. Арутюнов, Ю. И. Семенов. В отличие от В. А. Тишкова, считающего основополагающим государство и государственные границы, С. А. Арутюнов в основу своей концепции ставит «этносоциальный» организм (национальность), т. е. наличие или отсутствие стремления к созданию национального государства.

При определении сущности диаспоры через «политический» подход, по мнению Ю. И. Семенова, В. А. Тишков не заметил диаспору как этническое явление, а назвал просто «миграцией» и пришел к выводу, что диаспора — суть явление только политическое. Однако Ю. И. Семенов не согласен с таким трактованием. По его мнению, в основе понятия «диаспора» прежде всего лежит этническое. Этническая общность определяется через совокупность людей, имеющих общую культуру, традиции и язык, отличительную от других членов человеческих формирований, а для того, чтоб «полноценно разобраться в проблеме диаспоры, необходимо первоначально выявить взаимоотношения диаспоры и этноса, этноса и общества, а также, этноса, нации и общества».

Исходя из вышепредставленных точек зрения относительно определения феномена диаспоры, можно прийти к выводу, что термин «диаспора» в современных политических процессах в государствах пребывания необходимо рассматривать с трех позиций: социологических, политических и этнических. Термин «диаспора» имеет разное и уникальное трактование, связанное в первую очередь с наличием характерных признаков, вследствие которых этнические сообщества или меньшинства были вынуждены покинуть свою историческую родину.

Миграционные потоки армянского народа начались еще в средневековье, и продолжают по сей день. Сегодня армянская диаспора в три раза превышает численность населения самой Республики Армения и составляет около 10 млн человек, живущих за пределами исторической родины. Во все время переселение армян было связано с тремя факторами: политическими, экономическими и религиозными.

В результате миграционных процессов армянские общины были созданы в более чем 120 странах по всему миру. Крупнейшими считаются армянские диаспоры в Российской Федерации, США, Франции, Иране, Грузии, Сирии и других государствах. В Российской Федерации насчитывается более 3 млн человек представитель армянской диаспоры¹.

Для того чтобы опередить роль диаспоры в современных политических процессах, необходимо рассмотреть основные периоды формирования армянского народа в России. В истории армянской диаспоры Российской Федерации можно выделить три стадии формирования:

- 1) период Российской империи (нач. XVIII — кон. XIX в.);
- 2) советский период (кон. XIX — кон. XX вв.);
- 3) постсоветский период (кон. XX — нач. XXI вв.).

¹ Сайт Министерства диаспоры РА. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mindiaspora.am/am/index> (дата обращения: 18.02.2017).

Впервые упоминания об армянах появляются к периоду царствования Петра Великого. В 1708 г. купец Лука Ширванов прибыл в Санкт-Петербург и основал торговый дом по продаже дорогих тканей. К 1710 г. стали появляться первые «армянские заведения», численность армян к тому времени составляла 40–50 человек. В основном армяне занимались купечеством и ремесленничеством.

В период правления императрицы Екатерины были открыты новые перспективы в развитие русско-армянских отношений. Большой вклад в формирование армянской общины внес И. Л. Лазарев, и по его ходатайству в 1770 г. Екатерина II разрешила начать строительство армянской церкви в Санкт-Петербурге. Участок для строительства церкви был приобретен армянской общиной на Большом (ныне Невский) проспекте. Работы велись по проекту Ю. М. Фельтена, расходы на возведение церкви были исключительно за счет пожертвований членов армянской общины, которая по численности уже составляла примерно 150 человек¹.

В 1791–1794 гг. начинается строительство армянской церкви Св. Воскресения на реке Смоленке. Церковь строилась как фамильная усыпальница семьи Лазаревых. История строительства связана с личным горем графа И. Л. Лазарева, во время русско-турецкой войны погибает его единственный сын, адъютант князя Потемкина Артемий. Останки захоронили на Смоленском кладбище.

Вскоре среди переселенцев армян начали выделяться образованные люди, которые занимали посты на государственной службе, активно участвовали в торговой-экономической и дипломатической деятельности России.

В 1758 г. было открыто одно из первых акционерных обществ России, которое возглавляли видные финансисты братья Исахановы.

Большое значение в культурной жизни общины заняло открытие в 1783 г. в городе армянской типографии Г. Халдарян, который написал первый русско-армянский словарь.

В XIX в. в результате успешных русско-персидской и русско-турецкой войн часть исторической Армении вошла в состав Российской империи. За этот период выдвинулось большое количество офицеров армян, которые показывали блестящие результаты: генерал, кавалер ордена Св. Андрея Первозванного В. О. Бебутов, генерал-лейтенант кавалерии В. Г. Мадатов, генерал-майор артиллерии И. С. Абамелек и др.

Во второй половине XIX в. достаточно видным государственным деятелем с армянскими корнями был М. Т. Лорис-Меликов, который получил титул графа за взятие Карса. Изначально армяне в основном занимались торговлей и ремеслом, а с середины XIX в. в большинстве стали представители интеллигенции. С 1818 г. в Петербургском университете начали преподавать армянский язык, а уже к 1849 г. была открыта кафедра армянского языка и литературы. На этой кафедре в разные периоды работали такие известные армяноведы, как К. Патканян, И. Орбели, Н. Назарянц, Н. Бероев и др.²

В кон. XIX — нач. XX вв. в городе появляются армянские поэты, писатели, архитекторы, деятели культуры, которые внесли весомый вклад в мировую культуру: маринист И. Айвазовский, художники А. Овнатянян и В. Суренянц, композитор М. Екмалян, архитектор А. Таманян (автор генерального плана застройки Еревана), поэт В. Терян, актер В. Папазян, филолог и лингвист С. Малхасян (автор 4-томного толкового словаря армянского языка), братья-академики Орбели, в честь которых названа одна из улиц города: Р. Орбели (основоположник гидроархеологии и др.); физиолог Л. Орбели (в 1943–1951 гг. возглавлял Военно-медицинскую

¹ Сайт «Союз армян России» [Электронный ресурс]. URL: <http://sarinfo.org> (дата обращения: 18.02.2017).

² Там же.

академию, основал институт эволюционной биохимии и физиологии и др.), востоковед и археолог И. Орбели (первый президент Академии наук Армении, директор Эрмитажа с 1934 по 1951 гг. и др.), физики-ядерщики А. Алиханов и А. Алиханян, техник О. Адамян (один из создателей цветного телевизора), конструктор ЛОМО Б. Иоаганнесян (создатель самого большого телескопа страны), конструктор-академик А. Кемурджян (создатель шасси лунохода) и др.

Следующий этап формирования армянской диаспоры приходится на советский период. XX в. принес немало тяжелых испытаний для всей страны. Это и революция, гражданская война, Великая Отечественная, послевоенное строительство. Немало армян обороняли Ленинград от фашистских нападений, многие из них вошли навсегда в историю героической обороны города: летчик-штурмовик Н. Степанян, адмирал флота СССР И. Исаков, летчик-истребитель майор Л. Чапчакян, генерал-майор Б. Галстян (в честь него названа улица в городе), летчик-балтиец Н. Степанян и другие. В годы советской власти были практически ликвидированы национальные структуры, созданные армянами на территории Российской империи (общественные объединения, школы, институты, средства массовой информации и т. д.)¹.

Во время объявленного Горбачевым курса на перестройку вышло постановление, разрешавшее создавать самостоятельные общественные объединения; в нем, среди прочего, упоминались и землячества по национальному признаку. В то же время начал разгораться Нагорно-Карабахский конфликт. В марте 1988 г. в Москве у армянской церкви «Сурб Арутюн» неоднократно проходили митинги недовольных обострившейся ситуацией в зоне Нагорного Карабаха. Вскоре друг за другом возникли армянские организации «Карабах», «Барев дзес», «Юсисапайл», «МЦАК-Маштоц» и «Воспуракан», которые стали неким толчком для создания объединенного координационного совета. 29 июня 1989 г. было создано культурное общество «МАКО» претендовавшее на общинные функции. Однако организация просуществовала всего лишь год. Начиная с 1988 и до 1999 г. друг за другом создавались и прекращали свою деятельность множество армянских организаций.

Осенью 1999 г. в Ереване состоялся I съезд «Армения-Диаспора», сформировавший идею создания общероссийской общественной армянской организации в РФ под названием «Союз армян России». Лидером инициативной группы стал известный российский бизнесмен, руководитель ЗАО «Согласие» Ара Аршавинович Абрамян².

Уже в январе 2000 г. состоялось первое заседание инициативной группы под руководством А. А. Абрамяна с целью согласования концепции проекта Армянской общественной организации, а также разослать одобренную концепцию в различные армянские общественные организации, действующие на территории Российской Федерации, для делегирования своих представителей в организационный комитет. С учетом предыдущего опыта и неудач при создании общероссийской армянской общественной организации было принято решение об отказе от вертикального принципа объединения, т. е. отказ от принципа верховенства московской общины над региональными.

В феврале 2000 г. состоялся первый сбор Оргкомитета организации, в состав которой вошли многие известные армянские деятели культуры, спорта, науки и бизнеса.

10 марта 2000 г. состоялась Конференция представителей армянских общественных организаций из 45 субъектов РФ. Итогом Конференции стало одобрение проекта Устава организации, а также утверждение даты созыва учредительного собрания «Союз армян России»³.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

16 июня 2000 г. состоялся первый учредительный съезд организации «Союз армян России» (САР). Участниками съезда стали 183 делегата из 44 субъектов РФ. Также на съезде присутствовали Президент РФ Владимир Владимирович Путин, Патриарх Алексей II, мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков. Президентом организации был избран Ара Аршавинович Абрамян. Съезд избрал и утвердил аппарат правления, в состав которого вошли представители интеллигенции из различных сфер (культура, наука, спорт, бизнес и др.), а также представители Армянской Апостольской Церкви всех регионов России. Большой вклад в создание союза оказали глава Ново-нахичеванской и Российской епархии Армянской Апостольской Церкви Епископ Езрас и глава Епархии юга России Армянской Апостольской Церкви Епископ Мовсес¹.

Общероссийская общественная организация «Союз армян России» действует по сей день и является самой крупной общественной организацией, объединяющей представителей армянского народа. На сегодняшний день в состав организации входят 68 общественных армянских организаций из 68 субъектов РФ. Региональные отделения САР ведут активную работу по всей России. Восстанавливают старые храмы и строят новые, на территории РФ насчитывается более 80 храмов Армянской Апостольской Церкви. На территориях армянских общин функционируют армянские воскресные школы и культурные центры, которые проводят культурно-массовые мероприятия относительно исторических дат и национальных праздников, а также издаются армянские газеты и журналы.

Литература

1. Арутюнов С. А. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html (дата обращения: 18.02.2017).
2. Милитарев А. О. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 24–33.
3. Попков В. Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003.
4. Тишков В. А. Конференция в Москве: «Российская диаспора в XIX–XX вв.: выживание или исчезновение?» (20–21 апреля 1999 г.) // Диаспоры. 1999. № 2–3.
5. Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33–42.
6. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. 1991. V. 1. N 1. P. 148.
7. Totolyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diaspora. 1996. V. 5. N 1. P. 254.

Об авторе:

Тирибабян Карине Камоевна, начальник отдела магистратуры и аспирантуры факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); аспирант факультета государственного и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС, tirabian-kk@sziu.ranepa.ru

References

1. Arutyunov S. A. Diaspora: hidden threat or additional resource [Electronic resource]. URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html (circulation date February 18, 2017) (rus).
2. Militarev A. O. On the content of the term «diaspora» (to develop a definition) // Diaspora. 1999. N 1. P. 24–33 (rus).
3. Popkov V. D. The phenomenon of ethnic diasporas. M., 2003 (rus).

¹ Сайт Ново-нахичеванской и Российской епархии Армянской Апостольской Церкви [Электронный ресурс]. <http://www.armenianchurch.ru> (дата обращения: 18.02.2017).

4. Tishkov V.A. Conference in Moscow: "The Russian diaspora in the XIX–XX centuries: survival or disappearance?" (April 20–21, 1999) // *Diasporas*. 1999., N 2–3 (rus).
5. Toshchenko Zh. T., Chapykova TI. Diaspora as object of a sociological research // *Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]*. 1996. N 12. P. 33–42 (rus).
6. Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* // *Diaspora*. 1991. V. 1. N 1. P. 148.
7. Totolyan K. Rethinking Diaspora (s): Stateless Power in the Transnational Moment // *Diaspora*. 1996. 5: 1. P. 254.

About the author:

Karine K. Tirabian, Head of the Department of Magistracy and Postgraduate Studies of the Faculty of State and Municipal Administration of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); Graduate student of the Faculty of State and Municipal Administration of NWIM of RANEPА, tirabian-kk@sziu.ranepa.ru

Информационная безопасность РФ: в поиске новых партнеров

Хижняк М. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, mariakhizhnyak@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье анализируются актуальные тренды в области международного сотрудничества РФ в сфере информационной безопасности. Отмечено, что на сегодняшний день приоритетным технологическим партнером для России является Китай. За последние несколько лет тема информационной безопасности стала одной из ключевых, поднимаемых на переговорах между российскими и китайскими коллегами, как на правительственном уровне, так и на уровне частного бизнеса. Приводится сравнение подходов стран к обеспечению информационной безопасности, проведен анализ возможных точек соприкосновения в вопросах обеспечения национальной информационной безопасности и взглядов сторон на глобальную архитектуру информационной безопасности. Рассматриваются отличия западного и восточного подходов к обеспечению международной информационной безопасности. На основе анализа информационной политики, проводимой РФ и КНР, дана оценка перспектив дальнейшего сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: информационная безопасность, киберпространство, информационные технологии, российско-китайское сотрудничество, архитектура международной информационной безопасности

Information Security of the Russian Federation: In Search of New Partners

Khizhnyak M. V.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, mariakhizhnyak@gmail.com

ABSTRACT

The analysis of the current trends in the Russia's state policy of international cooperation on the issue of information security reveals the fact that to date China remains the strategic technology partner for Russia. Over the past few years information security has become one of the key topics raised in the talks between the Russian and Chinese counterparts both in the governmental scale and at the level of private business. The author of the article compares the state approaches to information security, analyses possible points of contact in matters of national information security and the views of the parties on the global architecture of information security. Given this, the author draws a distinction between the Eastern (Russian-Chinese) and the Western (the USA, the EU) approaches to ensuring global information security. Based on the analysis of the state information and communication policy of Russia and China, the article provides an assessment of the prospects for further cooperation between the two countries in the field of information technologies.

Keywords: information security, cyberspace, information technology, Russian-Chinese cooperation, the architecture of international information security

С переходом к цифровым бизнес-моделям, развитием платежных технологий, цифровых финансовых услуг, облачных систем, приложений и виртуализации перед пользователями прогрессивных технологий возникает ряд новых угроз их информационной безопасности (ИБ). В таких условиях у пользователей появляется естественное стремление защитить свои информационные ресурсы от возможных срывов в работе,

кибератак, мошенничества или утечки данных. Кроме того, постоянное расширение возможностей информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) усиливает уязвимость современного государства перед угрозами его национальной безопасности в глобальном информационном пространстве [3].

Использование мощных информационных ресурсов развитыми государствами способно оказать существенное влияние на геополитическую обстановку на международной арене, а также дестабилизировать политические режимы в разных регионах мира [4]. Таким образом, киберпространство стало необходимой платформой для поддержания роста и развития государства и, в то же время, полем для военно-политического противоборства. Вследствие этого на глобальную повестку дня встает вопрос эффективной защиты деятельности в киберпространстве и обеспечение международной информационной безопасности.

Под международной информационной безопасностью (МИБ) понимается «такое состояние глобального информационного пространства, при котором исключены возможности нарушения прав личности, общества и прав государства в информационной сфере, а также деструктивного и противоправного воздействия на элементы национальной критической информационной инфраструктуры»¹.

Обеспечение ИБ, представляя собой необходимый элемент для формирования сильного государства и нации, стало первоочередной задачей для правящих элит. Защита цифрового пространства в широком смысле проявляется двумя формами: техническая защита и юридическая защита. Наиболее развитые государства в сотрудничестве с бизнес-сообществом ведут активную работу по обоим направлениям, создавая системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы, в то же время, совершенствуя законодательное регулирование деятельности в информационном пространстве. Однако, учитывая специфику сети Интернет, как распределенного ресурса, а также с усилением тенденции к милитаризации информационного пространства и изменением баланса сил на мировой арене, возникает необходимость в многостороннем сотрудничестве государств для совместного противостояния киберугрозам.

Расширение международного сотрудничества в информационной сфере представляет собой одно из приоритетных направлений в обеспечении глобальной и национальной безопасности РФ. Это подтверждается рядом официальных документов государства, в числе которых новая Доктрина информационной безопасности РФ², Основы государственной политики РФ в области международной информационной безопасности³, а также заявлениями на высшем уровне⁴. Россия является активным партнером в области обеспечения МИБ стран-членов таких международных организаций, как СНГ, БРИКС, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, о чем свидетельствует ряд соглашений о сотрудничестве в данной сфере⁵.

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24 июля 2013 г., № Пр-1753) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html> (дата обращения: 15.12.2016).

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента от 05.12.2016 № 646 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002?index=16&rangeSize=1> (дата обращения: 15.12.2016).

³ Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года.

⁴ Вступительное слово Президента РФ на заседании Совета Безопасности 01.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46709> (дата обращения: 15.12.2016).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 28.05.2012 № 856-р «О подписании Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности» [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/>

Еще в декабре 1998 г. вопрос МИБ был впервые поднят Россией на глобальном уровне. На полях Генеральной Ассамблеи ООН была принята консенсусом резолюция «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», инициированная российскими дипломатами¹. Этот момент стал одним из ключевых для постановки проблемы МИБ и ее вынесения на повестку дня работы Генеральной Ассамблеи ООН. Мировое сообщество признало существование угроз МИБ и начало предпринимать попытки договориться о выработке единых принципов, нацеленных на укрепление безопасности глобальных информационных систем.

Традиционным союзником России в вопросе МИБ является Китай. Уже около 20 лет РФ и Китай совместно выступают за продвижение модели многостороннего управления Интернетом на площадке ООН. По данному вопросу цели обеих сторон полностью совпадают. На международных дискуссионных площадках по вопросам управления и регулирования Интернета обе страны критично высказывались в адрес ICANN — корпорации по распределению имен и адресов в Сети, которая до недавнего времени была подотчетна правительству США, делая их монополистом в управлении ключевой инфраструктурой Интернета.

Еще одна совместная российско-китайская инициатива была озвучена осенью 2011 г. Тогда страны выступили с предложением принятия правил поведения государств в киберпространстве, продвигая в ООН концепцию Конвенции «Об обеспечении международной информационной безопасности». Документ отражал базовые принципы и правила поведения всех стран в информационном пространстве для обеспечения ИБ.

Однако подобные инициативы были критично восприняты в правящих кругах США и Евросоюза. Их подход к обеспечению МИБ предусматривает иные действия для предотвращения киберугроз. Западная модель оправдывает вмешательство государственных структур в международное информационное пространство в случае возникновения угрозы их национальной безопасности. Кроме того, вопрос демополизации управления Интернетом также вызывает очевидные разногласия между западной и восточной моделью обеспечения МИБ. Вследствие этого по последнему вопросу долгое время не наблюдалось никаких активных действий со стороны США, пока в июне 2013 г. Эдвард Сноуден, бывший сотрудник ЦРУ и АНБ, не опубликовал секретные документы о глобальной слежке спецслужб США и Великобритании в Сети. Только тогда интернет-пользователи всего мира обратили внимание на проблему монополизации управления Интернетом. Потеряв доверие, технические организации начали искать иные пути решения проблемы. Таким образом, с истечением срока действия контракта между организацией ICANN и правительством США 1 октября 2016 г. и отказом его дальнейшего продления, контроль над управлением Интернетом начал свой переход из рук США к международному сообществу².

documents/3729/; Официальный сайт Организации Договора о Коллективной Безопасности. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=133; Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. Екатеринбург, 16 июня 2009 года (вступило в силу с 5 января 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://ccdcoe.org/sites/default/files/documents/SCO-090616-IISAgreementRussian.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).

¹ Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/disarmament/ru/достижения-в-сфере-информатизации-и-т/> (дата обращения: 15.12.2016).

² «США лишились возможности влиять на мировое управление интернетом». 02.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2016/10/02/noinetusa/> (дата обращения: 16.12.2016).

Трудности в продвижении вопроса МИБ на глобальных международных площадках заставили РФ и Китай переключить свое внимание на региональный уровень сотрудничества. В 2011 г. вступило в силу соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в области обеспечения МИБ¹. Оно впервые выявило существование конкретных угроз МИБ, а также определило основные направления и принципы сотрудничества сторон в данной области. Далее география сотрудничества РФ и Китая в сфере МИБ расширилась за счет других крупных мировых игроков. В 2014 г. в Форталезской декларации участников объединения БРИКС страны осудили «акты массовой электронной слежки и сбора данных о частных лицах по всему миру, а также нарушение суверенитета государств и прав человека»², призвав друг друга к выработке «универсального и имеющего обязательную юридическую силу международно-правового документа в данной области»³. Тема информационной безопасности была продолжена в рамках VII саммита БРИКС в Уфе и закреплена в Уфимской декларации⁴.

Признавая общность подходов и предвидя взаимный национальный интерес, РФ и Китай продолжили развитие темы МИБ на двустороннем уровне. Активное сотрудничество двух стран в информационной сфере берет свое начало в 1993 г., когда было подписано соглашение «О сотрудничестве в области почтовой и электронной связи»⁵. Позднее было подписано множество других двусторонних меморандумов в сфере информатизации. Однако двустороннее соглашение между РФ и КНР о сотрудничестве в области МИБ было подписано лишь в 2015 г., когда страны договорились совместно реагировать на угрозы МИБ, разрабатывать нормы международного права, обмениваться информацией правоохранительных органов, а также технологиями и специалистами для обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры⁶.

Совместное заявление Президента РФ и Председателя КНР о взаимодействии в области развития информационного пространства, подписанное в июне 2016 г., только укрепило намерения государств тесно сотрудничать в данной сфере. В заявлении подчеркивается общность интересов обеих стран, в частности, в обеспечении государственного суверенитета в информационном пространстве⁷.

В ноябре 2016 г. российские и китайские специалисты приступили к работе по созданию документа, предусматривающего выработку международных норм регу-

¹ «О вступлении в силу Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» 14.06.2011. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUtiw2pO53/content/id/203770 (дата обращения: 16.12.2016).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Уфимская декларация (принята по итогам седьмого саммита БРИКС): г. Уфа, Российская Федерация, 9 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.brics.mid.ru/bdomp/brics.nsf/Ufa_Declaration_rus.pdf (дата обращения: 16.12.2016).

⁵ «Двустороннее сотрудничество с Китайской Народной Республикой». Официальный сайт Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/711/> (дата обращения: 16.12.2016).

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 30 апреля 2015 г. № 788-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/5AMAccs7mSIXgbff1Ua785WwMWcABDJw.pdf> (дата обращения: 16.12.2016).

⁷ Совместное заявление Президента РФ и Председателя КНР о взаимодействии в области развития информационного пространства 25.06.2016. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5099> (дата обращения: 16.12.2016).

лирования интернета. Признавая наличие правового вакуума в международном законодательстве в настоящий момент, страны видят необходимость обеспечить суверенитет в информационном пространстве и вывести правовые нормы Интернета на уровень ООН. А поскольку американская модель уже утратила свою актуальность в отношении соответствия международным требованиям регулирования киберпространства, встал вопрос разработки новых принципов¹.

Подобные решения ясно демонстрируют отличие российско-китайского подхода к вопросу МИБ от подхода западных стран. РФ и Китай ищут пути для сотрудничества, призывая к выработке «общих правил игры» в информационном пространстве. В то же время, тенденция к милитаризации информационной сферы заставляет США и другие страны НАТО рассматривать киберпространство как потенциальное поле для конфликта. Все чаще звучат обвинения официальных представителей США в адрес «российских и китайских хакеров» во взломе информационных систем американских государственных ведомств, компаний и краже конфиденциальной информации. И единственным возможным решением проблемы в США видят введение санкций².

Сотрудничество России и Китая обусловлено не только общностью подходов к обеспечению глобальной ИБ. Страны имеют взаимный национальный интерес в подобном сотрудничестве. Для России в условиях западных санкций именно Китай может стать тем сильным и надежным партнером, с которым возможно взаимовыгодное сотрудничество. Безусловно, сравнивая успехи обеих стран в сфере развития ИКТ, следует отметить, что Китай во многом опережает Россию. Согласно докладу «Индикаторы науки и техники», Китай заметно усиливает свои позиции на мировой арене, заняв второе место в мире по объему инвестиций, вкладываемых в научные исследования, наращиванию высокотехнологичного производства, а также лидируя в обеспечении научными и инженерными кадрами³.

27% глобального высокотехнологичного производства приходится на Китай, что выводит его на второе место в мире, он уступает лишь США⁴. Особое внимание Китай уделяет производству и развитию ИКТ, составивших уже в 2014 г. 39% от мирового показателя⁵. Экспорт китайских высокотехнологичных продуктов в сумме составил 2,4 трлн долл.⁶ По сравнению с российскими показателями в 7 млрд долл. в 2016 г. — показателем, озвученным Президентом В. В. Путиным в послании Федеральному Собранию, китайские успехи выглядят более чем убедительно⁷.

Поддержка отечественных технологических инноваций, подготовка высококлассных специалистов, практика ведения ИТ-бизнеса — наиболее сильные стороны китайского опыта в сфере ИКТ. Приоритет собственных технологических инноваций заставил Китай открыть государственные границы для иностранного капитала, при-

¹ Лыков Р. «Кодекс глобальной сети: Россия и Китай предложат ООН принять свод законов интернета» // Политика сегодня. 16.11.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://fapnews.ru/302896-kodeks-globalnoi-seti-rossiya-i-kitai-predlozhat-oon-prinyat-svod-zakonov-interneta> (дата обращения: 18.12.2016).

² «США высылают российских дипломатов и вводят новые санкции из-за кибератак» // Русская служба BBC 29.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-38464443> (дата обращения: 09.01.2017).

³ Science and Engineering Indicators (SEI) Report 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb201611/report/overview/summary-and-conclusions> (дата обращения: 18.12.2016).

⁴ См. там же.

⁵ См. там же.

⁶ Там же.

⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 01.12.2016. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 18.12.2016).

влекая финансирование для экспортно-ориентированных и высокотехнологичных отраслей. Подобный опыт, умения и квалификации, безусловно, были бы полезны для применения в РФ, что стало темой для обсуждения в рамках российско-китайских форумов. Сотрудничество в сфере инноваций перешло в активную стадию с 2014 г., когда Китай стал главным партнером III Московского международного форума «Открытые инновации»¹. В последующие годы Китай и РФ неоднократно обменивались визитами промышленных и инновационных форумов, проводимых в обеих странах².

В китайской Государственной стратегии развития информатизации на 2006–2020 гг. акцент сделан на развитие Интернета для обеспечения экономического роста страны. В числе основных приоритетов информатизации указываются медицина, образование, банковская сфера, научные исследования, развитие бизнеса, а также внедрение электронного правительства [2]. Похожие направления развития отражены в аналогичной государственной программе РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)». Интернет видится для обоих государств эффективным средством модернизации экономики и ослабления остроты проблем в социальной сфере. Именно по этой причине стратегии информатизации РФ и КНР предусматривают широкую поддержку распространения сети в самых удаленных уголках стран. В то же время признается значимость обеспечения социальной стабильности, что достигается нейтрализацией внешнего нежелательного информационно-психологического воздействия на сознание народа. Предоставляя исключительную возможность оказывать влияние на поведение граждан, интернет способен дестабилизировать политические режимы, вследствие чего государства ищут свои пути решения проблемы двойственности влияния интернета [4].

Касательно последнего вопроса Китай демонстрирует большие успехи. Уже более 10 лет в стране действует «Золотой щит» — система фильтрации нежелательного контента, который блокирует доступ к запрещенным веб-сайтам, а также защищает от внешних вирусов и кибератак. Китайские власти активно контролируют материалы, передаваемые по IP-сетям, что предотвращает распространение реакционных настроений в Сети. Функции контроля над Сетью перераспределены между операторами связи и органами власти на местах. За техническое функционирование интернета в Китае отвечает Министерство промышленности и информатизации, а вопросами регулирования контента занимается Государственное управление по делам радиовещания, кинематографии и телевидения [2]. Кроме того, в Китае функционирует специальное полицейское ведомство для контроля за интернетом.

В России фактически все функции контроля над распространяемой информацией, а также обеспечением функционирования Интернета исполняет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), находящаяся в ведении Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Однако существующее законодательство, а также несовершенство структуры органа и процедуры принятия решений не позволяют оперативно реагировать на возникающие угрозы [1]. Таким образом, действующая в России система интернет-контроля не отвечает требованиям эффективности, вследствие чего Правительство переключило свой фокус сотрудничества на

¹ Российско-китайский форум «Инвестиции в инновации» 15–16.09.2016. Официальный сайт. URL: <http://invest-to-innovation.com/> (дата обращения: 18.12.2016).

² «Итоги Седьмого Международного Инновационного Форума «Пуцзян 2014» // Союз общественных объединений «Международный союз приборостроителей и специалистов по информационным и телекоммуникационным технологиям» 20.11.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-expo.ru/index.php/2010-07-23-11-37-45/60-puijiang-2014/472-puijiang2014itogishort.html> (дата обращения: 18.12.2016).

Китай, полагая, что опробованные им технологии в этой области смогут быть применены и к российской реальности. Ряд встреч российских высокопоставленных чиновников с основателями «китайского файерволла» в 2015–2016 гг. дают основание полагать, что Россия пытается перенять опыт китайских коллег в данной сфере. Тем более что в условиях западных санкций Китай остается для России чуть ли не единственным источником новых технологий.

В свою очередь, в КНР видят свою выгоду от подобного сотрудничества. Анализируя российский рекламный теле- и интернет-контент в сфере электроники, можно заметить, что в настоящий момент преобладание в нем китайских устройств. Несмотря на провозглашаемую РФ политику импортозамещения российский рынок ИТ-продуктов все больше заполняется китайскими предложениями, что может нанести ущерб развитию отечественной ИТ-индустрии. Кроме того, Китай заинтересовался российским положительным опытом государственного регулирования информационного пространства. Новый закон о кибербезопасности, принятый в КНР в ноябре 2016 г., обязывает иностранные ИТ-компании хранить данные об организациях и китайских гражданах на внутренних серверах, предусматривая обязательную сертификацию компьютерного оборудования ИТ-компаний. Этот закон практически повторяет требования «Пакета Яровой» — аналогичных документов, принятых в РФ 6 июля 2016 г.¹

Имея много общего в подходах к обеспечению ИБ, выступая союзниками перед лицом глобальных информационных угроз, РФ и КНР, тем не менее, видят в первую очередь свои национальные интересы в подобном сближении. Если страны станут партнерами сегодня, то это не гарантирует продолжение их сотрудничества завтра. Сложная и нестабильная геополитическая ситуация вокруг РФ, агрессивная политика Запада заставили Россию искать союзников на Востоке, однако станет ли такое сотрудничество долговечным — большой вопрос.

Уже сейчас наблюдаются случаи несоблюдения Китаем своих соглашений о кибербезопасности и ненападении, о чем говорит увеличение числа кибератак китайских хакеров на российские объекты критической инфраструктуры². Кроме того, стало заметно стремление КНР к налаживанию сотрудничества в сфере кибербезопасности с США — еще недавно провозглашаемым общим противником³. И подобный интерес понятен, ведь Китай, имея устоявшуюся практику производства высокотехнологичных продуктов, осуществляет их выпуск на основе скопированных западных технологий. А следовательно, ему также нужны союзники из числа стран-источников новых технологий.

Таким образом, разворот курса РФ «на восток» выглядит весьма перспективным в контексте подготовки ИТ-специалистов, развития систем государственного регулирования, онлайн-фильтрации нежелательной информации, а также ведения ИТ-бизнеса. Однако для продвижения собственных технологических продуктов России придется искать другие рынки, для реализации чего многообещающе выглядит сотрудничество со странами БРИКС, ШОС, ЕЭС. Тем не менее, учитывая геополитическую обстановку на мировой арене, на сегодняшний день именно Китай остается для России приоритетным технологическим партнером.

¹ Анушевская А., Чунихина М. «Что такое «пакет Яровой» и в чем его суть?» // Аргументы и факты. 23.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/dontknows/actual/chto_takoe_paket_yarovoy_i_v_chyom_ego_sut (дата обращения: 19.12.2016).

² Bloomberg: «Китайский пылесос» угрожает безопасности России» // RT 26.08.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2016-08-26/Bloomberg-Kitajskij-pilesos-ugrozhaet-bezopasnosti> (дата обращения: 19.12.2016).

³ «Китай готов развивать сотрудничество с США по кибербезопасности» // РИА-новости 15.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20160315/1389884620.html> (дата обращения: 19.12.2016).

Литература

1. Байкова И. А. Информационно-регулирующая функция государства в сети Интернет // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 11 (20). С. 84–86.
2. Ибрагимов Г. Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). Т. 19. С. 169–184.
3. Кучерявый М. М. Роль информационной составляющей в системе политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 155–163.
4. Панцеров К. А. «Твиттерные революции» в странах Северной Африки — обратная сторона развития информационного общества // Азия и Африка сегодня. 2016. № 4. С. 14–19.

Об авторе:

Хижняк Мария Владимировна, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), mariakhizhnyak@gmail.com

References

1. Baikova I. A. Information-regulating function of the state in the Internet // Eurasian Union of Scientists [Evraziyskiy soyuz uchenykh]. 2015. N 11 (20). P. 84–86 (rus).
2. Ibragimova G. China's strategy in the field of Internet governance and information security // Security Index [Index bezopasnosti]. 2013. N 1 (104). V. 19. P. 169–184 (rus).
3. Kucheriavyi M. M. The role of the information component in the system policy National security of the Russian Federation // News of the Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen [Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena] 2014. N 164. P. 155–163 (rus).
4. Pantserov K. A. Twitter revolutions» in North Africa — the flip side of the Information Society // Asia and Africa today [Aziya i Afrika segodnya] 2016. N 4. P. 14–19 (rus).

About the author:

Maria V. Hizhnyak, graduate student of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), mariakhizhnyak@gmail.com

К вопросу о применимости теории корпоративизма Ф. Шмиттера в современном российском политическом пространстве

Костин А. Э.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; aleksandr.e.kostin@gmail.com

РЕФЕРАТ

Автор поставил своей целью выяснить, в какой мере положения классической теории корпоративизма Филиппа Шмиттера могут быть применимы в характеристике современной российской модели корпоративных отношений. В статье анализируются основные характеристики и отличительные черты социального и государственного типов корпоративизма, отраженного в теории Ф. Шмиттера, особенности эволюции моделей и форм российского корпоративизма. Большое внимание уделяется попытке формулирования автором специфических особенностей действующей модели корпоративизма в российском политическом пространстве, близкой к государственному типу, но не являющейся таковой в полной мере.

Ключевые слова: государственный корпоративизм, корпоративизм, неокорпоративизм, российское политическое пространство, Ф. Шмиттер

To the Issue of the Applicability of P. C. Schmitter'S Theory of Corporatism in Modern Russian Political Space

Kostin A. E.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; aleksandr.e.kostin@gmail.com

ABSTRACT

In this article, the author set the goal to determine in what measure the provisions of the classical theory of corporatism of Phillippe C. Schmitter can be applied in the characterization of the modern Russian model of corporate relations. The author focuses on the determination of the type of corporate model of representation of interests in the Russian political space, based on the characteristics of the state and social types, which was formulated by P. C. Schmitter. As a result, the author comes to the conclusion that the Russian model of corporatism is close to the state type of corporatism, but has specific properties that the author tries to formulate.

Keywords: state corporatism, corporatism, neo-corporatism, Russian political space, P.C. Schmitter

Значительным этапом в развитии теории корпоративизма можно считать опубликование в 1974 г. статьи Филиппа Шмиттера «Still the Century of Corporatism?» («Еще век корпоративизма?»), где акцент делается не на идеологию и экономические отношения, а на политическом пространстве при участии корпораций. Шмиттер обратил внимание на то, что термин «корпоративизм» ушел из активного использования, однако сам феномен корпоративизма присутствовал в разных облициях [2, р. 85], что позволило ему сформулировать неокорпоративистский подход, который бы основывался на практике и «очищал» теорию от идеологических элементов, которые наложили негативный фашистский отпечаток в 30-е и 40-е гг. XX в.

Под корпоративизмом Шмиттер понимает «систему представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей» [11].

Как отмечено С. Перегудовым, Ф.Шмиттер рассматривает корпоративизм в широком значении, так как ранее корпоративная модель представительства интересов рассматривалась как альтернативная плюралистической [9, с. 135]. В этом отношении, Шмиттер в качестве критериев отличий между корпоративной и плюралистической моделями представительства интересов выделял: степень формализации, дифференцированность интересов, увеличение административного штата, рост роли олигархии и усиление роли государства [12, р. 96].

Четкие границы между данными моделями представительства с течением времени размывались, поэтому применять широкий шмиттеровский подход сложно, так как он не отражает в полной мере конфигурации взаимоотношений групп интересов и государства.

Содержащиеся в понятии, сформулированном Ф. Шмиттером, характеристики, такие как принудительность, неконкурентность, монополизм могут сформировать представление о том, что корпоративизм и институты демократии — явления несовместимые.

Однако существует две особенности, которые позволяют разрешить данное противоречие.

Во-первых, как справедливо отмечает Е. Потапова, говорить о том, что подобные вопросы «о группах интересов и о неокорпоративизме, меняются в зависимости от исторических обстоятельств» некорректно, «ведь автономная теория должна быть достаточно многогранной, чтобы выдержать проверку разными историческими контекстами» [10, с. 171]. Данный вопрос разрешается самим Шмиттером совместно с Ю. Гроте [10, с. 171] и обозначается как феномен «Сизифа корпоративизма» [13]. Подобно герою древнегреческой мифологии корпоративизм проходит циклы, периодичность которых составляет двадцать пять лет. Во-вторых, важной составляющей теории Шмиттера является выделение двух видов корпоративизма — социального и государственного. Необходимо разграничить эти два типа по основным критериям, являющихся детерминантами корпоративизма (отражены в табл. 1).

Но применимы ли положения теории корпоративизма к России? Относительно применимости концепции Шмиттера в разных странах, он сам заявляет о том, что является непродуктивным рассмотрение корпоративизма как продукта политической культуры какой-то определенной географической области, а также привязки к какому-либо политическому режиму [12, р. 89, 92].

С развитием мировой экономики возрастает роль корпорации не только как экономического, но и политического и социального института. Корпорация, являющаяся составной частью политического устройства, оказывает влияние на будущее политической системы.

Специфические особенности российской корпоративной модели представительства интересов связаны с ролью политического режима и политической элиты.

Несмотря на то, что Шмиттер разграничивал корпоративизм и его виды от типов политических режимов, особенно отмечал тенденции к погружению корпоративизма в более широкую категорию — «авторитарного режима» [12; р. 91], необходимо отметить взаимосвязь между корпоративизмом и политическим режимом в России, т.е. какие средства, механизмы использует власть для осуществления деятельности, в том числе и во взаимодействии с группами интересов.

Разграничение социального и государственного типов корпоративизма

Table 1. Differentiation of Social and State Types of Corporatism

Критерий	Социальный	Государственный
1) Процесс ограничения числа корпоративных участников	В результате договора между «политическими картелями»	Преднамеренное ограничение правительством
2) Исключение корпоративных участников	Спонтанная кооптация/ конкурентное устранение	Оказание давления со стороны государства на множественные или параллельные ассоциации
3) Обязательность для выполнения решений	Де-факто путем социального давления, контролем за договорными взносами, оказание важнейших услуг и/или приобретение частного лицензионного потенциала	Де-юре посредством трудового закона или иным официально установленным актом, признающим исключительную власть
4) Переход к неконкурентному состоянию	Продукт внутренних или внешних олигархических тенденций подобных договорным или добровольным соглашениям между ассоциациями	Непрерывное вмешательство государственного посредничества, арбитража и репрессий
5) Иерархическая упорядоченность	Как результат внутренних процессов расширения бюрократии и/или консолидации	В результате государственно-распорядительной централизации и административной зависимости
6) Функциональная дифференцированность	Достигаются волонтаристскими соглашениями о разделении подконтрольных сфер	В пределах, установленных государством в сфере кадрового обеспечения
7) Признание государством	Признание как политическая необходимость, налагаемая «снизу вверх» на государственных должностных лиц	Возникает «сверху вниз» со стороны государства как условие формирования ассоциации и непрерывной работы
8) Представительная монополия	Путем независимого завоевания	Допускается государством как зависимое
9) Контроль за отбором лидеров и артикуляцией интересов	В результате взаимного консенсуса по вопросам процедуры и/или целям	В результате асимметричного применения организованными монополистами легитимного насилия

Примечание. Таблица составлена по материалам [12].

Стоит отметить, что формы российского корпоративизма менялись — советская модель обозначается как «бюрократический корпоративизм» [7], характеризующийся административно-командным типом управления. В 1997 г. С. Перегудов отмечает сложившуюся систему как кланово-бюрократическую со значительным монополизмом в экономике, но с зачатками трипартизма [6, с. 25]. Через год, рассматривая уже неформализованные процедуры взаимодействия групп интересов и государства, тот же С. Перегудов отмечает в этой связи смену парадигмы — система представительства групп интересов 90-х г. XX в. отмечается уже как олигархический корпоративизм [9, с. 135–136], характеризующийся широким участием крупных финансово-олигархических групп, приоритетом частных интересов над государственными. Период 2000-х гг. также обозначается как модель административно-бюрократического корпоративизма, но в тесном взаимодействии бюрократического аппарата и крупного бизнеса [8, с. 118].

Отечественный исследователь А. Павроз подчеркивает, что с начала 2000-х Россия полностью сменила плюралистическую модель, характерную для 1990-х, на формы, характерные в большей степени корпоративистской теории. Также данный этап характеризуется усилением и вертикальной структуры власти, институционализацией отношений между Президентом РФ, органами государственной власти и крупными бизнес-сообществами, сопровождающимися модернизацией Российского союза промышленников и предпринимателей (РСП), окончанием либерально-олигархической системы представительства интересов, «делом ЮКОСа», что усилило роль государства в отношениях государство-бизнес. Ряд отечественных исследователей отмечают, что выбранный диаметрально противоположный вектор осуществления власти и взаимодействия может привести к авторитарному политическому режиму [3, с. 30; 1].

Рассмотренные выше периоды и соответствующие модели характеризуются различными парадигмами в области управления и представительства интересов, разными взаимоотношениями между государственными структурами и группами интересов, иной политической элитой и политическим режимом, который в России менялся, что иллюстрирует проводимые реформы и политический курс. Таким образом, указанные формы отечественной корпоративной модели представительства интересов не укладываются в рамки рассмотренных Шмиттером типов корпоративизма в полной мере, рассмотренных выше (социального и государственного) [12, р. 105], что позволяет говорить о специфическом феномене российского корпоративизма.

Рассматривая нынешнее десятилетие, можно отметить возрастающую тенденцию к еще большему «огосударствливанью» корпоративной модели представительства интересов.

Российский политолог Дмитрий Орешкин рассматривает сегодняшнюю модель как «гибридный вариант» между административной советской системой и рыночной экономикой, которая характеризуется передачей крупнейших сырьевых отраслей политически лояльным лицам, жестким административным контролем за финансовыми потоками и государственными институтами [4]. Схожей позиции придерживается и Ю. Красин, отмечая сращивание государственной бюрократии и крупного капитала, что привело к формированию корпоративно организованного государственно-бюрократического капитализма, который является одним из важнейших факторов экономического роста, но, с другой стороны, препятствует развитию рыночных отношений [2].

На наш взгляд, обе авторские позиции отражают особенности государственно-корпоративной модели представительства интересов в России. Рассматривая особенности становления в российском политическом пространстве специфической формы корпоративной модели представительства интересов, близкой к государственному типу, можно отметить следующее:

1. Снижение роли плюрализма. Изоляция широких групп интересов приводит к отсутствию возможности для артикуляции интересов, даже несмотря на то, что институциональные основания для представительства групп интересов создаются (Общероссийский народный фронт, Опора и др.). В парламентаризме также отмечаются факторы, косвенно стимулирующие госкорпоративизм — партия власти позиционирует себя центристской и консервативной партией (корпоративизм направлен на преодоление противоречий между правыми и левыми идеями). Недостаточное функционирование такого важнейшего института, как независимые СМИ, привело к тому, что значительное число российской аудитории не считают информацию из СМИ объективной — 40% опрошенных по результатам опроса Фонда общественного мнения в 2017 г.¹
2. Значительная роль государства и политической элиты. Многие крупнейшие государственные корпорации России и нормативно-правовая база, регулирующая их деятельность, создавались в 2007 г. (Росатом, Ростех, Роснано, Олимпстрой и др.)², т.е. по установленным государством правилам. Кадровые вопросы также имеют значительную зависимость от государства — высшие руководители назначаются и освобождаются с должностей Указом Президента РФ или распоряжением Правительства РФ, где в основе выбора лежит не сколько профессионализм, а принадлежность к политической элите. Таким образом, важную роль играют политические элиты, что уменьшает арбитражную функцию государства и способствует развитию практики неформального политического и делового взаимодействия.
3. Недостаточная эффективность. Значительное влияние бюрократического аппарата, а также государственное финансирование отражается на эффективности созданного института государственных корпораций и их мотивированности на извлечение прибыли. В. Путин в своей статье в газете «Ведомости» отметил, что «большинство интегрированных структур не стали ни глобально конкурентоспособными, ни высококапитализированными, ни даже устойчиво прибыльными... Сегодня им необходим топ-менеджмент с высокими компетенциями в инновационном бизнесе»³. Таким образом, В. Путин сам оценивает пятилетний срок (с 2007 по 2012 гг.) неудачным в плане эффективности деятельности государственных корпоративных структур. Однако данная оценка не привела к кадровым изменениям в большинстве государственных корпораций, что позволяет говорить об элитарном и патримониальном характере российского корпоративизма.

Теория корпоративизма, а именно государственный тип, отраженный в работах Ф. Шмиттера, применим к современному российскому политическому пространству с рядом оговорок. Корпоративизм сегодня является вызовом для отечественной публичной политики, а именно отражением степени сбалансированности между общественным интересом и частным — у Шмиттера такой идеальной моделью, включающей автономность, коалиционность исполнительной власти и конкурентные избирательные процессы, является социальный тип корпоративизма. Однако рассмотренные выше особенности российского корпоративизма, главным образом,

¹ Об объективности СМИ и тематических предпочтениях граждан. Опрос Фонда «Общественное мнение» от 20 июля 2017 г. Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13618> (дата обращения: 22.12.2017).

² См. подробнее: Федеральный закон от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ «О Государственной корпорации «Ростехнологии»»; Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий»; Федеральный закон от 30.10.2007 № 238-ФЗ «О Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта».

³ Путин В. В. Нам нужна новая экономика. — Официальный сайт газеты «Ведомости». 30 января 2012 г. Доступ: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 22.12.2017).

степень плюрализма и особенности политического режима указывают на то, что возникновение корпоративной модели представительства интересов социального типа на сегодняшний день маловероятно.

Литература

1. Гельман В. Я., Стародубцев А. В. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов // *Полития*. 2014. №4 (75). С. 6–30.
2. Красин Ю. А. Горячее лето 2014: «Украинский кризис» сквозь призму политологической мысли // *Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы»*. Москва, 21–22 ноября 2014 г. М. : РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова. 2014. С. 268–269.
3. Красин Ю. А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // *Публичная политика в России : сборник статей под общ. ред. Ю. А. Красина*. М. : Альпина Бизнес Букс. 2005. С. 15–32.
4. Орешкин Д. Б. О возвращении в авторитаризм, свободной России и победе «Бюрнеса» — союза постсоветской бюрократии с бизнесом // *Новое время*. 2015. № 19. С. 42–43.
5. Павроз А. В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2009. № 4. С. 50–62.
6. Перегудов С. П. Новый российский корпоратизм: демократический или бюрократический? // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 2. С. 23–26.
7. Перегудов С. П. Организованные интересы и государство: смена парадигм // *Полис. Политические исследования*. 1994. № 2. С. 76–87.
8. Перегудов С. П. Плюрализм и корпоративизм в СССР и России (общее и особенное) // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 5. С. 111–128.
9. Перегудов С. П. Ренессанс корпоративизма? // *Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / под ред. Т. И. Заславской*. М., 1998. С. 130–140.
10. Потапова Е. Б. Неокорпоративизм в Западной Европе как объект теоретического осмысления: проверенные гипотезы и новые взгляды // *Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения*. 2010. № 4. С. 165–173.
11. Шмиттер Ф. Неокорпоратизм // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 2. С. 14–22.
12. Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // *The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World / F. Pike, T. Stritch (eds.)*. London, 1974. P. 85–131.
13. Schmitter P. C., Grote J. R. The Corporatist Sisyphus: Past, Present and Future, European University Institute Working Paper SPS, N 97/4, 1997. P. 1–22.

Об авторе:

Костин Александр Эмильевич, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), aleksandr.e.kostin@gmail.com

References

1. Gelman V. Ya., Starodubtsev A. V. Opportunities and restrictions of authoritative modernization: Russian reforms of the 2000th years // *Polity [Politiya]*. 2014. N 4 (75). P. 6–30/ (In rus)
2. Krasin Yu. A. Hot summer of 2014: «The Ukrainian crisis» through a prism of a political thought // *Materials of the Russian scientific conference (with the international participation) «The Russian political science: sources, traditions and prospects» [Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) «Rossiiskaya politicheskaya nauka: istoki, traditsii i perspektivy»]*. Moscow, on November 21–22, 2014. M. : Publishing Centre of MSMU of M. A. Sholokhov. 2014. P. 268–269. (In rus)
3. Krasin Yu. A. The public sphere and public policy in the Russian measurement // *Public policy in Russia [Publichnaya politika v Rossii]*. The collection of articles under the general edition of Yu. A. Krasin. M. : Alpina Business Books. 2005. P. 15–32. (In rus)
4. Oreshkin D. B. About return to authoritarianism, free Russia and a victory of Burness — the union of Post-Soviet bureaucracy with business // *Modern times [Novoe vremya]*. 2015. N 19. P. 42–43. (In rus)

5. Pavroz A.V. Corporativism: sources, evolution, current state // Messenger of the Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]. Series 18. Sociology and political science. 2009. N 4. P. 50–62. (In rus)
6. Peregudov S. P. New Russian corporatism: democratic or bureaucratic? // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 1997. N 2. P. 23–26. (In rus)
7. Peregudov S.P. Organized interests and state: change of paradigms // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 1994. N 2. P. 76–87. (In rus)
8. Peregudov S. P. Pluralism and corporativism in the USSR and Russia (the general and special) // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2010. N 5. P. 111–128. (In rus)
9. Peregudov S.P. Corporativism Renaissance? // Where there is Russia? Transformation of the social sphere and social policy [Kuda idet Rossiya? Transformatsiya sotsial'noi sfery i sotsial'naya politika] / ed. T.I. Zaslavskaya. M., 1998. P. 130–140. (In rus)
10. Potapova E. B. Neocorporativism in Western Europe as object of theoretical judgment: the checked hypotheses and new views // Bulletin of St. Petersburg State University [Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta]. Series 6. Political science. International relations. 2010. N 4. P. 165–173. (In rus)
11. Schmitter P. Neocorporatism // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 1997. No. 2. P. 14–22. (In rus)
12. Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World / F. Pike, T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 85–131.
13. Schmitter P.C., Grote J.R. The Corporatist Sisyphus: Past, Present and Future, European University Institute Working Paper SPS, N 97/4, 1997. P. 1–22.

About the author:

Aleksandr E. Kostin, Graduate Student of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), alexsandr.e.kostin@gmail.com

Превентивный военный удар: от воспитания американского патриотизма к угрозам международной безопасности

Кириленко В. П., Алексеев Г. В.

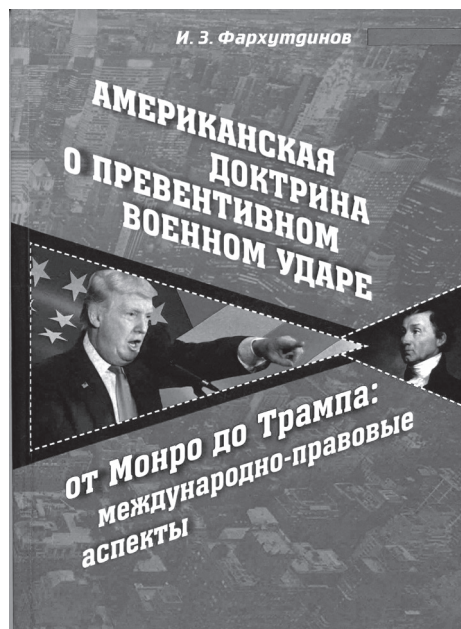
Рецензия на монографию И. З. Фархутдинова «Американская доктрина о превентивном военном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты». М. : ЕВРАЗНИИПП, 2017. 338 с.

ISBN 978-5-905259-31-9

РЕФЕРАТ

Монография видного российского специалиста в области международного права Инсура Забировича Фархутдинова «Американская доктрина о превентивном военном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты» вызвала оживленную научную дискуссию вокруг проблемы применения силы в современной международной системе. С одной стороны, для сохранения глобального правопорядка совершенно необходимо международное вмешательство в политическую ситуацию там, где нарушаются права человека, с другой стороны, неоправданное применение силы создает угрозу эскалации политической нестабильности и подрывает международную безопасность. Представляется обоснованным вывод о том, что Доктрина Монро создавалась как политический инструмент защиты США от вмешательства со стороны иностранных правительств во внутренние дела Америки, но стала средством распространения национального суверенитета на пространства с международным режимом и территорию других стран.

Ключевые слова: международное право, США, применение силы, агрессия, Доктрина Монро, суверенитет, демократия, терроризм, лидерство

Preventive Military Strike: From American Patriotism to the Threats of International Security

Kirilenko V. P., Alekseev G. V.

Review for a monograph Farkhutdinov I. Z. "American Doctrine of Preventive Military Strike from Monroe to Trump: International Legal Aspects". М. : EURASNIIPP, 2017. 338 p.

ABSTRACT

The monograph of the prominent Russian expert in the field of international law, Insur Zabirovich Farkhutdinov "The American Doctrine of Military Strike from Monroe to Trump: International Legal Aspects" sparked a lively scientific discussion around the problem of the use of force in the modern international system. On the one hand, to preserve the global legal order, it is absolutely necessary to intervene internationally in the political situation where human rights are violated, on

the other hand, the unjustified use of force creates the threat of escalating political instability and undermines international security. It seems reasonable to conclude that the Monroe Doctrine was created as a political instrument to protect the US from interference by foreign governments in the internal affairs of America, but became a means of spreading national sovereignty to spaces with an international regime and the territory of other countries.

Keywords: international law, USA, armed force, aggression, the Monroe Doctrine, sovereignty, democracy, leadership.

Сохранение мира становится все более сложной задачей в современных геополитических условиях. По справедливому замечанию профессора В. М. Фалина «двадцатое столетие побило все прежние рекорды в утолении жажды насилия, подавлении морали, стирании грани между миром и войной. Земной шар — сплошь подмостки театра военных действий» [7, с. 52]. Реалии политики первой четверти XXI в. демонстрируют высокую степень готовности многих развитых государств к применению военной силы для защиты национальных интересов. В то время как военная активность, развивающаяся на основе норм международного публичного права, — гарантия всеобъемлющей безопасности, многие научные работы показывают, что американские политические лидеры склонны к военным авантюрам [1; 8; 12].

Проблема применения военной силы, ставшая центральной в монографии И. З. Фархутдинова «Американская доктрина о превентивном военном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты» [8], является актуальным и увлекательным объектом научного исследования. Работа интересна во многих аспектах: от обстоятельной юридической оценки нелегальности применения военной силы США в Югославии, Ираке, Сирии и других странах, до аналогий между экстремизмом и панамериканизмом. Очевидная опасность применения военной силы и принципиальная важность поддержания мира в международной системе часто сталкиваются с необходимостью останавливать беззаконие и произвол при помощи армии, которая призвана решать широкий комплекс геополитических задач.

По вопросу превентивного применения военной силы Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании клуба «Валдай» 22 октября 2015 г. точно сформулировал парадигму борьбы с международным терроризмом: «Если драка неизбежна, бить надо первым»¹. Очевидно, что превентивный военный удар являлся в данном случае единственным средством возвращения международной ситуации в правовое состояние демократии. И вместе с тем только в случае нарушения фундаментальных принципов права противником, неспособным к конструктивному диалогу, военный удар становится легитимной формой реагирования, формальную легальность которого обеспечивает согласие официальных властей государства на военное вмешательство или решение Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Многочисленные примеры применения американской военной силы, приведенные в исследовании И. З. Фархутдинова, демонстрируют противоречивость и идеологическую несостоятельность расширения влияния США в современной международной системе. Красной нитью через всю работу проходит идея о том, что США озадачены превентивным разрушением тех политических режимов, которые смогут конкурировать с Америкой в обозримом будущем. Одной из положительных особенностей рецензируемой монографии стало создание пространства для широкой научной дискуссии по ряду вопросов, касающихся причин имплементации Доктрины Монро во внешнюю политику современной Америки. Существует несколько проблем в при-

¹ Видеозапись выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина [Электронный ресурс]. https://www.youtube.com/watch?v=z_RgaOvgpSY (дата обращения: 25.02.2018).

знании любого военного вмешательства противоречащим международному публичному праву, и все они напрямую затрагивают национальные интересы и принцип устойчивого развития в той части политического курса страны, которая определяет разницу между законностью, плюрализмом, многообразием, с одной стороны, и произволом, гегемонией, диктатурой — с другой. Представляется, что дальнейшие научные исследования, оценивая Доктрину Монро и политику Трампа, могут обратить внимание на ряд особенностей осуществления своей внешней политики американским режимом.

Во-первых, в российской политико-правовой мысли относительно мало внимания уделяется научной основе пропаганды американского патриотизма, и, следуя этой устоявшейся традиции, рецензируемая монография опирается на критическую социологию Ноама Хомски (Avram Noam Chomsky) в вопросе интерпретации американского общественного мнения о недопустимости военного вмешательства в дела иностранных государств [9], а также демонстрирует идеологическую слабость современных Соединенных Штатов. На самом же деле в подавляющей своей массе политический истеблишмент США и ведущие американские ученые исходят из концепции американского лидерства в мире, которое позволяет Америке диктовать условия внешней торговли любому государству [15]. Самосознание американского народа предполагает исключительность американской национальной идеи как особой формы справедливости, позволяющей в процессе принятия судьбоносных решений не принимать во внимание мнение остальных людей, не являющихся американцами.

Во-вторых, обоснованно анализируя Доктрину Монро (Monroe Doctrine) как политический инструмент интеграции всего Американского континента вокруг США, рецензируемое исследование косвенно затрагивает вопрос о распространении влияния идеологии политического класса США внутри страны и за ее пределами преимущественно военными средствами. Доктрина Монро 1823 г. стала во многом результатом Англо-американской войны 1812–1815 гг. в Канаде, изначально обусловившей развитие самостоятельной американской государственности, которая окончательно оформилась в результате военного конфликта между США и Мексикой в 1846–1848 гг. и Гражданской войны в США 1861–1865 гг. [5, с. 108–109]. Современное централизованное американское государство, участвовавшее во всех крупных войнах XX в., — результат уничтожения эффективной государственности соседей и подчинения интересов гражданского общества конкретным финансово-олигархическим структурам, заинтересованным в централизации власти.

В-третьих, влияние американской демократии отчетливо прослеживается в развитии глобальной цивилизации. Суверенитет любого государства в современном мире ограничивается общественным мнением, которое находится под влиянием средств проамериканской пропаганды. Неолиберальная идеология предполагает дискриминацию целых стран и народов на основе их экономической слабости и финансовой несостоятельности в универсальной системе, где именно США определяют правила конкуренции и контролируют финансовые структуры. Глобальное доминирование американской либеральной парадигмы в значительной степени парадоксально, учитывая недостаточный уровень американской системы среднего образования, объективные противоречия внутри американского общества, где жива память о сегрегации и сформирована тотально коммодифицированная культура, а также господствует примитивное бытовое мировоззрение во всех социальных институтах для представителей среднего класса. Идеология радикального индивидуализма снижает способность США достигать компромисса в процессе переговоров и создает двойные стандарты, — одни для себя и своих союзников, другие для всех остальных [11].

Критическое отношение в рецензируемой монографии к внешней политике США, как представляется, обусловлено систематическим злоупотреблением суверенитетом со стороны американской власти, которое происходит в результате солидарности Конгресса и Администрации Президента США в отношении изначально ущербного юридического статуса всех остальных народов, кроме американского. Причины такого отношения к чужим национальным интересам лежат на поверхности, их природу составляет комплекс факторов: в то время как средний класс отличается исключительной самоуверенностью, внутри элит американского общества культивируется стремление доминировать в глобальной политике и экономике, которое характеризуется через патриотизм и демократию [15]. Лидерство в современной международной системе не должно приводить к разрушению государственности и ослаблять национальный суверенитет [3], который должен отвечать современным вызовам информационного общества [6, с. 187].

Превентивный военный удар — угроза международной безопасности. Использование данного средства воздействия на преступные политические режимы сопряжено с высокой степенью ответственности тех субъектов международного публичного права, которые применяют военную силу. Однако, как видно из исследования И. З. Фархутдинова, логика применения военной силы США подчиняется только логике пропаганды американского патриотизма. Этот вывод подтверждается последними научными работами известного американского политолога Джозефа Ная (Joseph S. Nye, Jr.), который пишет: «Понимание сдерживания и разубеждения в киберпространстве часто затруднено, потому что наши умы захвачены образами холодной войны о массивном возмездии за ядерный удар ядерными средствами. Однако аналогия с ядерным сдерживанием вводит в заблуждение, поскольку многие аспекты кибер-поведения более похожи на другие виды противоправных действий, в том числе преступления в попытке (хотя и несовершенно) сдерживать противника» [14, р. 44]. Очевидно, что превентивный военный удар стал для США средством сдерживания развития других стран и народов; такая политика сдерживания малоэффективна и противоречит нормам международного права, однако использует изощренные средства легитимации наказания и угроз в отношении тех стран, которые проводят самостоятельную внешнюю политику [1].

Помимо применения военной силы «патриотическое воспитание» американцев осуществляется посредством внедрения манипулятивных практик в западную гуманитарную доктрину. В последнее время многие западные ученые, например историк Марк Эдел (Mark Edele) из Университета Мельбурна, всерьез взялись за пересмотр последствий Второй мировой войны, обвиняя при этом российскую сторону в политизации истории [10]. Мобилизация патриотических чувств в России происходит вне всякого сомнения своевременно, на фоне очевидной военной угрозы со стороны США, которые демонстрируют готовность к применению силы в любой точке нашей планеты для защиты национальных интересов. Склонность американского политического класса к насилию получила самую широкую научную оценку в американской политической науке [12].

Политические технологии американского доминирования на страницах журнала «International Security» жизненно характеризуют американские политологи Лиза Мордже Ховард (Lise Morjé Howard) и Александра Старк (Alexandra Stark): «...с распадом советской экономики, кончиной Советского Союза и ростом однополярности Соединенные Штаты и их союзники столкнулись с необычайной новой возможностью помочь своим сателлитам победить в многочисленных гражданских войнах по всему миру. Соединенные Штаты добивались односторонней победы десятилетиями; таким образом, можно было бы ожидать, что эта практика будет продолжаться всегда. Однако американцы вместе со своими союзниками предпочли не добиваться полного поражения противников, достигая вместо этого согласованных

решений... даже в тех случаях, когда урегулирование означало включение противников Соединенных Штатов в новое правительство» [13, р. 128]. Таким образом, американское руководство последовательно создавало политическую неопределенность во всех регионах мира, где ими наносились превентивные военные удары, что стало причиной растущей обеспокоенности по вопросам международной безопасности.

После того как доверие значительной части мирового сообщества к американской внешней политике было утрачено, социологические исследования стали демонстрировать, что «главную угрозу миру в настоящее время представляют, по мнению опрошенных, США» [4, с. 82]. Признавая очевидные успехи американского народа в науке и технике, политике и искусстве, других сферах народного хозяйства и национального военного строительства, следует констатировать проблемы во внешней политике США, вызванные систематическим и неоправданным в международно-правовом смысле применением силы федеральным правительством. Нелегитимное применение США военной силы получило живую и наглядную иллюстрацию на страницах монографии И. З. Фархутдинова «Американская доктрина о превентивном военном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты» [8].

Кириленко Виктор Петрович

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой международного и гуманитарного права,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
kirilenko-vp@sziu.ranepar.u*

Алексеев Георгий Валерьевич

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры правоведения, кандидат юридических наук, доцент
Deltafox1@yandex.ru*

Литература

1. Громогласова Е. С. Визуально-образный контекст военного контртерроризма // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 5. С. 45–56.
2. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. *Международное право и информационная безопасность государств: монография*. СПб. : СПбГИКиТ. 2016.
3. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях // *Управленческое консультирование*. 2016. № 3 (87). С. 14–23.
4. Кириллов В. В. Военная активность: сущность, содержание и влияние на безопасность России // *Социологические исследования*. 2014. № 4 (360). С. 74–82.
5. *Международная интеграция и интеграционное право: учебник / под общ. ред. В. А. Шамахова, В. П. Кириленко, С. Ю. Кашкина*. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2017.
6. Терентьева Л. В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 1. С. 187–200.
7. Фалин В. М. Русофобия и антисоветизм Запада — факторы укрепления германского фашизма и состоявшейся реализации части его агрессивных планов // *Российский экономический журнал*. 2015. № 1. С. 52–76.
8. Фархутдинов И. З. *Американская доктрина о превентивном ударе: от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты*. М. : ЕВРАЗНИИПП, 2017.
9. Chomsky A. N. *A New Generation Draws the Line: Humanitarian Intervention and the “Responsibility to Protect” Today*. Boulder : Paradigm Publishers, 2012.
10. Edele M. *Fighting Russia’s History Wars: Vladimir Putin and the Codification of World War II // History and Memory*. 2017. Vol. 29, N 2. P. 90–124.

11. Gilens M., Benjamin I. Page Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens // *Perspectives on Politics*. 2014. Vol. 12, N 3. P. 564–581.
12. Giroux H.A. War Culture and the Politics of Intolerable Violence // *Symplokē*. 2017. Vol. 25, N 1–2. P. 191–218.
13. Howard L.M., Stark A. How Civil Wars End: The International System, Norms, and the Role of External Actors // *International Security*. 2018. Vol. 42, N 3, Winter 2017/18. P. 127–171.
14. Nye J.S. Deterrence and Dissuasion in Cyberspace // *International Security*. 2017. Vol. 41, N 3. P. 44–71.
15. *Patriotism, Democracy, and Common Sense: Restoring America's Promise at Home and Abroad*. Alan Curtis, Kevin Phillips, Eric Alterman & oths. Rowman & Littlefield Publishers, 2005.

References

1. Gromoglasova E.S. Visual and figural context of military counterterrorism // *World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2017. N 5. P. 45–56. (In rus)
2. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. International law and information security of the states: monograph. SPb. : St. Petersburg State University of Film and Television. 2016. (In rus)
3. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. The Problem of State Sovereignty in the Modern Geopolitical Conditions // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2016. N 3 (87). P. 14–23. (In rus)
4. Kirillov V.V. Military activity: essence, maintenance and influence on safety of Russia // *Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]*. 2014. N 4 (360). P. 74–82. (In rus)
5. International integration and integration law: textbook / under a general edition of V.A. Shama-khov, V.P. Kirilenko, S.Yu. Kashkin. SPb. : NWIM of RANEPa, 2017. 880 p. (In rus)
6. Terentyeva L.V. The concept of sovereignty of the state in the conditions of globalization and information and communication processes // *Law. Journal of Higher School of Economics [Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki]*. 2017. N 1. P. 187–200. (In rus)
7. Falin V.M. Russophobia and anti-sovietism of the West — factors of strengthening of the German fascism and the taken place realization of a part of its aggressive plans // *Russian economic journal [Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal]*. 2015. N 1. P. 52–76. (In rus)
8. Farkhutdinov I.Z. The American doctrine about preventive strike: from Monroe to Trump: international legal aspects. M. : Eurasian scientific and research Institute of Law Problems, 2017. 338 p. (In rus)
9. Chomsky A.N. A New Generation Draws the Line: Humanitarian Intervention and the “Responsibility to Protect” Today. Boulder : Paradigm Publishers, 2012.
10. Edele M. Fighting Russia's History Wars: Vladimir Putin and the Codification of World War II // *History and Memory*. 2017. Vol. 29, N 2. P. 90–124.
11. Gilens M., Benjamin I. Page Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens // *Perspectives on Politics*. 2014. Vol. 12, N 3. P. 564–581.
12. Giroux H.A. War Culture and the Politics of Intolerable Violence // *Symplokē*. 2017. Vol. 25, N 1–2. P. 191–218.
13. Howard L.M., Stark A. How Civil Wars End: The International System, Norms, and the Role of External Actors // *International Security*. 2018. Vol. 42, N 3, Winter 2017/18. P. 127–171.
14. Nye J.S. Deterrence and Dissuasion in Cyberspace // *International Security*. 2017. Vol. 41, N 3. P. 44–71.
15. *Patriotism, Democracy, and Common Sense: Restoring America's Promise at Home and Abroad*. Alan Curtis, Kevin Phillips, Eric Alterman & oths. Rowman & Littlefield Publishers, 2005.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory” (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/login>). Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>)

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»;
 - ♦ после проведения научной экспертизы редакция вправе запросить две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае, если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
 - ◆ сведениями об авторах (на **русском и английском языках**), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - ◆ поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

- ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
- 5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;
 - ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
 - ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой ...

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

◆ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

◆ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

◆ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

- ◆ *Статьи в научных журналах:*
 1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
 2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.
- ◆ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.
- ◆ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.
- ◆ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.
- ◆ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*
 1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).
 2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2017. № 2(110)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.02.2018.
Подписано к печати 15.02.2018.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,06 . Тираж 200 экз.
Заказ № 2/18.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97